

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ
ВЪСТНИКЪ**

№ 4₍₂₂₎

2009

Москва 2009

**РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИСТОРИКО-АРХИВНЫЙ ИНСТИТУТ**

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **С.В. Карпенко**

**А.Б. Безбородов, Л.Е. Горизонтов, Е.Н. Евсева, В.Д. Зими́на,
А.А. Киличенко, Т.Ю. Красовицкая, А.В. Крушельницкий,
В.В. Минаев, А.С. Сенин, П.П. Шкаренков**

Издатель **С.С. Ипполитов**

Обложка **А. Надточенко**

Журнал основан в 2000 г.

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

125267, Москва, Миусская пл., 6

Эл. почта: nivestnik@yandex.ru

Сайт: www.nivestnik.ru

Подписной индекс
по каталогу «Роспечати»: 36574

© Новый исторический вестник, 2009
© Российский государственный
гуманитарный университет, 2009

**RUSSIAN STATE UNIVERSITY
FOR THE HUMANITIES
INSTITUTE FOR HISTORY AND ARCHIVES**

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief **S. Karpenko**

**A. Bezborodov, E. Evseva, L. Gorizontov,
A. Kilichenkov, T. Krasovitskaia, A. Krushelnitskii,
V. Minaev, A. Senin, P. Shkarenkov, V. Zimina**

Publisher **S. Ippolítov**

Cover Designer **A. Nadtochenko**

The Journal is founded in 2000

Quarterly journal

Address:

6, Miuskaya sq., Moscow, Russia, 125267

E-mail: nivestnik@yandex.ru

Web-site: www.nivestnik.ru

Subscription index
Under the catalogue of «Rospechat'»: 36574

© by Novyi Istoricheskii Vestnik, 2009
© by Russian State University
for the Humanities, 2009

СОДЕРЖАНИЕ

Статьи

<i>Мазин К.А.</i> «Окно в Европу» и начало российского «академического зарубежья»	5
<i>Симонов А.А.</i> Мятеж полков Николаевской дивизии на Восточном фронте (январь 1919 г.)	15
<i>Мельниченко М.А.</i> Ленин и Троцкий в советском политическом анекдоте 1920-х гг.	28
<i>Ерохина О.В.</i> Германская концессия «Маныч» в Советской России (1922–1934 гг.)	34
<i>Богданов С.В.</i> . Спекуляция в СССР в 1945–1953 гг.: причины, масштабы, особенности	41
<i>Ерегина Н.Т.</i> Сталинские идеологические кампании и высшая медицинская школа 1946–1953 гг.	48
<i>Самарин А.В.</i> Проекты переброски северных рек: ученые Коми против советской гигантомании	58

Сообщения

<i>Борисов В.Е.</i> «Чтобы перестали матерною бранью бранитца»: видения в слободах Верхотурского уезда 1688 г.	67
<i>Каиль М.В.</i> Управление Смоленской епархией во время Гражданской войны	71
<i>Свидзинская М.С.</i> Великокорусский оркестр заключенных Таганской тюрьмы (1919–1921 гг.)	78

Антибольшевистская Россия

<i>Иоффе Г. (Канада)</i> Революционер: Жизнь и смерть Бориса Савинкова	86
--	----

События и судьбы

<i>Симонов А., Симонов А., Карпенко С.</i> Дело Якова Лиманского	93
--	----

У книжной полки

<i>Шаццлло М.К.</i> Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции, 1917 – начало 1920-х годов.	168
Содержание, авторы, аннотации	176
Contents, Authors, Summaries	180

СТАТЬИ

К.А. Мазин

«ОКНО В ЕВРОПУ» И НАЧАЛО РОССИЙСКОГО «АКАДЕМИЧЕСКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ»

В первой четверти XVIII в. благодаря петровскому «десанту» за европейским образованием на территории европейских стран появились «сообщества российских подданных», либо командированных властью, либо прибывших туда по собственной инициативе с целью получения высшего образования и «совершенствования в науках». Так было положено начало российскому «академическому зарубежью»¹. Не все его представители достигли больших высот в науке, не все вернулись в Россию образованными специалистами. А иные и совсем не вернулись.

Проблема эта возникла до Петра I. Россия давно уже нуждалась в людях с европейским образованием. Без этого невозможно было вести дипломатическую деятельность, осуществлять экономические и политические меры, способные хотя бы частично ликвидировать отставание страны от ведущих держав. Говоря шире, вообще невозможно было занять сколько-нибудь достойное место среди своих соседей по Европе. В какой-то мере потребность в специалистах с образованием европейского уровня удовлетворялась путем приглашения на русскую службу иностранцев. Хотя и с этим, казалось бы, нехитрым делом, поначалу были большие трудности. Власти европейских государств, опасаясь соперничества медленно, но уверенно набиравшей силу «азиатской» державы, просто не пропускали в Россию уже завербованных специалистов. Так, еще в правление Елены Глинской в 1534 г. русский агент пригласил более ста представителей различных отраслей знаний и специальностей, но из-за преград государственных учреждений западноевропейских держав они не доехали даже до русской границы. Только в 1567 г. в результате письменных переговоров Ивана IV с английской королевой Елизаветой произошел «прорыв блокады» в этом вопросе².

Самым первым из известных сейчас русских, получивших западное образование, был знаменитый первопечатник Иван Федоров: он учился в Краковском университете, где в 1532 г. получил степень бакалавра. Тогда же русского юношу впервые послали за границу учиться за государственный счет. По воспоминаниям кн. А.М. Курбского, он «послан был на науку за море, во Ерманию, и тамо навык добре Алеманскому языку и писанию, бо там пребывал учась немало лет и объездил всю землю Немецкую и возвратился был к нам в отечество»³.

Необходимость европейского обучения для обеспечения государственных интересов была очевидна большинству правителей России и в следующем, XVII в. Борис Годунов даже строил планы открытия в стране университета, для чего

вступил в переговоры с западными учеными, пытаясь склонить их к переходу на русскую службу. Но этому проекту активно воспротивилось православное духовенство: усмотрело угрозу в том, что русских студентов будут учить католики и протестанты. Единственное, что удалось сделать дальновидному царю (и это уже было достижением для того времени) – в 1601–1602 гг. послать 18 боярских детей «для науки разных языков и грамот» во Францию, Любек и Англию⁴.

О судьбе посланных во Францию точных сведений нет. Об отправленных в Любек власти вспомнили при Василии Шуйском. Послали запрос. В ноябре 1606 г. бургомистр и ратманы Любека прислали ответ. Они подтвердили, что в 1603 г. из Новгорода к ним на обучение прибыло пятеро русских молодых людей, причем, власти города взяли на себя расходы не только по их обучению, но и по содержанию. Но «студенты» оказались «непослушливы и поучения не слушали». Более того, двое вскоре скрылись в неизвестном направлении. Представители властей Любека спрашивали, что делать с оставшимися «студентами» из России⁵. О дальнейшей их судьбе сведения пока не обнаружены.

Более всего данных сохранилось о четырех юношах, отправленных на обучение в Англию. Это были «Микифор Орефрьев сын Григорьев, Софон Михайлов сын Кожухов, Казарин Давыдов и Фетька Костомаров», отплывшие из Архангельска 30 июля 1602 г. Сопровождал их представитель английской «Русской компании» Джон Мерик, ведавший в ней подготовкой переводчиков⁶. В Англии их распределили между четырьмя лучшими учебными заведениями Винчестера, Итона, Кембриджа и Оксфорда⁷. В Москве о них вспомнили лишь через четыре месяца после восшествия на престол Михаила Федоровича. Среди прочих наказов посольской делегации в Англию А.И. Зюзина и дьяка Алексея Витовтова было распоряжение и о розыске российских студентов. О том, какую важность придавали этому вопросу при дворе, говорит подробная инструкция дипломатам, как вести себя во время переговоров о возвращении подданных русского царя. Им предлагалось использовать весь набор средств от «просьб и логики» до «секретных розысков и угроз о разрыве отношений». Однако усилия российской делегации оказались тщетны, и ей пришлось вернуться домой без выпускников английских университетов⁸.

Несмотря на это, в 1617 г. с тем же Джоном Мериком в Англию был послан сын переводчика Посольского приказа Иван Алманзенев. Он хорошо зарекомендовал себя в Кембридже, и его отправили для продолжения учебы во Францию и Италию, что было типично для английских студентов того времени. В 1629 г. король Англии Якоб I в письме Михаилу Федоровичу отмечал успехи Алманзенова в латинском, английском и греческом языках, а также указывал, что после заграничной стажировки он намерен обучаться медицине, чтобы быть полезным лично государю своей страны⁹. Скорее всего, Иван Алманзенев стал единственным студентом, вернувшимся в Россию. Остальные этого сделать не пожелали.

В 1621 г. посольство дворянина Вольнского и дьяка Марко Поздеева вновь подняло вопрос о выдаче своих подданных, уже весьма солидных людей, и снова получило решительный отказ. Наши послы даже заподозрили, что англичане «неволей» удерживают русских. Но это было не так. Еще при отправке в Англию

родители будущих студентов строго наказывали им не увлекаться «заморщиной»¹⁰, однако именно это и произошло с русскими юношами, большую часть жизни прожившими вдали от родительского дома. На родину они не возвращались по собственной воле, успешно адаптируясь к жизни в «чужой стране». Один из них даже стал англиканским пастором¹¹.

Русский историк А.В. Арсеньев охарактеризовал эмиграцию российских выпускников английских университетов как «факт грустный, говорящий, что родина в тогдaшнее время не тянула к себе русских, отторгнутых с молодых годов от семейства и брошенных в водоворот европейской жизни»¹². Трудно с ним не согласиться. И понятно, почему правительственные власти России, наученные горьким опытом, на долгие годы прекратили отправку юношей за границу на учебу.

Наступила эпоха Петра I. Его грандиозные реформы требовали уже не десятков, даже не сотен, а тысяч специалистов, обученных в ведущих странах Европы. И как всегда, он показал в этом деле личный пример: получил дипломы корабельного мастера в Голландии и часовых дел мастера в Англии. М.В. Ломоносов писал о Петре: «Всех общий пример и предводитель, паче обыкновения других государей, неоднократно удаляясь из отечества, в Германии, Франции, Англии и Голландии, пылая снисканием знаний, странствовал»¹³.

Одним из первых, кто был послан для обучения за границу в петровское время, был сын дьяка Посольского приказа П.В. Постников. В 1687–1691 гг. он успешно учился в Славяно-Греко-Латинской академии, а в 1692 г. был отправлен в Италию, в Падуанский университет¹⁴. Проявив блестящие способности, уже через два года о получил звания докторов медицины и философии. В 1695 г. продолжил изучение медицины в Парижском университете, а еще через год – в Лейденском. В 1697 г. ему «было велено» состоять при «Великом посольстве» Петра в Европу. После отъезда царя из Англии Постников знакомился с постановкой университетского образования в Оксфорде и закупал медицинские инструменты, Вскоре он вернулся в Россию в звании «первого русского доктора»¹⁵.

Этот случай был типичным для петровского правления. Петр посылал своих подданных не за расплывчатыми знаниями, а исходя из потребности страны в конкретных специалистах. Самым важным, судя по числу посланных, было укомплектование обученными кадрами любимого детища царя-реформатора – военно-морского флота. В 1697 г. первая партия из 50 стольников была отправлена для обучения морскому делу. 22 из них попали на учебу в Англию и Голландию, 28 – в Италию. А всего с 1697 г. по 1725 г., по неполным данным, Петр I отправил 26 групп волонтеров¹⁶. Часто он посылал учиться мастерству навигации по индивидуальным указам. Так было, например, с его двоюродными братьями Александром Львовичем и Иваном Львовичем Нарышкиными. Их Петр I отправил в очень юном возрасте: старшему было 14 лет, младшему – 8. Они уже в России получили хорошее образование, овладев латинским языком. Волонтеры учились в Голландии под присмотром кн. И.Б. Львова, затем к ним присоединились будущие навигаторы А.И. Леонтьев, И.А. Урусов и «солдаты» С. Козлов и Д. Ухватов. Пробыв за границей с 1706 по 1721 гг., «студенты морского дела» вернулись в Россию и успешно сдали экзамены на «поручика флота Российского»¹⁷.

Так же был отправлен в 1707 г. и сын кн. Г.Ф. Долгорукова, Алексей. Учебные командировки стали уже обычным делом, и царь мог бы избавить себя от составления инструкции. Однако, отчасти из уважения к знатному роду, отчасти из стремления вникать во все мелочи, он изложил целую программу обучения. «Учить навигацию со всем, что к оной надлежит», с октября по апрель, а в остальное время «ездить на море на военных кораблях для искушения, ибо морское хождение вскоре познать невозможно». Желательно также научиться голландскому языку. «А в протчем дается воля, что еще учить похочет, однакож по совершении вышеписанного»¹⁸.

Русская знать обычно посылала сыновей за море не столько из желания сделать их европейски образованными, сколько с целью угодить царю. В 1697 г., чтобы завоевать доверие Петра, П.А. Толстой – уже в возрасте 52-х лет, будучи уже дедушкой – испросил у него разрешение отправиться волонтером в Италию¹⁹. В числе 37-ми других отпрысков знатнейших фамилий престарелый «студент» овладел азами навигации и, видимо, успешно, о чем свидетельствуют аттестаты, выданные ему после каждой морской практики. Особенно примечателен последний, полученный Толстым из рук венецианского князя. Оказывается, Петр Андреевич прошел курс теоретической подготовки и постиг навыки кораблевождения: в осеннее время 1697 г. он «в дорогу морскую пустился, гольфу нашу переезжал, на которой через два месяца целых был не уstraшенный в бурливости морской и в фане фортуна морских не уstraшился, но во всем с теми непостоянными ветрами шибко боролся». Однако он ни дня не служил на флоте, ему предстояло проявить себя не в морских сражениях, а на ниве дипломатии и тайного политического сыска²⁰.

Прилежание большинства волонтеров стимулировалось и страхом перед царем, лично экзаменовавшего вернувшихся с обучения гардемарин. Все еще помнили случай с первыми волонтерами, которые несколько ранее Петра прибыли в Голландию в 1697 г. Они пытались вернуться на родину, обучившись лишь обращению с компасом и ни разу не выйдя в море. Эта попытка была Петром тут же пресечена. Затем среди некоторых волонтеров начались разговоры, осуждающие участие царя в постройке корабля. Петр велел заковать крикунов в цепи, чтобы потом отрубить им головы. Лишь протест бургомистров, напомнивших царю, что в Голландии нельзя казнить человека без суда, вынудил его изменить решение и вместо казни сослать их в отдаленные колонии²¹.

Всего же за время правления Петра I за границей обучение морскому делу прошло около тысячи российских подданных²². В итоге в 20-х гг. XVIII в. отечественный офицерский корпус состоял на 9/10 из русских²³.

Чему учили за границей гардемарин из России и каковы были условия их жизни и учебы, ярко описал в своих «Записках» бывший волонтер И.И. Неплюев. Петр чаще всего сам отбирал будущих капитанов. Так произошло и с группой Неплюева. В сентябре 1716 г. царь, находясь на корабле «Ингерманландия», прибыл в Данию и устроил смотр гардемаринам. Отобрал 30 человек для обучения в Венеции и 20 – во Францию. После получения денежного довольствия и паспортов Петр провел повторный смотр и забраковал троих по состоя-

нию здоровья (один из них вскоре умер). Остальные 27 кандидатов благополучно добрались в феврале 1717 г. до Венеции. Только через три месяца, «по стараниям» агента Петра П.И. Беклемишева, Венецианская республика определила русских гардемарин на свою службу. Задержка привела к тому, что у них кончились деньги, и при переезде на остров Корфу, где стояли корабли венецианского флота, им уже пришлось занимать 80 цехинов на еду.

Во время стажировки Неплюев с товарищами участвовали в морских сражениях против Турции, о чем получили соответствующие аттестаты. Довольный своими подданными, Петр по возвращении их в Венецию приказал своему агенту пошить гардемаринам новые кафтаны. Правда, прижимистый царь строго указал, чтобы состоятельные волонтеры сделали это за свой счет. Кроме этого, для усиления теоретической подготовки будущих морских офицеров Петр приказал направить их в Испанию – в Морскую академию, что находилась в городе Кадиксе. Переезд к новому месту учебы вновь проходил с большими трудностями. Сначала испанский консул в Генуе отказался оплачивать переезд русских гардемарин без разрешения своего монарха. Затем капитан корабля, на котором они совершали переход, отказал им в пище во время длительной стоянки в Марселе: сослался на пункт договора, которым он обязывался кормить их только в пути. По этому поводу нашим волонтерам пришлось даже обращаться в суд. Наконец, после долгих мытарств они добрались до Кадикса. Но и пребыванием здесь они остались недовольны. Испанские власти оплачивали учебу, жилье, пропитание и стирку одежды, но наотрез отказывались выдавать гардемаринам деньги на карманные расходы. Это особенно не понравилось нашим морякам, вынужденным среди винного многообразия Испании пить только воду. Недовольство их вызывало и учебная программа. Их учили «солдатскому артикулу», танцам, фехтованию на шпагах и математике. Последняя была, в принципе, необходима будущим покорителям морских просторов, но преподавалась она на испанском языке, которого наши гардемарин не знали.

Они вынуждены были обращаться с письмами к адмиралу Ф.М. Апраксину, к послу в Париже кн. Б.И. Куракину, даже к испанскому королю, прося перевести их на корабли и справедливо отмечая, что «понеже шпажное и танцевальное учение к службе его величеству в нас годно быть не может». Кончилось тем, что в декабре 1719 г. кн. Б.И. Куракин дал указание о возвращении их на родину. И в феврале 1720 г. новое пополнение морского офицерского корпуса прибыло в Петербург²⁴.

Через такие трудности прошло большинство русских молодых людей, посланных на обучение за границу. Как писал еще один гардемарин, кн. М.М. Голицын, обучавшийся в Голландии и Дании, «житие пришло мне самое бедственное и трудное». К хронической нищете, незнанию иностранных языков, что делало вообще проблематичным зарубежное обучение, добавилась еще одна трудность – морская болезнь, превратившая подготовку будущего морского офицера в ад. Даже присланный Петром под видом волонтера Суворов, на самом деле осуществлявший надзор за российскими учениками, вошел в бедственное положение Голицына и написал письмо близкому к царю секретарю Алексею Макарову с просьбой облегчить его участь. Сам же горемыка просил своего

шурина просто дать взятку «кому нужно», чтобы его перевели «сухопутному делу учиться». Товарищи Голицына также не преуспевали в учении. По его свидетельству за три года пребывания за границей никто из них не прошел и половины положенного курса²⁵.

Трудности пребывания за рубежом, неизбежность расплаты за отсутствие способности к обучению нередко приводили к побегам русских гардемарин. Они становились добровольными эмигрантами. Так, из группы Неплюева еще до начала учебы сбежал гардемарин Костюрин, служивший впоследствии солдатом в датской армии²⁶. Другой его согруппник, кн. М.А. Прозоровский сбежал с монахом афонского монастыря Св. Павла, приехавшим на остров Корфу собирать милостыню²⁷.

Но все же цель, поставленная Петром I, была достигнута: заграничная учеба позволила создать кадры высшей квалификации для российского военного флота.

И каждая «статское» нововведение Петра обязательно предвлялось подготовкой специалистов за границей. Расширяющаяся дипломатическая деятельность и начавшаяся коллегиальная реформа потребовали хорошо подготовленных чиновников европейского уровня. 25 января 1716 г. он указал отобрать и отправить на учебу в Кенигсберг 30–40 молодых подьячих. Финансироваться их обучение должно было не из государственной казны, а за счет жалованья оставшихся в России служащих тех учреждений, из которых те командировались. Указ Сената гласил: «В губерниях и приказах с оставшихся подьячих 250 ефимков человеку, а впредь во все годы, покамест они в науке будут, собирать с них же, подьячих по 200 ефимков на человека, отсылать к ним без удержания».

Не просто было набрать в провинции желающих учиться за границей. Зато в столичных приказах таковых оказалось даже с избытком. Для облегчения положения те, кому было поручено комплектование группы учащихся, стали записывать их «казанцами», «воронежцами», «нижегородцами» и т.п. Первые 10 человек отправились в Кенигсберг в конце сентября 1716 г. и уже в начале ноября «науку начали» в школе профессора Стеофаса. Затем в течение 1717 г. в школу прибыло еще несколько групп, и число русских студентов достигло 30-ти. Это были жители Петербурга, Москвы, Архангельска, Смоленска, Киева, Казани, Нижнего Новгорода и даже Сибири.

Сначала студенты не слишком обременяли себя учебой: сами выбирали учителей и решали, чему и как учиться. Тем более что правительство сэкономило средства на посылке «надзирателя», как это было принято в подобных случаях, и назначило присматривать, «чтоб они не гуляли», Василия Яковлева, самого старшего по возрасту. Не справившийся со своей задачей «присматривающий» вскоре доносил в Петербург, что русские студенты «в гулянье и в сварах и во всяких злодействах упражняются». Естественно, что деньги при таком «гулянье» быстро закончились. А оставшиеся в России подьячие, крайне нерегулярно получавшие жалованье, смогли собрать не положенные 250 ефимков на каждого заграничного студента, а лишь 35–50. Прождав год, полуголодные студенты начали писать письма в Петербург, указывая на полное отсутствие денег, из-за чего они «пришли в убожество», на отказ учителей обучать их в долг, на грозящую

долговую тюрьму и неминуемую смерть от голода. Что подтверждал и бургомистр Кенигсберга Негелин, сообщавший в Петербург, что уже все русские студенты посажены в тюрьму за долги.

О сложившейся ситуации доложили Петру. Осознав порочность выбранной системы финансирования, царь приказал выдать средства из казны. Осенью деньги поступили к бургомистру Негелину. Тот погасил долги российских подданных и оплатил все их будущие расходы. На руки деньги он предусмотрительно никому не выдал, «дабы тем молодым людям всякий случай не порядочного жития пресечен был». В декабре 1718 г. бургомистр заключил договор с профессором П. Стеофасом об обучении русских студентов. Учеба проходила более чем по десяти предметам: немецкий, латинский и французский языки, история, география и прочие «сциенции». Учеба как будто бы наладилась, но быстро освоившиеся на чужбине студенты начали заваливать Петербург письмами с жалобами уже на методику обучения. Им не нравилось, что учеба проходит сразу по многим предметам, что они разделены на два класса по 15 человек в каждом при всего одном учителе. Недовольны они были и условиями проживания: жили по 3–4 человека в комнате, из-за чего лишены были возможности упражняться в иностранных языках с иноземцами. Некоторые вынуждены были нанимать частных учителей, оставаясь без книг и платья.

Профессор Стеофас, со своей стороны, докладывал в Сенат, что русские кое-чему научились, а «мне противности чинить обещались» из-за строгости обучения. Главными пороками российских студентов, по мнению кенигсбергского профессора, были лень и нерегулярность посещения занятий: за время пребывания в Кенигсберге они не пропустили ни одного праздника – ни немецкого, ни русского. Упреки Стеофаса были справедливы. Так, двое студентов, Матвей Махов и Федор Копылов, «тамо непотребно житие препровождали и ничему не научились и государево жалованье получали втуне». По решению Сената их вернули в Петербург и послали служить матросами.

В июне 1720 г. срок договора на обучение истек. Занятия прекратились, и власти Кенигсберга начали выпроваживать русских студентов из города. Те сопротивлялись, заявляя, что желают продолжить учебу. Бургомистр Негелин объявил о прекращении кредита русским подданным. Сенат решил вернуть студентов для обстоятельного экзамена.

Перед отправкой на родину один из студентов, Илья Протопопов, скрылся. По сообщению бургомистра – «с непотребными людьми, с которыми он всегда здесь обходился». Только через год беглец объявился на родине. Вразумительно объяснить свое отсутствие он не сумел.

Наконец, один студент, Никита Орлов, умер во время учебы.

В итоге 29 выпускников школы профессора Стеофаса вернулись в Петербург и, за исключением одного, сдали экзамен. Четверо были распределены в Коллегию иностранных дел. В российское посольство в Англии, Пруссии, Нидерландах, Дании и Польше – 8. В Морскую коллегию – 16. Это была первая группа молодых людей не знатного, «простонародного», происхождения, получившая заграничное образование²⁸.

Выход России к Балтийскому морю и стремление Петра I развивать внешнюю торговлю русских купцов в интересах государства требовали организации заграничного обучения коммерции.

Первый опыт оказался очень удачным. В 1716 г. царь отправил «вояжером» в Италию, Францию и Голландию Я.М. Евреинова – для изучения иностранных языков и коммерции. Три десятка лет спустя тот стал президентом Коммерц-коллегии, автором проекта и руководителем первого банка в России.

В 1723 г. Петр распорядился постоянно содержать за границей 15 сыновей торговых людей и по завершении их обучения посылать новых. Вернувшиеся должны были обучать молодых купцов из разных городов, «дабы везде сие велось». Одновременно было предписано направить в Ригу и Ревель 20 посадских людей для определения в купеческие конторы. В 1725 г. Сенат, признав необходимым предварительное освоение учениками немецкого языка и арифметики, предложил первостатейным купцам также посылать для этого своих детей в Ревель и Ригу. Однако наладить постоянную систему коммерческого образования ни в России, ни за ее пределами так и не удалось: не хватило ни денег, ни державной воли почившего императора. Лишь нескольким купеческим сыновьям удалось получить за границей коммерческое образование: их отцы, принадлежавшие к торговой верхушке Архангельска, Москвы и Петербурга, имели заграничные торги и сами заплатили за обучение наследников²⁹.

«Преобразительная» деятельность Петра I вызвала потребность и в европейски образованных архитекторах и живописцах. Прежде всего – для строительства Санкт-Петербурга. В 1716 г., когда царь лично инспектировал в Голландии группы будущих волонтеров по обучению морскому делу, четверо из них были посланы во Францию для изучения архитектурного искусства³⁰. Среди них оказался П.М. Еропкин. Прочувшись за границей до 1724 г., он руководил потом строительными работами в Петербурге, завершив планировку северной столицы, начатую выдающимся итальянским архитектором Д. Трезини. В 1724 г. по указу Петра обучался строительному делу в Голландии Иван Мичурин, ученик Б. Растрелли.

Несколько лет училась живописи во Флоренции группа русских пенсионеров во главе с очень известными в будущем художниками Иваном и Романом Никитиными³¹.

Наконец, главы некоторых самых знатных семей сами, на свои средства стали отправлять сыновей в Европу для получения образования. Так, по настоянию отца и на его деньги в 1708–1712 гг. в Копенгагенской академии и Берлинском высшем коллегииуме обучались братья М.П. и А.П. Бестужевы-Рюмины. Но такие случаи долго еще будут экзотичны для консервативного русского дворянства: отправка сыновей на обучение за границу воспринималась как трудновыполнимая и нежелательная государственная повинность. Другое дело – иностранцы, находившиеся на русской службе: для них выгоды получения европейского образования были очевидны. Так, будущий генерал-фельдмаршал Х.А. Миних в 1724 г. послал своего сына в Швейцарию для обучения философии, праву, математике и иностранным языкам³².

В целом, несмотря на широкий спектр учебных специальностей, которыми овладевали русские студенты, обучение за границей было плохо организовано. В нем преобладали стихийность и бессистемность. Дело страдало от хронической нехватки денег. Именно по этим причинам русские юноши далеко не всегда добросовестно учились, чаще «гуляли», а некоторые и вовсе сбегали.

Другим недостатком тогдашнего европейского образования наших соотечественников являлся его узко-прикладной характер. Петр I и Сенат главной его целью считали получение практических навыков – заткнуть своими специалистами, обученными в Европе, бреши в стремительно растущем механизме рождающейся Российской империи. Получение же теоретических знаний пользой для государства не считалось. Наоборот – представлялось пустой, и даже преступной, тратой казенных средств. Так, «присматривающий» за кенигсбергской группой будущих российских чиновников Василий Яковлев предлагал наиболее строго наказывать не тех, кто вел беспутный образ жизни, а тех, кто «для вящей своей вольности» пытался слушать лекции в местном университете³³. Темная, дремлющая Россия пока еще побеждала в умах даже высшей касты российского чиновничества – дипломатов, уже давно пребывавших за границей и, казалось бы, получивших доказательства пользы университетского образования. Так, вызывая П.В. Постникова из Италии, петровский дипломат Прокопий Возницин, угрожая царским Петру, писал об увлечении новоиспеченного доктора наукой: «Поехал ты для безделья, как в твоём письме написано, живых собак мертвить, а мертвых живить – а сие дело не гораздо нам нужно»³⁴.

Русские студенты чаще всего перенимали «внешность» западноевропейской культуры и цивилизации, а внутренняя ее суть отбрасывалась. И возвратившиеся из-за границы, они обычно жили по-старому.

Все же пребывание в Европе студентов из России, их учеба, поездки, налаживание связей с университетскими и научными кругами в первой четверти XVIII в. положило начало российскому «академическому зарубежью». Те, кому судьба дала возможность оказаться в его среде, волей или неволей ежедневно сравнивали порядки развитых европейских стран с российскими, культуру, уровень жизни, быт и нравы населения. И сравнение это делало свое дело. Так, прошедший узко-прикладную мореходную подготовку в Англии и Голландии в 1697–1700 гг. Ф.С. Салтыков, используя свой европейский опыт, подал в 1713 г. и 1714 г. две записки Петру I с проектами разносторонних реформ, включившими развитие в России в кратчайшие сроки образования (в том числе и женского), книгопечатания, библиотек, строительства мануфактур и расширения торговли, поиска северного морского пути в Китай и Индию, освоения Средней Азии и Сибири³⁵. Таким образом, главным, пожалуй, достижением петровского «прорыва» в европейское образование, возникновения российского «академического зарубежья» явилось расширение кругозора русских, которым западноевропейская система университетского образования, в целом культура и наука, помогли осознать громадные возможности своего необъятного отечества.

¹ См.: *Иванов А.Е.* Российское академическое зарубежье XVIII – начала XX века (К постановке научно-исторической проблемы) // *Источники по истории адаптации российских эмигрантов в XIX – XX вв.* М., 1997. С. 16.

² *Радовский М.И.* Из истории англо-русских научных связей. М.; Л., 1961. С. 21; *Таймасова Л.Ю.* «Дело Бомелиуса» // *Новый исторический вестник.* 2009. № 1 (19). С. 138–140.

³ Сказания князя Курбского. СПб., 1842. С. 107.

⁴ *Арсеньев А.В.* История посылки первых русских студентов за границу при Борисе Годунове. СПб., 1887. С. 7–8.

⁵ Там же. С. 8.

⁶ Там же. С. 9.

⁷ *Радовский М.И.* Указ. соч. С. 30.

⁸ *Арсеньев А.В.* Указ. соч. С. 19.

⁹ *Радовский М.И.* Указ. соч. С. 31.

¹⁰ *Арсеньев А.В.* Указ. соч. С. 9.

¹¹ Там же. С. 20.

¹² Там же.

¹³ *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 3. М.; Л., 1952. С. 19.

¹⁴ *Панибратцев А.В.* Просвещение разума: Становление академической науки в России. СПб., 2002. С. 40.

¹⁵ *Травников С.Н.* Путевые заметки петровского времени (проблемы историзма). М., 1987. С. 24–25.

¹⁶ *Панибратцев А.В.* Указ. соч. С. 40.

¹⁷ *Травников С.Н.* Указ. соч. С. 24–25.

¹⁸ *Павленко Н.И.* Петр I. М., 2000. С. 123.

¹⁹ *Павленко Н.И.* Птенцы гнезда Петрова. М., 1984. С. 115.

²⁰ Там же. С. 128.

²¹ *Павленко Н.И.* Петр I. С. 54.

²² *Панибратцев А.В.* Указ. соч. С. 40.

²³ *Павленко Н.И.* Петр I. С. 264.

²⁴ Из «Записок И.И. Неплюева» // *Сивков К.В.* Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. СПб., 1914. С. 61–65.

²⁵ Из «Письма князя М.Голицына из-за границы в 1711 г.» // *Сивков К.В.* Путешествия русских людей за границу в XVIII веке. С. 60–61.

²⁶ Из «Записок И.И.Неплюева». С. 61.

²⁷ Там же. С. 62.

²⁸ См.: *Костяшов Ю.В., Кретинин Г.В.* Российские студенты времен Петра I в Кенигсберге // *Вопросы истории.* 1994. № 3. С. 174–176.

²⁹ *Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 года.* Т. 2. М., 1996. С. 646.

³⁰ Из «Записок И.И. Неплюева». С. 61.

³¹ Там же. С. 63.

³² *Отечественная история...* Т. 3. М., 2001. С. 603.

³³ *Костяшов Ю.В., Кретинин Г.В.* Указ. соч. С. 175.

³⁴ *Панибратцев А.В.* Указ. соч. С. 43.

³⁵ См.: *Пропозиции Федора Салтыкова.* СПб., б.г.

МЯТЕЖ ПОЛКОВ НИКОЛАЕВСКОЙ ДИВИЗИИ НА ВОСТОЧНОМ ФРОНТЕ (январь 1919 г.)

Зимой 1918/19 г. у советских войск наметились успехи на Восточном фронте. В начале января 5-я армия взяла Уфу. А в 20-х числах под ударами 1-й, 4-й и Туркестанской армий пали Оренбург и Уральск. Но наряду с этими достижениями в самих красноармейских частях сложилась далеко не благополучная морально-политическая обстановка. Особенно в 4-й армии.

Ее боевое ядро составляли две дивизии: 25-я стрелковая Самарская и пехотная Николаевская¹. Последняя находилась в стадии реформирования в стрелковое соединение и пополнялась частями недавно расформированной Уральской дивизии. К середине января Николаевская дивизия состояла из семи пехотных полков, но только два приняли участие в боях за Уральск. Остальные забунтовали и тем самым помешали красным закрепить успех. Потребовались силы и время для ликвидации мятежа и его последствий. В итоге белым уральским казакам удалось удержать часть своей территории и сохранить ядро боевых сил. Возродившаяся весной 1919 г., белая Уральская Отдельная армия упорно сопротивлялась большевизму еще целый год.

Такова канва событий, оказавших немалое влияние на ход войны на Восточном фронте. Мятеж полков Николаевской дивизии не получил у историков ни должного освещения, ни внятной оценки. Объяснения их не шагнули дальше банального поиска «классового врага» и голословных заявлений о «засоренности» полков «кулацкими и мелкобуржуазными антисоветскими элементами»². Слегка поколебал этот однообразный фон, пожалуй, только И.С. Кутяков. Указывая на «значительный процент убежденных эсеров и кулацких сынков» среди старшего и младшего комсостава Николаевской дивизии, он одновременно признал недовольство рядовых красноармейцев жесткими контрибуциями и конфискациями продовольствия в родных для них селах Заволжья. Любопытно и его предположение о наличии «вражеских агентов» в частях³. Однако доказательств бывший начдив 25-й Чапаевской не привел. Был мятеж запланированным итогом заговора или стал результатом стихийной вспышки антибольшевистских настроений – так и осталось не выясненным.

Между тем, сохранились документы следственной комиссии, работавшей сразу после подавления мятежа. Всего чекистам удалось схватить 26 человек, но из руководителей мятежа в их руки попал только один – 21-летний инструктор команды связи Покровско-Туркестанского полка Павел Николаевич Яновский. Его-то показания и наводят на мысль о существовании в Николаевской дивизии и в штабе 4-й армии хорошо законспирированной подпольной эсеровской организации. Дивизией тогда командовал бывший офицер военного времени поручик А.А. Дементьев, сменивший на этом посту отправленного в академию В.И. Чапа-

ева. Возглавляли 4-ю армию бывшие кадровые офицеры – генерал-лейтенант А.А. Балтийский (командующий) и полковник А.С. Белой (начальник штаба).

Итак, в ночь на 16 января 1919 г. бойцы 3-й роты 1-го батальона Покровско-Туркестанского полка, не найдя свободных квартир в селе, занятом полком накануне, направились, недовольные, во главе с ротным и батальонным командирами к дому командира полка Волкова. Тот решительно осадил бузотеров, построил роту и собрался, было, вести ее на места постоя, как неожиданным выстрелом был убит. Утром стало ясно: 1-й батальон отказывается воевать с казаками и не пойдет в ранее объявленную атаку на хутор Золотовников. Тут же посыпались обвинения в адрес большевиков: дескать, именно из-за них в полку недостает обмундирования, снаряжения и прочего. Раздались возмущенные выкрики вроде такого: «Они в штабах сидят в валенках да накладывают на наши семьи контрибуции, а мы будем воевать?!»⁴ Началась расправа: убили комиссара Царева, а остальных коммунистов раздели, разули и два часа продержали на 20-градусном морозе.

Покровско-Туркестанский полк по способу комплектования и составу значительно отличался от других частей Николаевской дивизии. Сформирован он был в октябре 1918 г. в городе Покровске Новоузенского уезда Самарской губернии⁵ по кадровому принципу на основе декрета о воинской повинности. Красноармейцы и командный состав были призваны главным образом из Поволжья. Полк должен был войти в состав специальной двухполковой бригады, предназначенной для экспедиции в Туркестан⁶. Отсюда и взялось дополнение к его названию – «Туркестанский». Вместе с ним для этой же цели предназначался Сердобский полк, сформированный по такой же схеме в соседней Саратовской губернии. Но вскоре события на фронтах вынудили красное командование временно отказаться от идеи похода в Среднюю Азию. Так Покровско-Туркестанский полк оказался в 4-й армии.

Другие полки Николаевской дивизии (кроме Балашовского и Пензенского) были сформированы в том же Новоузенском уезде Самарской губернии еще в ходе весенне-летних боев 1918 г. по территориальному принципу на добровольных началах или путем случайных местных, самодеятельных, мобилизаций. Полки эти отличались редкой однородностью и состояли в основном из односельчан – «все друг другу брат, кум, сват»⁷. Названия их тоже отражали местную специфику. Ново-Орлово-Куриловский пехотный полк (далее – Куриловский), состоял из жителей трех больших, расположенных рядом волостей – Новорепинской, Орловогайской и Куриловской. Аналогичное происхождение имели названия Новоузенского и Малоузенского полков⁸. Мусульманский полк был сформирован в татарских селах Синов Гай, Верхозовка и Сафаровка⁹.

Следующие несколько дней после самосуда туркестанцы активно налаживали связи с соседними полками дивизии. Те тоже находились на распутье и сообща искали выход из собственной непростой ситуации в отношениях с Реввоенсоветом 4-й армии.

Так, в Куриловском полку еще помнилась трагедия месячной давности. 7 декабря 1918 г. толпа красноармейцев растерзала сотрудника политотдела ар-

мии Чельхаева, а также своего политкомиссара Букреева и его заместителя Чертова. Объяснение своему поступку куриловцы частично изложили в телеграмме заведующему политотделом 4-й армии П.М. Войтику: «Мы видим, что на нас красноармейцев не обращают внимания. Скорее всего считают за какой-то мусор (одним словом за кучку назвму)... Вы, указываете, что личность комиссара неприкосновенна для каждого красноармейца. Скажите нам – за кого мы красноармейцы боремся? За неприкосновенность комиссара, за власть единоличности, или же за право трудового крестьянства и власть пролетариата?»¹⁰

Тогда конфликт быстро замяли, так как специальная комиссия РВС 4-й армии выяснила, что убийство стало «результатом неумелых и нетактичных действий» политработников¹¹. Полк отделался «порицаием». Такая «амнистия» по делу об убийстве комиссаров показала бессилие армейского командования: ему не удалось заставить другие части дивизии разоружить и наказать куриловцев¹².

Долно своей вины в случае с куриловцами командование 4-й армии признало, но исключительно в вопросах снабжения. Недостаток боеприпасов, обмундирования, продовольствия и медикаментов уже давно стал поводом для конфликтов между штабом и боевыми частями. Если взрывоопасность ситуации как-то и сглаживалась, то только связями красноармейцев с родными местами, которые были под боком. Из дома бойцы получали продукты, зимнюю одежду и обувь. Стоило неосторожно тронуть эту нить, и бунт мог вспыхнуть с новой силой. Это и случилось с появлением 25 декабря 1918 г. приказа о переброске Куриловского полка на Южный фронт. К тому времени передислокация частей Красной армии в соответствии со стратегическими замыслами главного командования становилась обычным явлением. Способствовала она и борьбе с худшим наследием добровольчества в РККА – «партизанщиной». Крепко привязанные к родным селам и деревням, куриловцы опять замитинговали и привлекли на свою сторону соседей – бойцов Новоузенского полка. Те арестовали коммунистов, некоторых командиров и убили полкового комиссара Данилова¹³.

Неминуемый спрос за содеянное толкнул мятежников на быструю самоорганизацию. Представители куриловцев разъехались по соседним частям, где на экстренных собраниях были избраны делегаты на общий съезд¹⁴. Получивший название «1-й съезд полков Правой группы Уральского фронта», он состоялся 17 января в расположении куриловцев в казачьем поселке Зеленовский вблизи станция Деркул. Присутствовали делегаты Малоузенского, Новоузенского, Мусульманского и Покровско-Туркестанского полков. Все эти части в документах штаба 4-й армии значились как Правая группа войск, в отличие отлевой группы, куда входили два оставшихся полка Николаевской дивизии – Пензенский и Балашовский, а также 1-я бригада 25-й стрелковой дивизии.

То, что заволновались войска именно Правой группы, не могло быть неожиданностью для РВС и штаба 4-й армии. Из пяти полков только Покровско-Туркестанский был сформирован на основе мобилизации военнообязанных. Другие же представляли собой добровольческие формирования со свойственной им спецификой. В них ладно уживались и седые старики, и недавние фронтовики, и подростки. Строгая дисциплина отсутствовала. Красноармейцы пого-

ловно были заражены духом партизанской вольницы. Господствовала атмосфера крестьянской стихии. Ее поддерживали и командиры частей, будучи сами в основном из простых сельских жителей. Решения нередко принимались совместно, под воздействием митингующей толпы. На настроение же солдатских масс все чаще влияли жестко проводившиеся органами Советской власти конфискации зерна и продовольствия, разорительные для деревни и воспринимавшиеся крестьянами как «грабилька». Были на слуху и случаи бесчинства советских и партийных работников. И все это под боком – в родных для большинства красных бойцов новоузенских селах и деревнях.

Весь спектр чаяний красноармейцев-крестьян, искренне поддерживавших начинания Советской власти и разочаровавшихся в реальных делах местных большевистских и советских руководителей, выражал лозунг 1-го съезда полков Правой группы: «Да здравствуют Советы, Ленин и Троцкий, долой коммунистов и комиссаров!» Среди военных вопросов повестки дня главным стал выбор командного состава. Общим голосованием начальником Правой группы был избран уроженец села Куриловки и командир Куриловского полка В.Ф. Наумов, бывший унтер-офицер. Помощником – его земляк В.А. Серов, тоже из унтеров. Для претворения лозунга в жизнь – очистки Советов от коммунистов и комиссаров – съезд решил направить в ближайший тыл один батальон Покровско-Туркестанского полка¹⁵. Расчет был на то, что эти красноармейцы, призванные из разных мест, не будут втянуты в неизбежные споры между новоузенскими сельскими общинами и Советами.

Но поход не состоялся: РВС 4-й армии двинул на буйные крестьянские полки карательные силы.

Из-за быстрого нарастания мятежа и собственной инертности РВС и штаб 4-й армии, находившиеся в Самаре, не смогли его предотвратить. Хотя постоянная угроза бунта и беспокоила их, объяснять агрессивное поведение красноармейцев только плохим снабжением было уже невозможно. Родилось предположение, что члены комиссии РВС 4-й армии, расследовавшие декабрьские волнения в Куриловском полку, своевременно «не заметили агитации, ведшейся темными элементами»¹⁶.

Разобраться с этим Реввоенсовет армии еще 8 января поручил помощнику начальника политотдела армии П.И. Баранову и заведующему крестьянской секцией политотдела П.В. Майорову. Их командировали на станцию Озинки, в штаб Николаевской дивизии. Вместе с начдивом А.А. Дементьевым они попытались сначала выяснить, каковы настроения Куриловского и Малоузенского полков перед началом решающих боев за Уральск. Эти полки вместе с приданной им дивизионной артиллерией находились на острие удара вдоль Рязано-Уральской железной дороги. Но переговоры по телеграфу ничего не дали. Проехать же в расположение полков политработники не рискнули.

Если не развязать, то разрубить «гордиев узел» взялся член ВЦИК и РВС 4-й армии Г.Д. Линдов (Лейтензен). Вечером 16 января он прибыл в штаб Николаевской дивизии в Озинки. Там уже собрались карательные отряды ВЧК из Балакова и Покровска.

Чекисты сразу же рьяно принялись наводить на станции порядок. Арестовали около четырех десятков красноармейцев, возвращавшихся в полки из отпуска. В товарных вагонах попутных эшелонов те везли в свои полки полушубки, валенки, посылки и письма. Обмундирование чекисты забрали себе, а почту подвергли «перлюстрации». Письма показали недовольство красноармейцев и их родственников возможной переброской полков на другие фронты («умирать, так лучше здесь всем вместе»), однако вывод из этого был сделан далеко идущий: существует «контрреволюционно-кулацкая связь деревни с боевым фронтом», она «велась очень давно, очень осторожно, а теперь начала проявляться в более смелой и открытой форме»¹⁷.

Подстать выводу оказались и переговоры Г.Д. Линдова с мятежниками: ехать в Куриловский полк он отказался, сославшись на то, что «все коммунисты там арестованы», и потребовал приезда представителей бунтарей к себе. Не добившись своего, член РВС армии решил применить вооруженную силу. Общее командование карательными войсками было возложено на бывшего начдива-25 С.П. Захарова, который по согласованию с РВС 4-й армии сменил на командном посту Николаевской дивизии А.А. Дементьева. Операцию по разоружению мятежных полков запланировали на 18 января, все еще предполагая, что дело будут иметь только с куриловцами и малоузенцами. Но накануне, 17 января, в Зеленовском состоялся 1-й съезд полков Правой группы, где каким-то необъяснимым образом оказались представители некоторых частей, предназначенных Линдовым и Захаровым для карательной акции. В частности – от двух бронепоездов и дивизионного авиационного отряда.

Обстановка и соотношение сил, сложившиеся к этому времени, ничего доброго не предвещали.

В Зеленом стояли Куриловский полк в составе около 900 штыков при 14-ти орудиях (из них 4 тяжелых), и четыре роты Малоузенского полка – около 400 штыков. Количество пулеметов точно известно не было, но примерно 12–14. На хуторе Железнов-1 находился 1-й батальон Малоузенского полка при 2-х орудиях. Остальные мятежные части – Мусульманский, Новоузенский и Покровско-Туркестанский полки – располагались в нескольких десятках верст параллельно линии железной дороги¹⁸ и только готовились выступить на помощь куриловцам.

Карательные войска Захарова имели два бронепоезда при 20-ти пулеметах и 6-ти орудиях, 150 человек Балаковского отряда, 240 бойцов караульной мадырской роты, 80 чекистов из Покровска, 300 красноармейцев Особого батальона и 200 кавалеристов, разбитых на «конные летучие десятки». Пулеметов – приблизительно 6–8. Кроме того, на платформы были поставлены два броневика с трехдюймовыми орудиями и один с двумя пулеметами. Наконец, было дано указание подготовиться в боевому вылету стоявшему в Шипово авиационному отряду.

18 января в 2 часа ночи отряды в эшелонах выступили к станции Деркул. Приблизительно в 8-ми верстах от нее в 5 часов выгрузились из вагонов и в 8 часов выступили походным порядком к Зеленовскому. Через три часа Линдову и его окружению стало ясно, что операция провалилась: отряды замитинговали вместе с куриловцами. Хуже того: венгры-интернационалисты избili своего командира и открыто встали на сторону мятежников.

Пришлось отдать приказ отходить. Части погрузились в эшелоны и отступили на 25 верст к станции Шипово. Причем Балаковский отряд, мадыарскую роту и бронепоезда отправили еще дальше – в Озинки, куда выехали Линдов и Захаров со своим штабом. На следующий день балаковцы разоружили венгров. Негласно были взяты под контроль команды бронепоездов: в их действиях обнаружили «признаки колебания». В качестве противовеса огневой мощи бронепоездов решили использовать авиаотряд. Летчикам отправили повторную секретную депешу: быть готовыми к боевому вылету максимальным числом самолетов. Но те сослались на неисправность аппаратов и поспешили по-товарищески известить команды бронепоездов о решении штаба дивизии¹⁹.

Уяснив, что реальной силы карательные отряды не представляют, Линдов и его комиссары принялись связываться с Покровском, Саратовом и Самарой. Попросили помощи войсками. Ответ оказался обескураживающим: Реввоенсовет 4-й армии постановил никаких частей не посылать, «опасаясь, что их охватит зараза контрреволюции». Линдову рекомендовали воздействовать словом.

Мятежным частям в Зеленовском было отправлено письменное воззвание за подписью члена РВС армии Линдова. Куриловцам обещалось прощение, но при условии выдачи «явных негодяев». Под ними подразумевались командиры полка В.Ф. Наумов, командиры батальонов В.А. Серов и Ф.И. Кривошеев, начальник конной разведки И.И. Гальцев, красноармейцы Матвеев и Татьяна²⁰.

Ранним утром 20 января бронепоезд № 1 подцепил штабной вагон Линдова и вывез за несколько верст в степь в сторону Шипова. Всем находящимся в вагоне ультимативно, в течение 5 минут – «иначе заложим гранату под вагон» – предложили сдать оружие. Реакция комиссаров, их помощников и ординарцев (всего в вагоне находилось 19 человек) оказалась спонтанной и для команды бронепоезда неожиданной: все выскочили из вагона и, рассыпавшись, побежали в степь по направлению к Озинкам. С бронепоезда открыли сначала оружейную стрельбу, затем застучали пулеметы. Через несколько минут все беглецы зарылись в снег и затем сдались. Итог побега оказался печальным: погибли Г.Д. Линдов, П.В. Майоров, комиссар по снабжению В.П. Мяги, комиссар штаба армии Лохушко и красноармеец Балаковского отряда Козлов. Ранено в руку управляющего делами РВС 4-й армии В. Савина. Линдов, как оказалось, тоже сначала был ранен в ногу, но скончался еще в поле от сердечного приступа. Предпринятая фельдшером бронепоезда попытка вернуть его к жизни оказалась безуспешной.

Смерть члена ВЦИК и Реввоенсовета 4-й армии не входила в планы мятежников. Плененный высокопоставленный большевик мог послужить хорошим прикрытием, «дабы из тыла не было выслано карательных отрядов». Бойцы команды позже оправдывались: мол, «если бы захотели расстрелять, то изрешетили бы всех». По их мнению, беглецы сами попали в линию огня в предрассветной мгле. И, действительно, уцелевшим пленникам обещали самосуда не устраивать и отправили в Зеленовский под надзор куриловцев²¹. Тогда же из разговора командиров бронепоездов Белякова и Богданова выяснилась подоплека ареста: сделано это было по решению 1-го съезда полков Правой группы. Стала известна и другая новость: мятежное командование Правой группы изъявило готов-

ность восстановить фронт против казаков, и попросило прежнее командование дивизии во главе с А.А. Дементьевым немедленно приступить к выполнению своих обязанностей. Одновременно в Самару, в штаб армии, полетела телеграмма с изложением происшедшего. Дабы «сохранить лицо», мятежники попросили выдать им сотрудника штаба 4-й армии Апридонидзе. Тот очень активно участвовал в организации карательного похода, во время переговоров вел себя вызывающе грубо, а при попытке его ареста убил двух красноармейцев команды бронепоезда и нескольких ранил. После чего попытался, хотя и неудачно, подняться против мятежников Балаковский отряд. В итоге ему все же удалось скрыться²². Никого из своих сотрудников армейское командование выдавать, конечно же, не собиралось, но появилась надежда на «возможность ликвидации создавшегося острого напряжения»²³. К мятежникам выехали член РВС 4-й армии О.М. Берзин и сотрудник политотдела И.Ф. Кучмин.

Тем временем конфликт вошел в новую фазу: Покровско-Туркестанский и Новоузенский полки потребовали созыва 2-го съезда. Мотивы этого требования стали ясны в ходе подготовительного собрания, состоявшегося 25 января в расположении туркестанцев на хуторе Астраханкин. Присутствовали представители всех полков Правой группы, а также специально приглашенная хозяевами казачья делегация. Приезд уральцев стал результатом желания туркестанцев заключить мир с казаками и, соединившись с ними, повернуть фронт против большевиков в направлении Новоузенск – Покровск – Саратов. Уральцы обещали поддержку восемью полками. Руководили собранием активисты Покровско-Туркестанского полка – начальник пулеметной команды И.Я. Плешивцев и инструктор связи П.Н. Яновский, бывшие прапорщики. Члены собрания их поддержали, избрав 5 человек в «организационную коллегию» и выдвинув лозунг «Вся власть Учредительному собранию!». Съезд постановили провести срочно, следующим же днем, в Зеленовском, для чего всем представителям немедленно разъехаться по полкам. «Организационная коллегия» и 6 представителей уральцев выехали к месту съезда уже в ночь. На утро, оставив позиции, за ними последовал весь Покровско-Туркестанский полк²⁴.

У заговорщиков было веское основание торопиться: Берзин и Кучмин появились в расположении куриловцев в Зеленовском на несколько часов раньше. Их переговоры с выборным командованием Правой группы быстро разрешили самую острую проблему: заложники были отпущены, а Куриловский полк походным порядком двинулся к Уральску. В тот день, 26 января, казаки пытались отбить город, и его судьба решалась в уличных боях.

Положительному для большевиков повороту событий способствовало и активное вмешательство в конфликт Л.Д. Троцкого. 26 января председатель Реввоенсовета Республики срочно прибыл в Саратов. В здании консерватории состоялось экстренное собрание партактива губернии, где он обратился к местным коммунистам с просьбой помочь в создании сводного карательного отряда особого назначения²⁵. Его основу должны были составить курсанты 1-х Саратовских советских командных курсов. Сигнал тревоги прозвучал на курсах в ночь на 27 января. Морозным утром колонна – 363 курсанта и командира – по

замерзшей Волге вышла к железнодорожной станции Покровск²⁶. Позже к ним подошли 300 бойцов коммунистического рабочего отряда саратовских предприятий и отряд чекистов в 150 человек. Сводному отряду Особого назначения придавался бронепоезд и 4 трехдюймовых орудия. Общее командование возложили на председателя губернской ЧК Иванова. После зажигательной речи Троцкого отряд выступил, поклявшись «умереть или разоружить восставшие полки»²⁷.

Сил у саратовцев было маловато. Но надежда была не столько на штыки и трехдюймовки, сколько на личный авторитет председателя Реввоенсовета Республики. Дело в том, что его хорошо знали в мятежных полках. Особенно помнили по прошлой сентябрьской инспекции 4-й армии, в ходе которой он посетил и четыре полка, входящих теперь в Правую группу²⁸. Троцкому тоже запомнились эти полки. Незнаком ему был только Покровско-Туркестанский полк, в то время лишь сформировавшийся. Тот визит, как и многие «наскоки» Троцкого на фронт, прошел на высокой эмоциональной волне, произвел сильное воздействие на войска и был ярко, в подробностях описан очевидцами, в частности И.С. Кутяковым и В. Савиным²⁹. На новоузенских крестьян-красноармейцев Троцкий произвел тогда неизгладимое впечатление. И совсем не случайно в лозунге, выдвинутом 1-м съездом, они сделали его своим знаменем наравне с Лениным. Осведомленный об этом, Троцкий отдал мятежным полкам личный приказ подчиниться командованию армии, пообещав прощение за его выполнение и пригрозив суровым наказанием за неподчинение³⁰.

«Организационная коллегия» тоже не бездействовала. На 2-й съезд полков Правой группы ко второй половине дня 26 января прибыли делегаты от четырех полков, в том числе и от ушедших на боевые позиции куриловцев. Не дождалось представителей только от Малоузенского полка. Пригласили также Берзина и Кучмина³¹. Большевиков-политработников сразу же засыпали провокационными вопросами. Так, председатель съезда П.Н. Яновский спросил: «Почему убитый командир Покровско-Туркестанского полка Волков собирал из церкви ризы, покрывал ими лошадей, и принимал в этом облачении должностных лиц?», «Как смотрит товарищ Берзин на саботажников, пробирающихся в советские учреждения в тылу и препятствующих снабжению фронта?»³². Долго комиссаров вопросами не мучили и минут через 10 после начала съезда арестовали. Сделал это командир 2-го взвода Покровско-Туркестанского полка Одинцев со своими красноармейцами.

Резолюция, принятая 2-м съездом, отменила решения 1-го съезда, «как проведенные обманом приехавших с тыла комиссаров». Был отвергнут и лозунг верности большевистским вождям. Новые призывы не оставляли сомнений относительно целей восстания и обнаружили эсеровские взгляды его вожаков: «Мир с трудовым казачеством и двинемся в тыл. Да здравствует единение народа! Довольно крови, довольно произвола со стороны безответственных комиссаров! Пора прекратить братоубийственную войну. Все в тыл на защиту трудового народа! Вперед к освобождению крестьянства от произвола грабителей, долой комиссародержавие! Да здравствует мир, свобода, равенство и братство! Да здравствует трудовое крестьянство и весь трудовой народ!»

И все же у руководителей восстания не было уверенности в единой, прочной поддержке полков Правой группы. Требовалось время, пока делегаты дове-

дут решения съезда до своих частей. Поэтому в «центр управления восстанием», избранный тут же на съезде, вошли пока одни туркестанцы – пять человек во главе с И.Я. Плешивцевым. Зато комиссия, выбранная для расследования деятельности арестованных армейских и других комиссаров и коммунистов, представляла все четыре полка – по два человека от каждого. По такому же принципу избрали «мирную делегацию по переговорам с казаками», добавив в нее Плешивцева и Яновского³³.

«Мирная конференция» состоялась в ночь с 26 на 27 января на хуторе Астраханкин. Мятежники заключили с казаками мир – «сторонам» оставалось ждать друг от друга помощи. Но «приказ товарища Троцкого» уже определил судьбу мятежа: части Правой группы, за исключением Покровско-Туркестанского полка и одного батальона Малоузенского полка, не поддержали решения 2-го съезда.

Несмотря на это туркестанцы, а также примкнувшие к ним малоузенцы и небольшой казачий отряд начали боевые действия. 28 января они окружили оба бронепоезда и потребовали перехода на свою сторону. Едва бронепоезд № 1 попытался двинуться, как сошел с рельс: мятежники предварительно разобрали путь и замаскировали его. Командир бронепоезда Беляков сумел-таки вырваться из окружения и догнать куриловцев, отошедших от Зеленовского на 12 верст. Полк повернул назад и вместе с Мусульманским полком окружил поселок и станцию Деркул. После недолгого артобстрела красноармейцы заняли их и быстро разоружили сдавшихся мятежников. Казаки и один батальон туркестанцев бежали. Освобожденный Берзин горячо поблагодарил Белякова и на радостях наградил его собственными серебряными часами³⁴.

Из руководителей мятежа попался один Яновский. Его выдали куриловцы, в расположении которых он прибыл, видимо, по заданию «центра управления восстанием» – агитировать.

Допросы Яновского вскрыли его неординарную личность. Уроженец Барнаула Томской губернии, он происходил из духовного сословия. Окончил ускоренный курс артиллерийского училища, став офицером военного времени – прапорщиком. В июле 1917 г. каким-то образом покинул военную службу и полностью переключился на работу в Партии социалистов-революционеров. Активно сотрудничал в эсеровских газетах. После Октябрьской революции примкнул к левому крылу эсеров и в декабре вступил в Москве в красногвардейский отряд. В только что созданной добровольческой РККА уже числился инструктором артиллерии в Московском военном комиссариате. В середине мая 1918 г. Яновский вновь покинул ряды армии и уехал в Тамбов, где его избрали членом губернского комитета левых эсеров. До середины лета редактировал местную газету партии. Именно тогда тамбовские левые эсеры организовали не имевшее успеха антибольшевистское вооруженное выступление.

Дальнейшая партийная работа Яновского в рядах левых эсеров больше похожа на агентурную деятельность. Летом он разъезжал по Поволжью и Центральному Черноземью, оставаясь в одном месте на неделю-две, не больше: Вольск, Старый Оскол, Воронеж, Елец, Задонск, Аткарск. В конце сентября он опять прибыл в Вольск – чуть ни «в обозе» красных частей, отбивших город у

комучевцев. Постарался, чтобы его тут же мобилизовали в РККА и направили в заново формируемый Покровско-Туркестанский полк. Сразу же заявил о выходе из партии левых эсеров и примкнул к ячейке сочувствующих коммунистам. Мало того – исхитрился «избраться» председателем культурно-просветительной комиссии полка. Теперь он на законных основаниях выступал на митингах и читал лекции³⁵. Постоянное нахождение среди рядовых давало ему возможность активно воздействовать на их политические настроения, чем он активно и занимался. Прижатый на допросе фактами, Яновский заявил чекистам об антибольшевистских, антисоветских целях своей работы.

По его показаниям, в Покровско-Туркестанском полку, с момента его формирования, существовала хорошо законспирированная подпольная ячейка некоей Всероссийской военной политической организации, ставящей целью активную борьбу с Советской властью и объединения России под флагом Учредительного собрания. Организация направляла своих представителей в красноармейские части для «идейного сплачивания». Такими представителями в Покровско-Туркестанском полку были Плешивцев и Яновский. Они сумели привлечь на свою сторону командный состав полка, состоявший в основном из бывших офицеров. Кроме того, организация внедрила своих людей в штабы Николаевской дивизии и 4-й армии, а также некоторые советские учреждения Поволжья, в частности – в Дергачевский Совет. Яновский не назвал их имен, сославшись на жесткую конспирацию, не позволявшую знать больше положенного. Но зато сообщил отдельные сведения о структуре Всероссийской военной политической организации. Ее Центральное бюро находилось в Москве, в Лентьевском переулке. В Саратове действовало отделение Центрального бюро, а в районах Поволжья – местные отделения. Низшим звеном организации являлась «летучка» из 13-ти человек. «Летучки» были сведены в отряды, действовавшие в строго определенном районе. Сам Яновский, например, в сентябре 1918 г. прибыл в Саратовское отделение по рекомендации из Москвы. Оттуда его направили в Вольск для организации местной «летучки». В Вольске этим же занимались бывший поручик Жадкин и служащий цементного завода Чернов.

Со слов Яновского, подготовке восстания в Николаевской дивизии способствовала широкая сеть связи через специальных курьеров. Ими были военнослужащие, имеющие право по служебной необходимости покидать расположения своих частей. Среди них Яновский назвал некоего Шаловского и своего подчиненного из команды связи Полумордвинова. Так, в середине января Шаловский прибыл в Вольск, встретился с Жадкиным и передал ему задание Саратовского отделения организовать восстание в Вольском гарнизоне одновременно с восстанием Николаевской дивизии. С таким же поручением Шаловский позже отправился в Петровск к бывшему штабс-капитану Назаренко. О законспирированных «летучках» в полках дивизии Яновский особенно не распространялся, но упомянул несколько фамилий членов организации, успевших уйти с казаками, а именно: Д.И. Алференко из Куриловского полка, Юдина и Якунина из Малоузенского.

Однако в конце допроса Яновский все свои показания о Всероссийской военной политической организации дезавуировал, заявив, что ему был «резко

поставлен вопрос об организации контрреволюционеров», а она «на самом деле не существует»³⁶. Объяснить такой поворот в поведении арестованного непросто. Возможно, он предчувствовал скорый расстрел, а потому пытался как-то запутать следствие, потянуть время. Это его не спасло: вскоре он был расстрелян, а дело передано в военную контрразведку, в Особый отдел 4-й армии. К каким выводам пришли следователи-особисты, неизвестно. Однако ни один из других задержанных ни о какой антибольшевистской организации не заявил. Впрочем, захвачены были далеко не главные организаторы мятежа в Николаевской дивизии и готовящегося восстания в Вольске. С другой стороны, чекисты выяснили, что некоторые названные Яновским члены организации – реально существующие лица³⁷.

Возможно, завесу над этой таинственной историей чуть приподнимают признания о деятельности партии эсеров, сделанные в печати несколько лет спустя известным эсером-боевиком Г.А. Семеновым (Васильевым). Он рассказал о широкой военно-боевой работе, которую вели эсеры в Красной армии. Началась она сразу же после разгона большевиками Учредительного собрания, когда при ЦК партии было создано Бюро Военной комиссии из пяти отделов. Руководители отделов составляли Военный совет. Особое внимание уделялось работе непосредственно в частях. В формирующиеся полки посылались проверенные люди, подбирался командный состав, создавались партийные ячейки³⁸.

Весной 1918 г. центр военной работы был перенесен в Саратов. Туда же перебросили многих активистов и боевиков³⁹. В их числе – бойцов Петроградского броневоего отряда, которым командовал В.Б. Шкловский, будущий советский писатель. В его литературных мемуарах тоже идет речь о некоей военной подпольной организации, решившей внедрять в Красную армию своих людей. Причем «людей решили посылать двух родов: крепких и бойких, которые должны были быть у начальства на хорошем счету, а среди товарищей пользоваться авторитетом, и плакс, которые должны были деморализовать части своими жалобами»⁴⁰. Саму организацию меньшевик Шкловский не считал полностью эсерской: «Скорее это были остатки Комитета по защите Учредительного собрания... люди в ней были по мандату частей, а не партий»⁴¹. Тем не менее уже Саратовский центр он называет партийным, эсерским⁴². Любопытное совпадение: Яновский тоже ни разу не обмолвился о партийном облике своей Всероссийской военной политической организации, а связал ее с Учредительным собранием. Очень схожи, к тому же, и методы подпольной работы в частях Красной армии. И еще одно совпадение: Шкловский вскоре перебрался на нелегальную работу в уездный Аткарск, и там в августе–сентябре 1918 г. вполне мог встречаться с посещавшим город Яновским.

Писатель говорит в своих мемуарах и об убийстве Г.Д. Линдова. Причем делает это вскользь, как бы случайно, искажая фамилию убитого (Линде вместо Линдова) и неправильного называя 4-ю армию. Ее он именует Особой армией, хотя уже в июле 1918 г. это соединение получило 4-й номер⁴³.

Наконец, вызывает вопрос и фамилия «Шаловский», которой Яновский поименовал своего «связника». Не была ли это нарочно измененная фамилия Шкловского? Сейчас трудно говорить об этом с уверенностью. Сам Шкловский

утверждал, что уже осенью 1918 г. находился на Украине⁴⁴. Да и вообще, о своем участии в антибольшевистской деятельности известный писатель поведал очень скромно, с недоговорками.

Таким образом, какое-то, и возможно – серьезное, влияние эсеров на политические настроения красноармейцев Николаевской дивизии было. Очевидно, что сильная эсеровская организация существовала в Покровско-Туркестанском полку, сформированном по кадровому принципу. Подпольной военной организации эсеров было куда легче провести в него своих людей, чем в территориальные полки, созданные еще в период добровольчества. Подтверждают эту версию события, происшедшие в Сердобском полку, сформированном в Поволжье в одно время с Покровско-Туркестанским. В апреле 1919 г. Сердобский полк, находясь на Южном фронте, восстал и полностью перешел на сторону противника. О том, что в этом полку могла существовать антисоветская подпольная организация, и туда был послан один из членов вольской «летучки», некий Фирсов, сообщил на допросе Яновский⁴⁵.

Мятеж в Покровско-Туркестанском полку по своему характеру отличался от мятежа в других полках Правой группы, хотя и там были представители эсеров. Причиной недовольства и бунтарства новоузенских добровольческих полков стало нарушение партизанских принципов, которых они долгое время придерживались: коллективное обсуждение и принятие оперативных и прочих решений, выборность командного состава и тесная, «живая» связь с родными местами, с домом, с семьей. «Одомашненность» среди новоузенцев была живуча из-за долгой самостоятельности ведения боевых действий на «окраине» Восточного фронта – в Саратовском Заволжье. К чести РВС и штаба 4-й армии, с этой особенностью, самобытностью они посчитались: оставили полки на уральском направлении, дали некоторую самостоятельность в снабжении. Конфликт почти на самом пике, кровавом и непредсказуемом, был относительно благополучно разрешен.

Примечания

¹ В состав 4-й армии входили также Александро-Гайская стрелковая бригада и переданная из 1-й армии в первых числах января 1919 г. 24-я стрелковая дивизия. В середине января 24-я дивизия была вновь переведена в 1-ю армию вместе с 25-й (РГВА. Ф. 106. Оп. 3. Д. 1190. Л. 11об.–12).

² См., напр.: *Амангалиев З.А., Елагин А.С.* Оборона Уральска. Алма-Ата, 1991. С. 71.

³ *Кутяков И.С.* Разгром Уральской белой казачьей армии. М., 1931. С. 81.

⁴ РГВА. Ф. 184. Оп. 8. Д. 5. Л. 86.

⁵ Покровская слобода, известная с 1747 г., преобразована в город Покровск в 1914 г., с 1922 г. – столица АССР Немцев Поволжья, в октябре 1931 г. переименован в Энгельс.

⁶ Подробнее о замысле экспедиции в Туркестан см.: *Чистов Б.Н., Жохов М.А.* Посланец партии. М., 1980. С. 134–137.

⁷ РГВА. Ф. 184. Оп. 8. Д. 5. Л. 35.

⁸ К 1917 г. Новоузенский уезд Самарской губернии, площадью свыше 34 тыс. кв. верст, делился на 52 волости, его население составляло 615 тыс. человек (см.: Памятная книжка Самарской губернии на 1916 год. Самара, 1916. С. 3, 43).

⁹ РГВА. Ф. 1299. Оп. 2. Д. 6. Л. 88, 105–108; *Котельников П.Л.* Орлиная вольность. Саратов, 1968. С. 28–29, 38; *Колесников А.* Родом он из Куриловки // Новая степь (Новоузенск). 1987. 18 июня.

¹⁰ РГВА. Ф. 1299. Оп. 2. Д. 6. Л. 87.

¹¹ В состав комиссии входили: Федорович (председатель), Андреев и Кавалер (РГВА. Ф. 184. Оп. 8. Д. 5. Л. 56).

¹² РГВА. Ф. 1299. Оп. 2. Д. 6. Л. 124–125об; Ф. 184. Оп. 8. Д. 5. Л. 92; Оп. 9. Д. 1. Л. 94–96.

¹³ РГВА. Ф. 184. Оп. 8. Д. 5. Л. 56.

¹⁴ Там же. Л. 86об.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же. Л. 56об.

¹⁷ Там же. Л. 75, 93об.

¹⁸ Новоузенский полк располагался на хуторах Пылаев, Кожевников, Погодаев; Покровско-Туркестанский – на хуторе Астраханкин.

¹⁹ РГВА. Ф. 184. Оп. 8. Д. 5. Л. 56об.–57, 81, 93.

²⁰ Там же. Л. 74об–76.

²¹ Там же. Л. 77об.–78, 81.

²² Там же. Л. 18–20, 78.

²³ Телеграмма товарища Берзина в Реввоенсовет Востфронта // *Троцкий В.В.* 1919 год в Средневоложском крае. М.; Самара, 1933. С. 237.

²⁴ РГВА. Ф. 184. Оп. 8. Д. 5. Л. 89–89об.

²⁵ Государственный архив новейшей истории Саратовской области (ГАНИСО). Ф. 199. Оп. 1. Д. 113. Л. 180.

²⁶ РГВА. Ф. 25172. Оп. 1. Д. 51. Л. 10об., 196об.

²⁷ ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 1. Д. 113. Л. 180.

²⁸ См.: Приказ по 4-й армии Восточного фронта № 40 от 28 сентября 1918 г. (Сборник приказов по 4-й армии за сентябрь–октябрь 1918 г. хранится в: Библиотека Государственного исторического архива немцев Поволжья (г. Энгельс). МК. 56).

²⁹ Дневник В. Савина и воспоминания И.С. Кутякова с описанием посещения Л.Д. Троцкий 4-й армии в сентябре 1918 г. (РГАСПИ. Ф. 325. Оп. 1. Д. 12. Л. 1–10; ГАНИСО. Ф. 199. Оп. 3. Д. 243. Л. 153–155).

³⁰ РГВА. Ф. 184. Оп. 8. Д. 5. Л. 87–87об.

³¹ Там же. Л. 89–89об.

³² Там же. Л. 3.

³³ Там же. Л. 11.

³⁴ Там же. Л. 81–82, 89об.

³⁵ Там же. Л. 3, 10, 88.

³⁶ Там же. Л. 8–9.

³⁷ Там же. Л. 88.

³⁸ *Семенов (Васильев) Г.А.* Военно-боевая работа партии социалистов-революционеров за 1917–1918 гг. М., 1922. С. 12–13.

³⁹ Там же. С. 30–31.

⁴⁰ *Шкловский В.Б.* «Еще ничего не кончилось...». М., 2002. С. 146.

⁴¹ Там же. С. 145.

⁴² Там же. С. 154.

⁴³ Там же. С. 26.

⁴⁴ Там же. С. 158.

⁴⁵ РГВА. Ф. 184. Оп. 8. Д. 5. Л. 9.

ЛЕНИН И ТРОЦКИЙ В СОВЕТСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ АНЕКДОТЕ 1920-х гг.

В.И. Ленин уже при жизни превратился и для коммунистов, и для их противников в персонифицированный символ РКП(б) и большевистской власти. В начале 1920-х гг., одновременно с созданием его культа, Ленин стал одним из центральных персонажей фольклора, в том числе политического анекдота. Нам удалось выявить четыре десятка анекдотов о Ленине, ходивших в 1920-е гг.: в дневниках современников, эмигрантских изданиях и других источниках.

Первые анекдоты возникли в период Гражданской войны. Правда, самая ранняя запись анекдота о Ленине датируется 1921 г.:

«Передаются из уст в уста остроты популярных клоунов Бима и Бома, которые то портрет Троцкого «повесят», то изображение Ленина «поставят к стенке»¹.

Этот популярный сюжет очень характерен для своего времени. И с точки зрения жанра, и с точки зрения стереотипов общественного сознания. Во-первых, он приписывается «Биму и Бому». Значительная часть ранних анекдотов строится в виде диалогов этих двух клоунов, однако было бы слишком вольным допущением предполагать, что у знаменитого клоунского дуэта, созданного И.С. Радунским, в действительности мог произойти такой диалог на публике. В основе сценок дуэта 1917–1921 гг. были политические остроты, однако нам не удалось обнаружить заслуживающих доверия свидетельств, подтверждающих авторство клоунов. Во-вторых персонажами одного анекдота одновременно являются Ленин и Л.Д. Троцкий. В источниках того времени, при жизни Ленина, практически не встречаются тексты, в которых он не являлся бы спутником Троцкого. Оба вождя представлены равновеликими персонажами, членами единого политического образования. Противопоставлялись они только по этническому признаку. Троцкий в анекдотах олицетворял «еврейскую власть», а Ленин представлялся как единственный этнически русский большевик. Порою – как фиктивный вождь революции, «назначенный» для отвода глаз:

«Приехал к Троцкому отец, ортодоксальный еврей – посмотреть, как сынок живет. Тот повел его в Кремль: «А это что такое?» – «Кремль». – «А, кремул («магазин» по-еврейски) – это хорошо». Заходят во дворец, смотрят портреты. «Ну, это ты – хорошо. А это кто?», – и показывает на Ленина. «Да, гой один...» – «Как же сюда гой попал?» – «Да на него патент взят»².

Несмотря, кстати, на активную борьбу с антисемитизмом, инициатором которой выступил Ленин, и не раз высказанные им симпатии к еврейскому народу, слухи о его еврейском происхождении, активно муссировавшиеся в поздней антибольшевистской литературе, в политический фольклор не проникли. Более того, в анекдотах четко прослеживается тенденция к противопоставлению Ленина «еврейскому» партийному руководству, легко различимая и в информационно-аналитических сводках органов власти, и в частной переписке начала 1920-х гг.

Из прижизненных анекдотов о Ленине четыре возникли в период его болезни. В ряду довольно противоречивых диагнозов, поставленных медиками Ленину, был и сифилис. После курса лечения от этой болезни врачи отказались от этого диагноза, однако слухи о том, что у Ленина был «сифилис мозга», активно муссировались и в 1920-е гг., и позже. Некоторые сведения о состоянии его здоровья сообщались в нерегулярно публикуемых бюллетенях. И далее, обрастая подробностями, они превращались в слухи и легенды. В анекдотах обыгрывалась самое характерное последствие его заболевания – паралич. Сюжеты очень разнообразны. От несложной игры слов («Какая болезнь у Ленина?» – «Пара-ильич»³), до «многослойного» сюжета с прямой отсылкой к «Былому и думам» А.И. Герцена и вписыванием болезни Ленина в общеисторический контекст 1923 г.:

«Достопримечательности города Москвы: пушка, которая не стреляет; червонец, который не звенит⁴, и премьер, который не говорит»⁵.

Основной массив анекдотов о Ленине сложился уже после его смерти. Собственно, именно она послужила началом, по точному замечанию О.В. Великановой, превращения ленинской харизмы в институт власти⁶. Анекдоты о Ленине второй половины 1920-х гг. в основном посвящены проводам его в последний путь, а также мероприятиям по увековечиванию его памяти.

Одним из первых, зафиксированным осведомителем ОГПУ, был анекдотический сюжет о попытке Ленина пробраться в рай:

«Ленин после смерти отправился в рай, но его не пустили. Возвратясь на Землю, Ленин обратился к Троцкому, и последний взялся провести его в рай, уложив в мешок. Троцкий спросил у сторожа, в раю ли Маркс. Ему ответили, что да, в раю. На это Троцкий сказал, что он принес кое-какое барахло Маркса, и под этим предлогом Ленин был передан по назначению»⁷.

В известных нам восьми записях этот сюжет варьируется: меняется персонаж-помощник (Троцкий/еврей/черт), характеристика предлога для передачи мешка с Лениным в рай (барахло/дивиденд на «Капитал»). Они ярко отражают острые для 1924 г. темы: смерть Ленина и усвоенные массовым сознанием идеи о связи ленинского учения с марксизмом. Однако содержащееся в одной из записей примечание («парафраза известного анекдота о Николае II»⁸) наводит на предположение, что анекдот возник много раньше смерти Ленина. Действительно, согласно утверждению А.С. Архиповой⁹, он восходит к чрезвычайно широко представленному в европейском сказочном фольклоре сюжету «Смерть и кузнец». Одно из самых известных его воплощений – сказка братьев Grimm «Брат Весельчак». Таким образом, в анекдоте нашел свое развитие фольклорный сюжет с многовековой историей, актуализовавшийся в конкретный момент истории и приобретший не свойственные ему ранее значения.

После смерти Ленина появились сюжеты о Ленине-«воре», отражающие восприятие большевистской власти как незаконной, «воровской»:

«Приходит «красный продавец» в свой магазин и видит – погром: все раскидано, разграблено, все вверх ногами. Были бандиты. «Ленин умер, а ленинизм остался», – сделал вывод торговец»¹⁰.

В анекдотах высмеивались мероприятия по увековечиванию памяти Ленина: возведение мавзолея, установка памятников, создание Ленинских уголков. Самой популярной стала серия про череду переименований, начавшихся, по сути, еще до смерти Ленина, но в массовом сознании связанных прежде всего с переименованием Петрограда в Ленинград. Довольно быстро появился сюжет о переименовании в честь Ленина сифилиса:

«Нет больше сифилиса! В признание революционных заслуг Ильича, сифилис переименовывается в Первую Красную болезнь имени Ленина»¹¹.

Популярен был сюжет о прощении, поданном Д. Бедным, с просьбой переименовать собрания сочинений Пушкина в собрания сочинений Бедного:

«Демьян Бедный написал начальству такую заявку: «В связи с тем, что Петербург, основанный Петром I, за революционные заслуги Ленина переименован в Ленинград, прошу, если можно, за мои революционные заслуги творения Александра Пушкина переименовать в творения Демьяна Бедного»¹².

Многие современники, враждебно или хотя бы скептически настроенные по отношению к Советской власти, на удивление прямолинейно воспринимали политические анекдоты. Кажется, они принимали за чистую монету фольклорные сюжеты, особенно касающиеся переименований. Похоже, и деятели эмиграции, и оставшиеся в России интеллигенты, оппозиционно настроенные, не могли или не хотели понять логику новой власти. Им проще было злорадствовать над лояльным большевиком С. Есениным, в пьяном состоянии якобы требовавшим поставить свое имя на собрании сочинений Пушкина (как это делал Брусилов¹³) или на полном серьезе бичевать советского цензора, выправляющего «петрографию» на «ленинграфию» (как это делал анонимный автор милюковских «Последних новостей»)¹⁴.

Популярны были и анекдоты о смерти Ленина как о первой смерти в ряду «желательных». Среди них первое место по числу записей принадлежит сюжету о посмертной фотографии Ленина:

«К нэпману приходят представители «Мозгико», предлагают купить в пользу инвалидов портреты советских деятелей. Сначала они предлагают ему отдельные портреты Троцкого, Дзержинского и т.п., но он отказывается под разными предлогами. Тогда они хотят всучить ему группу ВЦИК, но он и это отклоняет. Наконец, они показывают ему фотографию Ильича в гробу. Нэпман долго и любовно ее рассматривает и произносит с удовлетворением: «Вот это хорошо! Вот такую группочку вы мне приготовьте!»¹⁵

Распространенность этого сюжета – он даже лег в основу рисунка популярного эмигрантского карикатуриста М. Линского¹⁶ – объясняется массовым и навязчивым распространением во второй половине 1920-х гг. портретов советских вождей. В том числе фотографии Ленина в гробу. Раздражение населения от этой кампании было так велико, что в 1925 г. ВЦСПС принял постановление о борьбе с навязыванием портретов вождей, значков и прочего подобного.

Смерть Ленина вызвала тысячи противоречивых откликов – от нескрываемого ликования до искренней, глубокой скорби. Однако общим для всех откликов стало напряженное ожидание, кто же станет его преемником. От Белоруссии

до Дальнего Востока в информационно-аналитических сводках ОГПУ о настроениях населения зафиксировано это ожидание. Больше всего люди опасались, что «на место т. Ленина будет назначен еврей, которые окончательно задушат русский народ (Так в тексте. – М.М.)»¹⁷. Наиболее вероятным преемником Ленина считался Троцкий, с которым народ связывал возможность эскалации еврейского засилья, начала войны, сворачивания нэпа. Рефреном во всех подслушанных агентами ОГПУ разговорах звучит мысль о том, что лучше бы умер Троцкий, а Ленин остался жив¹⁸.

Несмотря на отрицательное или настороженное отношение к Троцкому, он в общественном сознании 1920-х гг. представлялся как равновеликий Ленину большевистский вождь. Это отразилось на политическом фольклоре. В раннем советском анекдоте Троцкий как главный персонаж, как правило, не появляется: до 1924 г. в анекдотах одновременно фигурируют Троцкий и Ленин. Исключением являются только два анекдота. Вот один из них:

«Троцкий спит в палатке. Белье наступают. Часовой хочет разбудить Троцкого. Товарищем назвать не решается, а назвать Вашим Превосходительством тоже считает неудобным. Вдруг его осеняет гениальная мысль, и он начинает кричать ему в ухо: “Вставай, проклятем заклеянный!”»¹⁹

Этот сюжет до этого уже фиксировался, но с Лениным в качестве главного героя. Его записала журналистка Е. Кускова, высланная в начале 1920-х гг. за границу. Но в остальных трех известных нам фиксациях героем является именно Троцкий. Так «равновеликость» этих персонажей в массовом сознании подтверждается их взаимозаменяемостью в анекдотах.

Фольклорное «сотрудничество» Троцкого и Ленина не закончилось со смертью последнего: некоторое время продолжали рождаться сюжеты об их политическом единстве, прочно укоренившемся в массовом сознании. От простых шуток в духе восприятия смерти Ленина как первой в ряду «желательных» («Ленин прислал Троцкому вызов: “Оказавшись на том свете, вызываю сделать то же самое т. Троцкого”»²⁰), до анекдотов, рожденных уже в период разгрома «оппозиций» и укрепления единоличной власти И.В. Сталина. В них отразилась распространенная среди «оппозиционеров» убежденность в том, что Сталин искажает ленинское учение и преследует старых большевиков:

«Троцкий приходит у себя в ссылке с охоты, смотрит на портрет Ленина и говорит: «Эх, Ленин, Ленин, рано ты умер – охотились бы мы теперь с тобой»²¹.

Сюжет этот родился скорее всего в период алма-атинской ссылки Троцкого: именно там он получил возможность предаться одному из своих самых страстных увлечений – охоте. Описаниями собственных охотничьих подвигов полны его письма друзьям и единомышленникам. И именно из них тема охоты могла просочиться в политический фольклор. Вполне вероятно, анекдот и родился в среде его сторонников.

Близость Ленина и Троцкого подчеркивается и в сюжетах, возникших после высылки последнего за границу:

«Троцкий – на рыбалке в турецкой ссылке. Местный мальчик-газетчик, желая пошутить, выкрикивает: «Экстренное сообщение! Сталин умер!». Но Троц-

кий невозмутим. «Молодой человек, – говорит он, – это не может быть правдой. Если бы Сталин умер, я был бы уже в Москве». На следующий день разносчик газет предпринимает другую попытку. На этом раз он кричит: «Экстренное сообщение! Ленин жив!» Но снова Троцкий не попался. «Молодой человек, – говорит он, – если бы Ленин был жив, он был бы сейчас здесь, со мной»²².

Этот анекдот был опубликован английским журналистом Е. Лайонзом в 1934 г., однако сюжет фиксировался с марта 1929 г. Более того, можно предположить, что он лег в основу строк из «Четвертой прозы» О. Мандельштама, написанных буквально через пару месяцев после высылки Троцкого за границу: «Ночью на Ильинке, когда Гумы и тресты спят и разговаривают на родном китайском языке, ночью по Ильинке ходят анекдоты. Ходят Ленин с Троцким в обнимку, как ни в чем ни бывало. У одного ведрышко и константинопольская удочка в руке»²³.

Анекдоты содержат отклики на все узловые моменты борьбы за власть, развернувшейся после смерти Ленина. В 1924–1925 гг. фиксируются сюжеты, связанные с болезнью Троцкого. Еще с начала 1920-х гг. у него были проблемы со здоровьем, однако к моменту смерти Ленина они уже не позволяли Троцкому участвовать в политической жизни с прежней активностью. Болезнь Троцкого стала для его политических противников предлогом для его отстранения от дел. И это было очевидно для современников. М. Булгаков записал в дневнике: «Троцкого съели, и больше ничего. Анекдот: «Лев Давидыч, как ваше здоровье?» – «Не знаю, я еще не читал сегодняшних газет». (Намек на бюллетень о его здоровье, составленный в совершенно смехотворных тонах)»²⁴.

В анекдотическом фольклоре весть о выводе Троцкого из ЦК появилась за год до реального события. С 1925 г. фиксируется сюжет подобного содержания: «Троцкий теперь пишется «Трой» – ЦК выпало»²⁵; «Троцкий подписывается теперь только ТРО, потому что ЦК был вынужден от себя откинуть (намек на то, что его выкинули из Центрального Комитета)»²⁶. В действительности его вывели из состава Политбюро в октябре 1926 г. Но массовое сознание именно так восприняло весть об уходе Троцкого с поста председателя Реввоенсовета СССР в январе 1925 г., после чего до момента своего исключения из партии он занимал лишь второстепенные посты.

Основной массив анекдотов о Троцком был зафиксирован с 1924 по 1934 гг. Позже они будут переписываться из одной эмигрантской коллекции в другую, однако все фиксируемые в поздних источниках тексты будут или восходить к более ранним, обнаруженным нами, фиксациям, либо записавшие их люди будут относить их к раннему периоду. И это, на наш взгляд, объясняется логикой анекдотического жанра: одной из основных особенностей анекдота как формы передачи общественных настроений является мобильность, то есть сюжет на определенную тему может возникнуть лишь в момент обостренного внимания к данной теме и массово передаваться из уст в уста он будет лишь до тех пор, пока это внимание сохраняется. После вынужденной эмиграции Троцкий как бы вычеркивается из списка действующих лиц политической сцены. Одним из основных методов борьбы с «троцкизмом» стало молчание: роль Троцкого в советской истории не просто преуменьшалась – имя его вымарывалось отовсюду.

И механизм этот работал: память о Троцком очень быстро уходила на периферию массового сознания. Подобно тому, как в Большой советской энциклопедии появилась разгромная статья «Троцкизм», но исчезла статья «Троцкий», в актуальном политическом фольклоре продолжалось развитие «троцкистских тем», но сам Троцкий как герой, утративший актуальность, из анекдота исчез.

Примечания

¹ Окунев Н.П. Дневник москвича (1917–1924). Т. 2. М., 1997. С. 104.

² Ефремов С.А. Щоденники, 1923–1929. Киев, 1997. С. 63.

³ Современный советский анекдот // Воля России. Прага, 1925. № 2. С. 55.

⁴ 11 октября 1922 г. Госбанк получил право выпуска банковских билетов, обеспеченных золотом, валютой и товарными ценностями, получивших название «червонец», в то время как в народе под «червонцами» понимали золотые монеты номиналом в 5 и 10 рублей.

⁵ Современный советский анекдот. С. 55. Ср.: «В Москве каждого иностранца водят смотреть большую пушку и большой колокол. Пушку, из которой стрелять нельзя, и колокол, который свалился прежде, чем звонил». Герцен А.И. Былое и думы. М., 1973. С. 475.

⁶ Великанова О.В. Образ Ленина в массовом сознании // Отечественная история. 1994. № 2. С. 178.

⁷ Там же. С. 179.

⁸ Современный советский анекдот. С. 56.

⁹ Архипова А.С., Мельниченко М.А. «Вот проценты за ваш капитал!»: к вопросу о генезисе и эволюции политического анекдота (<http://www.ruthenia.ru/document/545661.html>)

¹⁰ Ефремов С.А. Указ. соч. С. 76–77.

¹¹ Там же. С. 114.

¹² Там же. С. 87.

¹³ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М., 2001. С. 325.

¹⁴ Отшельник. Нажим на «культурном фронте» (письма из Петербурга) // Последние новости (Париж). 1924. 15 окт.

¹⁵ Современный советский анекдот. С. 57.

¹⁶ Сатира и юмор русской эмиграции. М., 1998. С. 138.

¹⁷ Кошелева Л., Тепцов Н. Выписки из ежедневных спецсводок информационного отдела ОГПУ о реагировании различных слоев населения на смерть В.И. Ленина // Неизвестная Россия. Т. 3. М., 1993. С. 15.

¹⁸ Там же. С. 15–16.

¹⁹ Современный советский анекдот. С. 5.

²⁰ Ефремов С.А. Указ. соч. С. 93.

²¹ Шитц И.И. Дневник «Великого перелома» (март 1928 – август 1931). Paris, 1991. С. 82.

²² Lyons E. Red Laughter // Lyons E. Moscow Caroussel. N.Y., 1935. P. 328.

²³ Мандельштам О.Э. Четвертая проза // Собр. соч. В 3 т. М., 1971. Т. 2. С. 191.

²⁴ Булгаков М.А. Под пятой (дневник и письма М.А. Булгакова) // Дневник Мастера и Маргариты. М., 2004. С. 44.

²⁵ Там же. С. 52.

²⁶ Ефремов С.А. Указ. соч. С. 206.

**ГЕРМАНСКАЯ КОНЦЕССИЯ «МАНЫЧ»
В СОВЕТСКОЙ РОССИИ
(1922–1934 гг.)***

В последние годы активизировалось изучение советского опыта привлечения иностранного концессионного капитала в экономику страны в 1920–1930-е гг. В публикуемых исследованиях рассматривается хозяйственно-производственная деятельность иностранных предпринимателей и компаний, участвовавших в концессионных мероприятиях. При этом основное внимание уделяется концессиям в различных отраслях промышленности¹, а тема сельскохозяйственных концессий пока не вызвала должного интереса со стороны исследователей².

Большевистская власть для преодоления экономической и технической отсталости России нуждалась в колоссальных денежных средствах, которых в бюджете страны не было. Решить эту узловую проблему можно было, как и во времена царской России, с помощью привлечения иностранных инвестиций в форме концессий. Однако над экономическими аспектами этой проблемы довели политические расчеты правящей партии. Так, Полпред РСФСР в Польше Л.М. Карахан считал, что «целесообразнее дать концессии, которые будут приносить доход не сразу, а через 5–7 лет, после того, как предварительно будет затрачен большой капитал на оборудование, разработку, изыскания и т.д.»³ Концессионный капитал предполагалось применить не только для восстановления промышленности, но и сельского хозяйства.

На это обращал внимание нарком земледелия РСФСР В.В. Осинский: «Необходимо наметить те отрасли и виды сельскохозяйственной промышленности, которые не могут быть нами восстановлены и организованы без крупной финансовой и организационной предпринимательской помощи извне, очертить хозяйственную природу этих предприятий, возможные сроки концессии»⁴. По сути, сельскохозяйственные концессионные предприятия должны были сыграть «роль подготовительной ступени для перехода крестьянского земледелия центральной России в фазис интенсификации, а на окраинах – рациональной постановки коллективизации, которая должна привести крестьянское население окраин к созданию своего собственного полутоварного хозяйства»⁵.

30 декабря 1921 г. торговый представитель РСФСР в Германии Б.С. Стомонаков в телеграмме В.И. Ленину сообщил, что акционерное общество «Фридрих Крупп в Эссене» выступило с предложением организовать сельскохозяйственную концессию. И просил «срочно телеграфировать принципиальное согласие, указав район и площадь под концессию»⁶. Ленин считал, что принять это предложение особенно необходимо перед Генуэзской конференцией. «Для нас, – заявил он, – было бы бесконечно важно заключить хоть один, а еще лучше

несколько договоров на концессии именно с немецкими фирмами»⁷. 25 февраля 1922 г. Политбюро ЦК РКП(б) поддержало предложение Ленина⁸.

Угодья для концессии были выбраны на территории Сальского округа Донской области. В середине марта в Ростов-на-Дону выехали представители Наркомзема РСФСР Р.А. Адамович и акционерного общества Круппа – П. Клетте, Фульте, Цегхау – для обследования участка, предоставляемого концессии. Чтобы они могли избежать бюрократические препоны со стороны местных властей, 19 марта Ленин послал телеграмму Краевому экономическому совещанию Юго-Востока: «Концессия Круппа на 50 тысяч десятин... имеет громадное не только экономическое, но и политическое значение. Вы должны напрячь все силы, чтобы содействовать заключению концессии, всякую неграмотность в этом деле буду считать преступлением»⁹.

23 марта 1922 г. в Москве был заключен концессионный договор между правительством РСФСР, в лице наркома по иностранным делам Г.В. Чичерина и наркома земледелия В.Г. Яковенко, и представителями акционерного общества «Фридрих Крупп в Эссене» сроком на 24 года «для ведения рационального сельского хозяйства»¹⁰. Согласно договору, концессионер обязан был обрабатывать землю в размере 50 тыс. дес. в течение 8-ми сезонов, обеспечить хозяйство инвентарем, материалами, необходимыми сооружениями, а в качестве платы за концессию передавать правительству РСФСР ежегодно 20 % валового урожая¹¹.

Однако 22 апреля торгпред в Германии Стомонаков сообщил в Политбюро ЦК, что директора акционерного общества К. Зорге и П. Кросс отказались утвердить договор о сельскохозяйственной концессии в Сальском округе Донской области. Он просил дать указание руководителю Железнодорожной миссии в Германии Ю.В. Ломоносову изыскать совместно с торговым представительством «способы воздействия на Круппа и приступить к их применению»¹². В тот же день Ленин отдал распоряжение Стомонакову «обсудить вместе с Крестинским и Ломоносовым меры воздействия на Круппа»¹³. Для этого предлагалось использовать различные методы: «привлечь Круппа к третейскому суду»¹⁴, «внести Круппа в черный список, никогда не сдавать ему концессии в России и не иметь с ним никаких торговых и иных дел»¹⁵.

На руководство акционерного общества удалось оказать давление, объявив о возможном аннулировании заказов на постройку на его заводах паровозов для Советской России. В конце 1922 г. его уполномоченный Э.Ф. Капперг отправился в Сальский округ, чтобы осмотреть выделенный у речки Маныч участок, выяснить условия работы и определить, какие мероприятия надо провести, чтобы приступить к эксплуатации земли¹⁶. Председатель Главного концессионного комитета (ГКК; с марта 1923 г. состоял в ведении Совнаркома РСФСР) Г.Л. Пятаков просил оказать ему «всяческую помощь и поддержку и постараться избежать укоренившейся у нас волокиты в решении тех или иных практических вопросов»¹⁷.

После дополнительных переговоров с акционерным обществом Совнарком утвердил 16 января 1923 г. представленный ГКК договор с обществом. 17 марта 1923 г. правительство РСФСР в лице полномочного представителя в

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Германского исторического института в Москве.

Германии Н.Н. Крестинского, торгпреда в Германии Стомонякова, члена коллегии Наркомзема Л.Х. Фридрихсона и акционерное общество «Фридрих Крупп в Эссене» в лице директоров К.Зорге и П. Кросс подписали концессионный договор. Согласно договору, площадь концессии уменьшалась до 25 тыс. дес. и срок действия устанавливался в 36 лет¹⁸. Предприятие получило название «Крупповская сельскохозяйственная концессия Маныч» (Kruppische Landconcession Manysch). Концессионеру было дано право разрабатывать торфяные и известняковые залежи, добывать соль, а также предоставлялось исключительное право заниматься рыбной ловлей и охотой. Через 12 лет правительство СРФСР могло выкупить концессионное предприятие, предупредив об этом концессионера за год.

Концессия располагалась в 160 верстах от Ростова-на-Дону, в 12 верстах от окружного центра г. Сальска и станции Пролетарской, где была расположена почта, телеграф, больница и т.д.¹⁹ В нее вошли земли бывшего Восточного коннозаводства. Одним из недостатков отводимого массива из 12-ти земельных участков было плохое состояние водных источников. Необходимо было привести в порядок пруды и колодцы, укрепить плотины на речке Маныч²⁰. Согласно договору, все эти мероприятия концессионер должен был провести за счет собственных средств.

17 марта 1923 г. акционерное общество «Фридрих Крупп в Эссене» направило в Совнарком РСФСР план работы концессии²¹. Общество обязалось вести только зерновое хозяйство: производить пшеницу, рожь, овес и ячмень. Скотоводством собиралось заниматься исключительно для удовлетворения внутренних потребностей концессии, а также максимально механизировать и технически усовершенствовать хозяйство.

Однако собственных средств на разработку степных земель у концессии не хватало, и общество в марте 1923 г. направило в Совнарком РСФСР письмо, которым уведомило, что собирается организовать английское общество Russian Landconcession Manysch Limited с акционерным капиталом в размере 40 000 ф. ст. (25 % германского капитала и 75 % английского). Предполагалось, что концессионное предприятие будет управляться через организуемое в Германии общество Kruppische Landconcession Manysch S.m.b.H., а Совнарком РСФСР должен был дать согласие на передачу финансовых обязательств этому обществу²².

В июне 1923 г. торгпред Стомоняков в докладной записке на имя Пятакова сообщил: «Английский банк, обещавший Круппу финансирование его сельскохозяйственной концессии на 75 % потребительского капитала, в связи с русско-английским конфликтом отказался от дальнейшего участия в этом деле»²³. Это означало затягивание выполнения концессией договора. По данным торгпреда, на место председателя правления должен был вернуться О. Видфельд, который начинал ведение переговоров о концессии. Его возвращение могло «облегчить проведение сельскохозяйственной концессии в смысле лояльного выполнения фирмой заключенного договора»²⁴.

17 августа Донское областное землеустроительное совещание, рассмотрев вопрос о передаче земли в Сальском округе концессии «Маныч», приняло по-

становление о передаче в ее пользование 29 167 дес. 2 320 кв. с. удобной и неудобной земли в Сальском округе²⁵.

24 августа уполномоченный концессии Клетте сообщил Пятакову, что концессия приступила к вспашке земли для осенних посевов. Одновременно он просил разобраться с недоразумением, возникшим на станции Пролетарская. Несмотря на предоставленное концессии право бесплатного провоза груза по железной дороге, он вынужден был заплатить более 400 червонцев в кассу станции, иначе начальник станции отказывался выдавать груз²⁶.

По поручению Совнаркома РСФСР наркоминдел Чичерин в сентябре 1923 г. в конфиденциальном письме изложил концессионеру мероприятия, на которые готово было пойти правительство с целью облегчения становления концессии: 1) снабжать хозяйство бензином подходящего качества по низким ценам; 2) предоставить двух опытных, знакомых с местными условиями, специалистов по сельскому хозяйству; 3) перевозить предназначенные для концессионного хозяйства машины, материалы и семена от Новороссийска и портов Азовского моря до ближайшей к концессии железнодорожной станции без взимания фрахтов; 4) снабжать концессию в течение первого года семенами для посева... 6) лицам, командированным из Германии, обеспечить широкую защиту, личную безопасность, свободу передвижения²⁷.

Концессионеры не были знакомы с природно-климатическими условиями и методами хозяйствования в Сальских степях. И это привело в 1924 г. к неурожаю. Неурожай вызвал массу вопросов со стороны ГКК.

В январе 1925 г. администрация концессии сообщила в ГКК, что неурожай первого года заставляет их заняться «тщательным изучением своеобразных условий почвы и климата... постепенно подвигаться по пути обработки почвы»²⁸. Руководство концессии «Маныч» просило перевести 10 000 дес. земли с зернового хозяйства под овцеводство и утвердить 7-летний хозяйственный план овцеводства из расчета инвестирования в первом году 40 000 руб. вместо 69 000 руб., предложенных обществу Круппа Наркомземом²⁹.

Членом ГКК А.Е. Минкиным был направлен запрос в Наркомзем РСФСР, «находится ли неурожай крупповской концессии в непосредственной связи с общим неурожаем на Юго-востоке в прошедшем году или причины нужно искать в самом способе ведения хозяйства»³⁰. В ответе главной причиной неурожая были названы неблагоприятные климатические условия. Кроме того, член коллегии Наркомзема К.Д. Савченко указал на еще одну причину: отсутствие опыта ведения хозяйства у специалистов концессии при местных условиях³¹.

В мае 1925 г. уполномоченный концессии Клетте направил запрос в ГКК с просьбой разрешить «в интересах государства, выполнять по мере возможности некоторые работы для нужд населения» на подсобных предприятиях. Он также просил сообщить, какие налоги придется платить концессии и в каком размере³².

В июне председатель правительственной инспекции Северо-Кавказского краевого (в 1924 г. Донская область вошла в Северо-Кавказский край) земельного управления Рязанов сообщил, что на территории концессии «Маныч» работа-

ют кирпичный завод, «известковая яма», механическая мастерская. Кирпич и известь должны были производиться для собственных нужд, но инспекция выявила, что в 1924 г. местным государственным учреждениям было продано 1 640 пуд. извести по 40 коп. за пуд. Производство это – «чисто кустарное», но из-за большого спроса со стороны населения, «производство кирпича и извести создает ничем не оправданный с государственной точки зрения побочный доход»³³. Так как, по мнению Рязанова, «нужда в хорошей мастерской действительно очень большая, тем более при развивающейся в настоящее время механизации сельского хозяйства», он посчитал возможным разрешить концессионеру осуществлять частные заказы. Но при выполнении следующих условий: срок деятельности ограничить 5 годами, установить лимит оборудования (чтобы концессия не могла развиваться в заводское предприятие), должна вестись книга заказов, кроме уплаты установленного налога в виде уравнинного сбора, концессионер должен платить государству 10 % валовой выручки³⁴.

22 июня 1925 г. в Северо-Кавказское крайземуправление из Наркомзема РСФСР пришла директива «дообследовать» вопрос о нуждах населения в кирпиче и извести, «дабы избежать могущих возникнуть осложнений, как во взаимоотношениях с концессией, так и в настроении местного населения, вследствие лишения последнего якобы удобств, предоставляемых концессией»³⁵.

1925 г. был удачным для концессии «Маньч»: удалось получить хороший урожай. Но в 1926 г. концессия понесла убытки в размере 84 724 руб. В декабре 1926 г. ее руководство сообщило ГКК, что профессором Сахаровым было проведено обследование почвы. Было выявлено, что создать рентабельное зерновое хозяйство в Сальских степях невозможно из-за климатических условий и низкого качества почвы (много солончаков)³⁶.

Управляющий концессией «Маньч» предлагал реорганизовать концессию, но для этого, прикинул он, потребуется вложение еще 1 млн руб.³⁷ Земли концессии в основном состояли из солончаков, поэтому предполагалось отвести значительную площадь для занятия скотоводством. Обследованием концессии на предмет пригодности ее для разведения мериносовых овец занимался скотовод из Фридебурга Мейер³⁸. Он установил, что природные и климатические условия благоприятны для развития овцеводческого хозяйства. И указал на его выгоду: «мериносовая шерсть на мировом рынке расценивалась всегда очень высоко» и не надо будет ввозить южно-американскую и австралийскую шерсть³⁹.

В 1926 г. комиссия Наркомзема РСФСР провела обследование концессии «Маньч» и о результатах доложила в ГКК: «Постройки капитально отремонтированы. Все строения жилые и нежилые, а также и двор освещаются электричеством... Жилые помещения просторны, светлы и со всеми удобствами»⁴⁰. В докладе отмечалось, что концессионер возбудил вопрос об организации овцеводства на 10 000 дес. солончаковой земли, так как действительно эта земля под зерновое хозяйство непригодна и может быть использована лишь под овцеводство⁴¹.

Значимость сельскохозяйственных концессий оценивалась ГКК (с образованием СССР она перешла в ведение Совнаркома СССР) прежде всего с точки

зрения увеличения площади запашки и привития сельскому хозяйству культурных способов его ведения⁴². Председатель ГКК Пятаков был убежден: концессии, подобные «Маньчу», закладывают основы крупного культурного сельского хозяйства и тем создают базу для «преодоления крестьянской мелкобуржуазной ограниченности... концессионер типа Круппа, идя на сельскохозяйственную концессию, в дальнейшем... пойдет на другие более широкие хозяйственные комбинации»⁴³. Но, несмотря на положительные моменты в работе концессий, бытовала и иная точка зрения. Так, член Наркомзема СССР А. Морыганов подчеркивал: «Мы вынуждены в первые годы нашего хозяйственного строительства допустить их как временную меру... для того, чтобы потом при их помощи скорее разделаться с ними»⁴⁴.

Между тем концессия «Маньч» стала центром распространения культуры не только сельского хозяйства, но и культуры вообще. В 1927 г. на ее территории работали клуб и библиотека, рабочим на выбор предлагались кружки кройки и шитья, драматический, тракторный, стрелковый. Однако комиссия ВЦСПС, обследовавшая профсоюзную работу в концессии в 1928 г., отмечала, что в библиотеке «подбор литературы проходил совсем невнимательно. Среди книг библиотеки есть: Л. Толстой – «Анна Каренина», «Исповедь», полное собрание стихотворений С. Есенина»⁴⁵. При проверке читательских формуляров было выявлено, что читаются преимущественно произведения Л. Толстого, М. Горького, Д. Лондона. Члены комиссии сделали замечание насчет «вредного воздействия» такой литературы. Но заведующий библиотекой Шульгин с ними не согласился. Профсоюзные деятели считали, что в библиотеке концессии должны находиться книги о работе на концессионных предприятиях. Однако заведующий библиотекой Шульгин с ними не согласился: мол, рабочих нужно знакомить с русской классикой⁴⁶.

В 1928 г. акционерное общество Круппа поставило вопрос о ликвидации сельскохозяйственной концессии «Маньч». Отказ от дальнейшей работы руководство концессии объяснило нерентабельностью предприятия и категоричным решением акционерного общества не вкладывать больше денег в концессию⁴⁷.

Правительство СССР решило не соглашаться на ликвидацию концессии и предложить руководству акционерного общества работать дальше на базе смешанного общества. Однако член ГКК при СНК СССР М.Г. Гуревич считал: «Организацией смешанного общества мы никакого политического эффекта не достигнем, и обстановку, благополучную для привлечения капитала, не создадим... Под влиянием Шахтинского дела и ликвидации Гарриманской концессии финансовые круги продолжают занимать отрицательную позицию в смысле инвестирования своих капиталов в СССР. Крупповское дело в этом смысле ничего не изменит»⁴⁸. Поэтому он считал целесообразным согласиться на ликвидацию концессии на условиях длительного кредитования⁴⁹.

В сентябре 1928 г. правительство СССР все же начало переговоры с акционерным обществом «Фридрих Круп в Гессене» о создании русско-германского сельскохозяйственного товарищества «Маньч–Крупп»⁵⁰. В октябре был подпи-

сан договор о передаче прав и обязанностей от концессии «Маныч» русско-германскому сельскохозяйственному товариществу «Маныч–Крупп». Начав работать в 1929 г., оно должно было ориентироваться на разведение овец. Но особых успехов не добилось. Между тем нэп был свернут, а к власти в Германии пришел Гитлер. Отношение Москвы и местных властей к товариществу «Маныч–Крупп» быстро менялось к худшему, и в 1933 г. ему были предъявлены претензии в невыполнении условий договора. Весь 1934 г. велась формальная переписка с администрацией товарищества «Маныч–Крупп» по урегулированию разногласий. Кончилось тем, что в октябре 1934 г. оно было ликвидировано⁵¹.

За время своего существования сельскохозяйственная концессия «Маныч» сумела показать, что даже в сложных климатических условиях и на малопригодных землях можно создать развитое хозяйство с использованием наемного труда и применением новых технологий и механизмов. Однако расчетов советского правительства, ни в экономическом плане, ни в политическом, концессия не оправдала.

Примечания

¹ Пушкарева И.В. Ремизовский В.И. Кита Карафуту Секио Кабусики Кайша (страницы истории японских нефтяных концессий на Северном Сахалине, 1925–1944 гг.). Хабаровск, 2000; Парфенов А.В. Иностраный концессионный капитал в советской лесной промышленности: условия привлечения и результаты использования (1918–1930 гг.). Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Волгоград, 2007.

² Рагер Ю.Б. О германо-советской концессии «Друзаг» в Ванновском немецком районе Северо-Кавказского края // Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. М., 1995; Плохотнюк Т.Н. Германские сельскохозяйственные концессии на Северном Кавказе (1920–1930-е гг.) // Немцы в России и СССР, 1900–1941 гг. М., 2000.

³ Хромов С.С. Иностраные концессии в СССР: Исторический очерк. Документы. Ч. I. М., 2006. С. 136.

⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 823. Л. 41.

⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 823. Л. 58.

⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 2377. Л. 11.

⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 135–136.

⁸ Хромов С.С. Иностраные концессии в СССР: Исторический очерк. Документы. Ч. II. М., 2006. С. 151.

⁹ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 211.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1941. Л. 1.

¹¹ РГАСПИ. Ф. 5 Оп. 1. Д. 118. Л. 5.

¹² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 54. С. 641.

¹³ Там же. Т. 54. С. 249.

¹⁴ Хромов С.С. Указ. соч. Ч. II. С. 151.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 413. Оп. 2. Д. 1519. Л. 16–20.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1779. Л. 157.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 12. Л. 1–7.

¹⁹ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1229. Л. 14.

²⁰ Плохотнюк Т.Н. Указ. соч. С. 220–221.

²¹ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 12. Л. 9–10.

²² Там же. Л. 18–19.

²³ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1778. Л. 48.

²⁴ Там же. Л. 48 об.

²⁵ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1780. Л. 74.

²⁶ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1778. Л. 83.

²⁷ Там же. Л. 104–105.

²⁸ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1004. Л. 20.

²⁹ ГА РФ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 117. Л. 177.

³⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1004. Л. 28.

³¹ Там же. Л. 37.

³² ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1767. Л. 232.

³³ Там же. Л. 253.

³⁴ Там же. Л. 254.

³⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1004. Л. 218.

³⁶ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1770. Л. 11.

³⁷ Там же. Л. 12.

³⁸ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 1770. Л. 29.

³⁹ Там же. Л. 31 об.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 921. Л. 268.

⁴¹ Там же. Л. 269.

⁴² Хромов С.С. Указ. соч. Ч. I. С. 247.

⁴³ Там же. С. 228.

⁴⁴ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1086. Л. 171.

⁴⁵ РГАЭ. Ф. 478. Оп. 2. Д. 1229. Л. 34.

⁴⁶ Там же. Л. 35.

⁴⁷ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 121. Л. 182.

⁴⁸ Там же. Л. 183.

⁴⁹ Там же. Л. 184.

⁵⁰ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 1. Д. 3282. Л. 1.

⁵¹ ГА РФ. Ф. 8350. Оп. 3. Д. 77. Л. 54; Д. 3282. Л. 3.

С.В. Богданов

СПЕКУЛЯЦИЯ В СССР В 1945–1953 гг.: ПРИЧИНЫ, МАСШТАБЫ, ОСОБЕННОСТИ

Спекуляция – явление, оказавшееся неистребимым на протяжении всей советской истории. Несмотря ни на какие карательные меры этот вид противозаконной деятельности устойчиво воспроизводился и приспособлялся к переменам экономической политики коммунистической партии. Так, в годы первых пятилеток хронический дефицит продовольствия и промтоваров в государственной торговле, накопление большой денежной массы некоторыми группами населения, организация «закрытой» торговли для «номенклатуры» благоприятствовали распространению «блата», взяток, спекуляции.

В годы Великой Отечественной войны советское правительство вынуждено было предоставить больше свободы частной торговле на «колхозных рынках». Под прикрытием базаров и стихийных «барахолок» стали пышно произрастать хищения, мошенничество, спекуляция. Нехватка товаров первой необходимости, перебои в снабжении подстегнули злоупотребления в торговле и общественном питании, активность спекулянтов. Широкое распространение получили хищения государственной собственности, взяточничество, махинации должностных лиц с продовольственными карточками в тылу, злоупотребления с материальными и финансовыми ресурсами в армии.

В 1943 г. в Наркомат финансов со всех концов страны начали поступать письма граждан о накоплении больших денежных сумм на руках отдельных лиц. Основным способом получения их называлась спекуляция. Авторы писем предлагали конфисковать эти «нечестно заработанные на народной нужде» деньги¹.

Однако, не смотря на жесткие карательные меры, спекуляция продолжала шириться. К концу войны усилилась профессионализация преступных групп, занимавшихся хищениями государственной собственности, спекулятивными операциями, скупкой золота и драгоценностей, организацией нелегального производства. После победы, в 1945–1947 гг., резко возросло число уголовных преступлений. В 1946 г. органами внутренних дел было зарегистрировано 1 014 274 преступлений – на 20 % больше, чем в 1945 г. В 1947 г. их оказалось уже 1 234 377 (прирост относительно 1945 г. – более 46 %). Среди прочих росло число убийств и разбойных нападений с применением оружия². Государство предприняло масштабные усилия по противодействию уголовной преступности. Уже к концу 1947 г. удалось сбить вал убийств и грабежей. Однако спекуляцию, вообще хозяйственную преступность, продолжали питать перебои в снабжении и хронический «товарный голод».

Советские граждане в письмах руководителям партии и правительства по-прежнему возмущались хищениями государственной собственности и спекуляцией. Так, в одном из писем на имя И.В. Сталина (март 1947 г.) задавались риторические вопросы: «Почему Правительство не вынесет закона о более суровом наказании лиц, занимающихся квартирными кражами и грабежами, спекуляцией? Почему на глазах у милиции воры и хулиганы, нигде не работающие, пьянствуют, а милиция не находит воров?»³.

Недовольство слабой, по мнению рабочих, борьбой со спекулянтами фиксировалось в многочисленных сводках партийных органов. Так, в информации Новосибирского обкома ВКП(б) от 29 мая 1948 г. «О политических настроениях населения Новосибирской области» отмечалось: трудящиеся часто выражают справедливое возмущение слабой борьбой милиции, судов и прокуратуры со спекуляцией. На рынке можно купить все необходимые продукты и промтовары, но цены на них в три раза выше, чем в магазинах. Во многих первичных партийных организациях рабочие и служащие спрашивают, почему спекулянтов не судят показательным судом, с широким освещением приговоров в печати и на рабочих собраниях⁴.

В 1949 г. по всей стране люди спрашивали докладчиков и агитаторов от партийных организаций, почему милиция так плохо борется со спекулянтами⁵.

Спекуляция стала характерной чертой повседневной жизни советских городов и сельской местности в первые послевоенные годы. Милицейские сводки с мест фиксировали постоянный ее рост. И борьба с ней велась все активнее. Так, в 3-м квартале 1946 г. правоохранительными органами Ленинграда и Ленинградской области было возбуждено 100 дел о спекуляции, а в 4-м квартале – уже 236. То есть за 2-е полугодие 1946 г. – 336 дел. А в 1-м полугодии 1947 г. этот показатель составил уже 480 дел⁶.

Острая нехватка продуктов питания создавала питательную почву для махинаций с продуктовыми карточками. Пользуясь слабым контролем со стороны руководителей предприятий, учреждений и домоуправлений, карточных и контрольно-учетных бюро, уполномоченных по выдаче карточек, отдельные должностные лица совершали различные правонарушения с карточками. Иногда руководители этих самых организаций включали в списки на получение карточек вымышленных лиц, получали на них карточки и сбывали их на рынках. Или «отваривали» в магазинах, а затем спекулировали продуктами. Для наведения порядка и усиления контроля за выдачей карточек партийные органы совместно с милицией проводили многочисленные проверки⁷. Только в Ленинграде за один месяц, октябрь, 1946 г. за перепродажу продовольственных карточек органами внутренних дел было задержано 2 387 граждан⁸.

МВД активизировало борьбу со спекуляцией и в других регионах страны. За октябрь–декабрь 1946 г. на рынках страны за куплю и продажу карточек было задержано 66 793 человека. Из них 10 063 были привлечены к уголовной ответственности: у них было изъято карточек и талонов на хлеб и другие продукты – 424 566 (в переводе на хлебопродукты – 4 952 т), карточек и талонов на питание – 126 146, карточек и талонов на промтовары – 330 940, а также 5 109 316 руб. наличных денег и ценностей на 2 952 365 руб. Кроме того, милиция повсюду фиксировала широкое распространение изготовления и сбыта фальшивых карточек⁹.

Хищения государственного, общественного имущества и спекуляция шли рука об руку. Засуха 1946 г. усугубила тяжелое положение в стране, и эти виды преступлений росли стремительно: на 42,4 % и на 56,8 % соответственно в 1947 г. по отношению к 1945 г.¹⁰ С 1945 по 1948 гг. число преступлений, связанных со спекуляцией, возросло на 59,3 %¹¹.

Спекуляцию подстегивала существенная разница между ценами на товары в государственной торговле и на «колхозных рынках». Запрет на торговлю хлебом неизбежно порождал взлет цен на колхозных рынках. Одни «спекулятивные элементы» входили в сговор с руководителями колхозов и сбывали колхозную продукцию при помощи ловких схем. Другие скупали по дешевке зерно и муку у колхозников, нуждающихся в деньгах для уплаты налогов, и из относительно благополучных районов вывозили на продажу в голодные местности. Предметом спекуляции часто становились товары, похищенные или полученные за взятки из государственных или кооперативных учреждений и предприятий. Наиболее

распространенными видами спекуляции были скупка и сбыт сельскохозяйственной продукции и промтоваров, скупка и перепродажа скота, мелкая спекуляция на рынках, скупка зерна или муки с последующей выпечкой хлеба и реализацией его по спекулятивным ценам на рынках¹².

Для советской социальной иерархии стало закономерным: достаток человека в значительной мере определялся его близостью к дефицитным товарам, их распределению. В городах, ни в годы войны, ни по ее окончании, продавцы магазинов, работники отделов рабочего снабжения (ОРСов), рабочие хлебозаводов не голодали. Именно эти категории населения часто попадали в поле зрения Отделов по борьбе с хищениями социалистической собственности (ОБХСС): используя замаскированные способы и схемы изъятия из государственной торговли продовольственных и промышленных товаров, они поставляли их перекупщикам. Среди фигурантов уголовных дел о хищениях и спекуляции часто были работники предприятий пищевой промышленности. Распространение такого рода преступлений наносило удар по государственной торговле и карточной системе снабжения населения, подрывало принцип социальной справедливости. Приказ министра пищевой промышленности СССР В.П. Зотова «Об усилении борьбы со спекуляцией» от 24 сентября 1946 г. не возымел должного действия. Кражи продуктов питания с предприятий отрасли не прекратились. Для решительного перелома ситуации с хищениями продуктов питания с хлебозаводов и других предприятий пищевой промышленности требовалось более активное вмешательство МВД¹³.

Воровство хлеба в крупных размерах преимущественно совершалось в целях спекуляции. Кражи совершались при транспортировке с хлебозаводов в торговые точки, а также продавцами магазинов. Так, 13 ноября 1946 г. рабочие хлебозавода № 10 Выборгского района Ленинграда при развозке хлеба в магазины похитили 128 буханок хлеба, которые продали по 25 руб. При второй поездке в тот же день украли еще 12 буханок, с которыми и были задержаны¹⁴.

Спекулянты проникали во «встречную» государственную торговлю на селе. Подпольные торговцы, обзаведясь поддельными документами о заключении с колхозами договоров, открывали в городах на «колхозных рынках» свои палатки, нанимали продавцов и таким путем сбывали колхозную продукцию. На вырученные деньги закупали промтовары, с которыми выезжали в села для продажи их местным жителям. В течение августа 1946 г. в Кирове, Свердловске, Симферополе, Сталинграде, Чкалове (Оренбурге) сотрудниками МВД были арестованы и привлечены к уголовной ответственности более 15 человек, занимавшихся скупкой зерна в колхозах и продажей его в городах и райцентрах по высоким ценам. При задержании у них было изъято около 10 т зерна и 128 тыс. руб.¹⁵

В стихийную торговлю, многочисленные спекулятивные сделки были вовлечены самые разнообразные слои населения. В том числе и дети.

В справке прокурора группы по делам несовершеннолетних при Генеральном прокуроре СССР младшего советника юстиции Преображенской о состоянии детской безнадзорности в Москве отмечалось, что во 2-м полугодии 1945 г.

за торговлю было задержано 9 146 несовершеннолетних, что составило чуть более трети от всех задержанных за различные правонарушения детей.

«На центральном рынке (Коминтерновский район) ежедневно значительное количество детей 13–15 лет, преимущественно девочки, торгуют дрожжами, конфетами. Они выстраиваются открыто в ряд у входа в рынок, на перебой предлагают свой товар покупателям. На задаваемые мною вопросы некоторым из них, что их заставляет торговать, они или отделяются молчанием, или чаще всего, отвечают грубо, что это не мое, что им больше знать, чем заниматься.

Сложилось впечатление, что эти подростки пришли на рынок не случайно, они постоянные его обитатели, умеют себя в этой обстановке держать, словом, это «дело» им вошло в привычку. Одних и тех же девочек с продажей дрожжей я замечала здесь неоднократно. Встречались и такие факты: с дрожжами девочка, а за ней стоит женщина и только принимает деньги от покупателей. Назвать свою фамилию девочка и женщина отказались.

На этом же рынке много ребят с продажей старых учебников, тетрадей, открыток и разных канцелярских принадлежностей. Здесь немало и детей-покупателей. Торговля среди детей идет полным ходом.

Мелькают подростки-мальчики лет 15–16, и иной раз и 10–11 лет. У самого входа на рынок – на улице. Они скупают пачками папиросы (для продажи поштучно). Тут же рядом ходят дети и предлагают по спекулятивным ценам билеты в цирк.

Характерно, что место торговли не ограничивается территорией рынка. Близ прилегающие кварталы также превращены в места торга, где также обращают на себя внимание дети, продающие хлеб, папиросы, мыло.

Поражает своей массовостью торговля среди детей в крупных булочных города. В дверях любой булочной Свердловского р-на вас первым долгом встречают подростки с вопросом: «Нет ли продажных талонов?»...

Позорным пятном для столицы выглядит квартал центра города у кинотеатра «Метрополь». Здесь в любое время дня и до позднего вечера подростки перепродают билеты. Купленные за 3 руб. билеты продаются по 15–20 руб. Все это делается очень ловко, но заметно...

На улицах города и площадях (гл. образом у вокзалов) можно также наблюдать картины, когда подростки из-под полы в буквальном смысле этого слова, а иной раз открыто, продают или хлеб, или папиросы¹⁶.

В качестве продавцов часто использовались нуждавшиеся женщины. Многие из них ранее привлекались к уголовной ответственности. Так, в Сталинграде была арестована нигде не работавшая Уразова. Проживая в Баку, она скупала там муку по 400–500 руб. за пуд и продавала ее в Сталинграде по 900–1 000 руб. за пуд. В Кирове мать и дочь Аникины скупали муку у колхозников в различных районах области и продавали ее на рынке. Всего ими было куплено и продано свыше 2 т муки¹⁷.

По данным органов внутренних дел, только за 1-й квартал 1947 г. за спекуляцию в СССР на скамье подсудимых оказалось 17 784 человека, были выявлены 2 932 преступные спекулятивные группы. У привлеченных к ответственности

ти спекулянтов во время оперативных действий было изъято 19 441 642 руб. наличными, 23 743 руб. золотыми монетами царской чеканки, 4 094 г золота в слитках, 325 тонн продуктов и промтоваров на сумму 15 334 014 руб.¹⁸

20–30 % привлеченных за спекуляцию составляли работающие. Из них 60–80 % являлись работниками торговли, должностными лицами, военнослужащими, низкооплачиваемыми рабочими и служащими, а также лицами, отправленными в командировку в другой город¹⁹.

Спекуляция как вид преступных посягательств на интересы государства в сфере экономики постоянно модифицировался. Так, после отмены карточек спекуляция приняла более конспиративный характер. Выходя на рынок, спекулянты имели при себе лишь образцы товаров, а занимались продажей на своих квартирах или через третьих лиц. Крупные дельцы использовали кооперативную торговую сеть, комиссионные магазины, через которые по предварительному сговору с продавцами сбывали дефицитные товары²⁰.

Даже в рамках огосударственной экономики рыночные механизмы спроса и предложения продолжали, пусть и ограничено, но действовать. Спекулятивный рынок являлся самым чутким барометром покупательских запросов и предпочтений, индикатором государственной политики в этой сфере.

Так, в 1-м полугодии 1947 г. в связи с ростом рыночных цен на продовольствие и некоторым снижением цен на промтовары наблюдался поток спекулянтов из городов в сельскохозяйственные районы и обратно. А уже во 2-м полугодии, когда в некоторых городах стали дополнительно открываться коммерческие универмаги, спекуляция промтоварами стала сокращаться. В июле и августе, в связи с приближением начала школьных занятий, увеличилась спекуляция школьными принадлежностями, чему способствовала выдача их рабочим некоторых предприятий в качестве премий, материальной помощи и даже зарплат²¹.

В декабре 1947 г. в СССР была отменена карточная система. Это подорвало базу широкой спекуляции, но не ликвидировало ее полностью. Практически повсеместно задерживались скупщики хлеба, сахара, риса, камней для зажигалок, галош и других дефицитных товаров. Денежную реформу 1947 г. спекулянты использовали для извлечения «нетрудовых доходов» за счет разницы цен на дефицитные товары до и после отмены карточной системы. Основным методом заключался в сокрытии товаров для их последующей реализации по новым ценам. А также внесение крупных сумм в деньгах старого образца за изымаемые товары с целью перепродажи партий товаров после проведения реформы на деньги нового образца. Так, заведующий магазином и заведующий складом в Зугдиди внесли в кассу магазина 230 560 руб. в деньгах старого образца, предварительно изъяв из магазина товары на эту сумму²².

5 марта 1954 г. председателю Совета Министров СССР Г.М. Маленкову была направлена докладная записка Центрального статистического управления СССР об итогах обследования бюджетов рабочих, служащих и колхозников за 1953 г. Составлена она была очень обстоятельно и содержала объективную информацию. Согласно записке, у отдельных граждан, в том числе у перекупщиков-спекулянтов, семьями рабочих и колхозников покупалась готовая одежда,

шерстяные, шелковые и хлопчатобумажные ткани, белье, мужская, женская и детская кожаная обувь, резиновые и валенные сапоги и другие товары. Покупка у них промтоваров производилась по ценам, значительно превышающим государственные розничные цены. Основными причинами покупки промтоваров у спекулянтов были названы: недостаток в магазинах государственной и кооперативной торговли товаров, пользующихся наибольшим спросом, несвоевременный завоз сезонных товаров в магазины, неудовлетворительный ассортимент продаваемых в магазинах товаров, недостаток государственных комиссионных магазинов в городах и неудовлетворительная их работа. Недостаточная сеть мастерских бытового обслуживания, высокие расценки, а в ряде случаев низкое качество выполняемых работ и длительные сроки выполнения заказов, приводили к тому, что семьи рабочих и колхозников вынуждены были обращаться к услугам отдельных граждан по пошиву и ремонту одежды и обуви²³.

Таким образом, власть, не называя вскрываемые ею явления тем, что позже будет названо «теневой» экономикой, признавала наличие в советском обществе выходящих за рамки контролируемых государством экономических отношений между гражданами. Советское государство оказалось не в состоянии окончательно справиться со спекуляцией в послевоенный период. Это означало то, что в советской экономической модели существовали элементы, которые не дополняли, не обогащали планоцентрированную экономику, а способствовали ее постепенному упадку и деградации.

Примечания

¹ РГАЭ. Ф. 7733. Оп. 36. Д. 2273. Л. 109–110.

² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.

³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 872. Л. 93об.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 306. Л. 25–27.

⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 114. Л. 63–65.

⁶ Отдел специальных фондов Информационного центра Главного управления внутренних дел г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области (ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО). Ф. 1. Д. 16. Л. 1; Д. 17. Л. 13; Д. 18. Л. 2; Д. 19. Л. 2.

⁷ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 54.

⁸ ОСФ ИЦ ГУВД СПб и ЛО. Ф. 1. Д. 135. Л. 236.

⁹ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 95. Л. 54.

¹⁰ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 497. Л. 344–347.

¹¹ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98.

¹² ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 54.

¹³ РГАЭ. Ф. 8543. Оп. 12. Д. 281. Л. 109.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 27. Д. 3890. Л. 144.

¹⁵ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 125.

¹⁶ ГА РФ. Ф. 8131. Оп. 37. Д. 2322. Л. 17–25.

¹⁷ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 171. Л. 128.

¹⁸ Москва послевоенная, 1945–1947 гг. М., 2000. С. 476.

¹⁹ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 54.

²⁰ ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 200. Л. 129.

²¹ ГА РФ. Ф. Р-9415. Оп. 5. Д. 98. Л. 54.

²² ГА РФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 199. Л. 344.

²³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 33. Д. 1768. Л. 177–203.

СТАЛИНСКИЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ КАМПАНИИ И ВЫСШАЯ МЕДИЦИНСКАЯ ШКОЛА (1946 – 1953 гг.)

В истории высшей медицинской школы вторая половина 1940-х и начало 1950-х гг. – один из самых драматичных периодов. Идеологический диктат проявлялся повсеместно: на лекциях и практических занятиях, в научно-исследовательской и лечебной работе. Начавшись с постановлений ЦК ВКП(б) 1946 г. о журналах «Звезда» и «Ленинград», о репертуаре драматических театров и кинофильме «Большая жизнь», он усиливался с каждым годом. Сам язык этих постановлений – агрессивный, грубый, ругательный – не оставлял сомнений в намерениях официальных идеологов: пресечь родившиеся после войны надежды научной и творческой интеллигенции на хотя бы малейшую свободу творческой мысли.

Еще не вышли соответствующие министерские приказы, а медицинские институты оперативно отреагировали на постановления. В сентябре 1946 г. повсеместно были проведены заседания Ученых советов и партийные собрания, на которых указывалось, что «вся научная, педагогическая работа должна быть построена в соответствии с теми документами, которые сейчас вышли»¹. Одобрение постановлений прозвучало и на 2-м пленуме Совета по кадрам Минздрава СССР в сентябре 1946 г.².

Старт идеологическим проработкам был дан. Они совпали с набиравшей силу борьбой с «низкопоклонством перед Западом», начавшейся в медицине с «дела Клюевой и Роскина». Материалы его позднее были опубликованы в центральной печати. В предвоенные годы профессора Н.Г. Клюева и Г.И. Роскин создали противораковый препарат «КР» (круцин). Эффективность его вызывала споры специалистов. Рукопись их монографии «Биотерапия злокачественных опухолей» академик-секретарь АМН СССР В.В. Парин по просьбе авторов передал американским ученым во время визита в США в 1946 г. Передал в порядке обмена научной информацией. Сталин, поверивший в целительную силу круцина, счел это выдачей важнейшей государственной тайны. В результате Парин был обвинен в шпионаже и приговорен к 25 годам заключения. Клюева и Роскин, а также министр здравоохранения СССР Г.А. Митерев, освобожденные со своих должностей, предстали перед «судом чести»³.

Первый «суд чести» состоялся в Министерстве здравоохранения СССР. В числе обвинителей были и представители медицинских вузов. Общественное порицание «медиков-космополитов» в присутствии полутора тысяч известных представителей медицинской общественности столицы стало ярким звеном кампании по воспитанию советской интеллигенции в духе преданности социалистическому государству. Закрытое письмо ЦК ВКП(б) о деле профессоров Клюе-

вой и Роскина от 16 июля 1947 г. было направлено в партийные организации высших учебных заведений Министерства здравоохранения СССР и РСФСР для обсуждения на закрытых партийных собраниях⁴.

В Ярославском медицинском институте партийное собрание длилось 5 часов. Принятое постановление призывало «внедрять в научную работу дух партийной непримиримости ко всему реакционному»⁵.

Холодная война набирала силу. Ее следствием стала оторванность советской медицинской науки от зарубежных разработок, замкнутость и изоляция, недоступность новейшей иностранной литературы. А для недобросовестных исследователей, имевших доступ к изданиям под грифом «Для служебного пользования» открывалось широкое поле для плагиата. В соответствии с постановлением политбюро ЦК ВКП(б) от 16 июля 1947 г. было прекращено издание журналов Академии наук СССР на иностранных языках⁶.

В 1948 г. в медицинских институтах была введена учебная дисциплина «История медицины», до этого читавшаяся в некоторых вузах в качестве факультатива. Интересная и, безусловно, важная для становления будущего врача, она излагалась односторонне и необъективно: говорилось о достижениях русских ученых, а открытия и имена западных медиков замалчивались. Разворачивая борьбу с «низкопоклонством», от высшей медицинской школы требовали активной пропаганды советских достижений и критики западной медицины – в каждой лекции, на каждом занятии.

Преступлением, за которое бичевали прилюдно, становилось простое упоминание иностранных авторов. Оно расценивалось как отсутствие патриотизма. Вполне в духе времени зазвучали предложения отказаться от общепринятой медицинской терминологии. На заседании Ученого совета Красноярского медицинского института 1 октября 1947 г. заведующий кафедрой общей хирургии профессор К.П. Маркузе призвал членов совета обсудить вопрос о целесообразности применения некоторых медицинских терминов в иностранной транскрипции и о замене их русскими аналогами⁷. Профессор К.С. Шадурский на партийном собрании Ярославского медицинского института 15 сентября 1947 г. предложил отказаться от цитирования иностранных авторов и ссылаться только на российских и советских. Коллеги его не поддержали⁸. Но сама инициатива К.С. Шадурского, участника войны, прошедшего плен, ставшего впоследствии широко известным ученым и основателем крупной школы фармакологов, вполне объяснима. В институте только что прошли два заседания Ученого совета, посвященных «проступку» заведующего кафедрой нервных болезней профессора Г.Г. Соколянского. В своей статье тот имел неосторожность отметить заслуги иностранных авторов. Вскоре статья подверглась критике в центральной медицинской газете. То, что эти ученые внесли серьезный вклад в изучение и преподавание медицины, бдительных критиков не интересовало. Г.Г. Соколянский был обвинен в том, что «не раскритиковал их и не вскрыл ложность их методологических основ»⁹.

Под запретом оказывались не только статьи, но и учебники. Министр высшего образования СССР С.В. Кафтанов призывал «решительно вытравить из программ, учебников, учебных пособий элементы аполитичности, объективизма, безыдейности, элементы раболепия перед буржуазной наукой»¹⁰.

В январе 1948 г. на совещании директоров медицинских институтов за цитирование иностранных авторов и отсутствие «политической остроты» резкой критике подвергся учебник профессора Д.Л. Рубинштейна «Общая физиология»¹¹. Схожие обвинения были предъявлены его однофамильцу, основателю факультета психологии МГУ профессору С.Л. Рубинштейну за учебник «Основы общей психологии»¹². Вооружившись карандашом и счетами, чутко реагирующие на партийные установки вузовские работники подсчитывали количество иностранных и русских фамилий в научных трудах своих коллег. Если первое преобладало – ярлык «космополита» был обеспечен.

1948 год в медицинских институтах прошел под знаком борьбы за «чистоту мичуринской биологии»¹³. В первые дни августа состоялась сессия ВАСХНИЛ, закончившаяся «разгромом» генетики и торжеством Т.Д. Лысенко и его сторонников. В высшей медицинской школе она дала старт серии «оргмероприятий». Прежде всего – разоблачению «лженауки» перед профессорско-преподавательским составом. По стандартной схеме во всех медицинских институтах на заседаниях Ученых советов прошло обсуждение вопроса «О положении в биологической науке». Жесткой критике подверглись «реакционные» учения Менделя, Моргана, Вейсмана. Специально созданные библиотечные комиссии пересматривали фонд учебной литературы и изымали «вредные» и «реакционные» книги, учебники и учебные пособия¹⁴. Все это прикрывалось «интересами передовой мичуринской биологической науки».

Редко, но все же разгорались споры. 3 сентября 1948 г. состоялось заседание Ученого совета Ивановского медицинского института. С основными докладами выступали заведующий кафедрой биологии профессор Э.Р. Геллер и заведующий кафедрой основ марксизма-ленинизма Д.А. Мишахин. Мнения членов совета о решениях сессии ВАСХНИЛ разделились, постановление принято не было. Через несколько дней в областной газете появилась критическая статья «Смелее разоблачать реакционные учения в биологии и медицине». Заканчивалась она упреком: «Руководству медицинского института пора понять, что без освежающего ветра большевистской критики и самокритики невозможно добиться перестройки всей научно-педагогической работы»¹⁵. Несколько месяцев потом на партийных собраниях института и на страницах газеты «Рабочий край» профессора Э.Р. Геллер, Я.Ф. Бродский, А.Л. Эпштейн обвинялись в «приверженности вейсманизму-морганизму»¹⁶.

Независимо от желания и позиции преподавателей, учебные программы в медицинских вузах, на основании приказа Минздрава СССР № 606 от 7 ноября 1948 г., были пересмотрены «под углом зрения отражения в них передовой био-

логической и медицинской науки». В первую очередь это касалось биологии, анатомии, патологической анатомии, нормальной и патологической физиологии, эпидемиологии. «Агробиология» Т.Д. Лысенко и опубликованный стенографический отчет сессии ВАСХНИЛ были рекомендованы преподавателям для самостоятельного изучения. На кафедрах прошли конференции по вопросам августовской сессии. Псевдонаука вторгалась и в лечебную сферу. Так, в Ярославском едином научном обществе врачей в 1948 г. из 18-ти докладов, заслушанных врачами города на пленарных заседаниях общества, 10 были посвящены мичуринской биологии и ее значению для медицины¹⁷.

В медицинских вузах были сформированы комиссии по проверке перестройки деятельности кафедр биологии, гистологии, нормальной физиологии, патологической физиологии, гигиены, общей терапии, детских болезней в свете решений августовской сессии. Начались поиски тех, кто «не перестроился». Начали увольнять тех, кто «ошибочно трактовал проблемы генетики». Среди уволенных были профессор И.И. Канаев (1-й Ленинградский мединститут), профессор Л.Я. Бляхер (2-й Московский мединститут), профессор В.Л. Рыжков (Московский медицинский институт Минздрава РСФСР), профессор Э.Р. Геллер (Ивановский медицинский институт) и другие. Сотрудники институтов в своей учебной и научной работе обязывались самым решительным образом «выкорчевывать» неугодные научные теории.

Под благовидным предлогом «улучшения содержания учебного процесса» было введено и на протяжении нескольких лет практиковалось стенографирование читаемых на кафедрах лекций с последующим их обсуждением на методических комиссиях. В многочисленных вузовских отчетах отмечалось, что это «серьезно сказалось на качестве лекций, насыщенности содержания, идейной направленности». Минздрав СССР в своих приказах требовал от директоров медицинских вузов все более активно включаться в борьбу с «низкопоклонством», приводить факты русских приоритетов в медицинской науке. В 1949 г. лозунг «выкорчевывания остатков космополитизма из высшей школы» в идейно-воспитательной работе медицинских вузов вышел на первый план¹⁸. Новый импульс «выкорчевыванию» дала статья «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», опубликованная в «Правде» 28 января 1949 г.

С 1948–1949 гг. во всех медицинских институтах стали выпускаться тематические стенные газеты «Историческая правда о русской науке» или «Выдающиеся деятели русской медицины». В них помещались портреты известных русских ученых-медиков, рассказывалось об их жизни, научной и практической деятельности. В каждом выпуске приводились факты, сообщавшиеся в информационных письмах Минздрава СССР или ведущих медицинских и научно-популярных журналах. Факты эти призваны были доказать превосходство отечественной медицинской науки над западной. Так, пенициллин был открыт не А. Флемингом, а В.А. Манассеиным и А.Г. Полотебновым. Инсулин – не Ф. Бан-

тингом, а Л.Ф. Соболевым, за 20 лет до Бантинга. Э. Страсбургер похитил открытия В.И. Беляева и И.Д. Чистякова по митозу и редукционному делению. Основоположник химиотерапии – Д.Л. Романовский, а не П. Эрлих. П.Н. Лашенков, а не А. Флеминг открыл лизозим. Щипцы Кислянда на самом деле – щипцы И.П. Лазаревича. Ангина Пляут-Венсана впервые описана С.П. Боткиным и Симановским. Симптом Блюмберга при остром перитоните задолго до него предложил и широко применил в практике пензенский врач Д.С. Щеткин. Метод лечения переломов костей – остеосинтез при помощи металлического гвоздя – впервые применил профессор Московского университета И.К. Спизарный в 1912 г., а не Кюнчер, предложивший его в 1940 г. Русский психиатр А.А. Корсаков, а не Э. Крепелин и Э. Блейлер впервые описал шизофрению. И т.д., и т.п.

Борьба за отечественные приоритеты зачастую доходила до абсурда. Авторы статей соревновались в поисках имен русских врачей, предвосхитивших открытия иностранцев, а газета «Медицинский работник» пестрела заголовками: «О приоритете русских хирургов», «Ведущая роль русских ученых в развитии маляриологии», «Извращение истории русской науки», «О приоритете русской онкологической школы» и прочими. Далеко не все, что сообщалось студентам, соответствовало истине: некоторые «факты» были недостоверны, другие – по меньшей мере спорны. Кампания эта ничего, кроме вреда, не принесла советской медицине: она привела к искусственной замкнутости и изолированности отечественных медицинских разработок.

Хотя следует признать: при всех «перегибах» в проведении кампании студенты тех лет гораздо лучше, чем сегодня, знали историю отечественной медицины. Ей уделялось большое и вполне заслуженное внимание и в лекциях, и на практических занятиях. Вопросы о деятельности отечественных медиков и достижениях русской медицины неизменно присутствовали в экзаменационных билетах по всем дисциплинам. Портреты выдающихся деятелей отечественной науки украшали практически каждую вузовскую аудиторию. Большими тиражами выходили научные и научно-популярные книги и брошюры о деятелях русской медицинской науки. Молодежь о них знала и по праву гордилась.

Летом 1950 г. состоялась совместная научная сессия Академии наук СССР и Академии медицинских наук СССР, посвященной проблемам «физиологического учения академика И.П. Павлова». В соответствии с ее решениями вновь, как и после сессии ВАСХНИЛ, началась перестройка учебного процесса, переработка планов лекций и учебников. Только теперь – «на основе павловского учения». Медицинским институтам предписывалось отразить в учебном процессе основы физиологии и патологии высшей нервной деятельности; положить в основу научной работы кафедр исследования и направления, предусмотренные сессией АН СССР и АМН СССР.

Академик РАМН М.И. Перельман, в те годы – начинающий ассистент, вспоминал: «В Ярославском медицинском институте... состоялось бурное заседание

Ученого совета, на котором был весь профессорско-преподавательский состав. Закончилось оно поздно вечером и оставило тягостное впечатление. Даже совсем молодые преподаватели понимали разрушительное влияние принятых решений на подготовку будущих врачей и перспективы научной работы. Из Москвы поступали грозные вести об увольнении с работы известных академиков и профессоров. В Ярославле вслед за многочисленными партийными, административными и организационными решениями последовала ревизия научной тематики института. Заведующие кафедрами в основу научной работы должны были положить идеи Павлова и их дальнейшее развитие. Все операции пересечения нервов, в том числе ваготомия, были признаны «антипавловскими», подверглись жесткой критике и, естественно, были прекращены»¹⁹.

На протяжении нескольких лет вопросы перестройки преподавания «на основе павловского учения» не сходили с повестки дня заседаний Ученых советов и партийных собраний. В ряде вузов при дирекции были созданы специальные Павловские комитеты из ведущих ученых, которые координировали работу по перестройке преподавания. Однако практически везде дальше декларативных заявлений и чисто внешней словесной атрибутики дело не шло. Объявленная необходимость внедрения павловского учения в клинику обычно приводила к его профанации и сводилась в основном к лечению сном. Проблемные комиссии вузов формально демонстрировали перестройку научной тематики, изменив лишь формулировку: «Гипертоническая болезнь в свете учения И.П. Павлова», «Этиология, клиника и патогенез язвенной болезни в свете учения И.П. Павлова» и т.п.

Принятые на сессии двух академий решения создали преграду для развития некоторых важнейших разделов физиологии, объявленных «не павловскими». Они разрушительно повлияли на основы научной деятельности, традиции, этику, свободу научного мышления. Ее «оргвыводы» перечеркнули на время научную и служебную карьеру известных ученых – академика Л.А. Орбели, академика И.С. Бериташвили, академик АМН СССР П.К. Анохина, член-корреспондента АМН СССР Н.А. Бернштейна, профессора Д.Н. Насонова, профессора А.Д. Сперанского. Пострадали и кадры высшей медицинской школы. Из 1-го Московского мединститута были уволены заведующий кафедрой нормальной физиологии академик АМН СССР И.П. Разенков и заведующий кафедрой психиатрии профессор М.О. Гуревич, из Ивановского мединститута – заведующий кафедрой нормальной физиологии профессор С.С. Полтырев, из Ленинградского медицинского педиатрического института – заведующий кафедрой физиологии профессор А.Г. Гинецинский. Уволены были и многие другие.

Кульминация идеологических кампаний пришлась на начало 1950-х гг., когда верх на время одержали Т.Д. Лысенко, И.И. Презент, О.Б. Лепешинская и им подобные, а их научные идеи должны были приниматься к обязательному исполнению. Это были годы массовых увольнений и репрессий против медиков.

Тех, кто не отказывался от своих взглядов и упорствовал в отстаивании истины – биологов, генетиков, гистологов, физиологов. Тех, кому навешивали ярлыки «космополитов» и увольняли под этим предлогом.

В 1952 г. из 2-го Московского мединститута был уволен известный ученый, заведующий кафедрой психиатрии профессор В.А. Гиляровский – один из основателей отечественной психиатрии в самых гуманных ее проявлениях. Уволен за то, что возглавляемая им кафедра была «повинна в том, что не только не подняла своевременно голову против реакционных концепций, но к некоторым из них примкнула сама». Сам В.А. Гиляровский был обвинен в «извращении павловского учения», в том, что «примыкал к взглядам психоморфологов и фрейдистов, излагая вопросы наследственности в духе менделевских, мorganовских и вейсмановских теорий»²⁰. Из 1-го Московского мединститута был уволен известный организатор здравоохранения, единственный историк медицины в числе первых академиков АМН СССР И.Д. Страшун, обвиненный в «эстетствующем космополитизме», «буржуазном объективизме», «злонамеренных попытках скрыть передовое значение русской медицины и величие советской медицины», в том, что выступил «в роли ревизиониста ленинизма, в роли апологета реакционной теории беспартийности в науке, ищущего международные связи»²¹. Ранг и прошлые заслуги ученого не помогли. В азарте начавшейся травли не вспомнили, что он – активный участник Гражданской войны, что он успешно работал в Наркомздраве РСФСР на ответственных постах, что в сложное военное время являлся директором 1-го Ленинградского мединститута. Однако в ответ на настойчивые просьбы лишить его звания академика Президиум АМН СССР ответил твердым отказом.

В 1951–1953 гг. повсеместно шло увольнение медиков из вузов и научно-исследовательских институтов «по национальному признаку». Борьба с «космополитами» вскоре приняла ярко выраженную антиеврейскую направленность, хотя открыто об этом не объявлялось. Увольнялись как рядовые ассистенты, так и известнейшие ученые, многие из которых вскоре были причислены к «врачам-убийцам». Провинциальные институты даже при явном недостатке опытных преподавателей и острой нужде в них, крайне неохотно принимали на работу евреев, изыскивая всевозможные поводы для отказа. Когда в декабре 1952 г. в Ярославском медицинском институте был объявлен конкурс на замещение вакантной должности доцента кафедры гистологии, документы к избранию представила доктор медицинских наук, внештатный ассистент 2-го Московского мединститута Н.Г. Фельдман. Конкурсная комиссия, не имея оснований не допустить ее к участию в конкурсе, рекомендовала Ученому совету проголосовать за другую кандидатуру, сославшись на то, что «Н.Г. Фельдман по своей эрудиции и стажу должна занимать более высокую должность заведующего кафедрой, а не доцента»²².

Наибольший разгром профессорско-преподавательских кадров был учинен во 2-м Московском мединституте. Были изгнаны с работы и вскоре арестованы

(большинство – в связи с «делом врачей-убийц») Я.Г. Этингер, Л.С. Штерн, Э.М. Гельштейн, А.М. Геселевич, И.И. Фейгель, А.М. Гринштейн, В.А. Гиляровский, А.Б. Топчан, В.С. Левит, В.Ф. Зеленин, В.Е. Незлин, О.Б. Макаревич, Н.П. Рабинович и другие²³. Первой жертвой стал уволенный еще в 1947/48 уч. г. заведующий кафедрой биологии профессор Л.Я. Бляхер как «не соответствующий занимаемой должности»²⁴.

В 1-м Московском мединституте были арестованы профессора В.Н. Виноградов, В.Х. Василенко, Б.Б. Коган, Б.И. Збарский и другие. Проректор по учебной работе профессор В.В. Кованов вынужден был оправдываться на Ученом совете и за прошедшее чествование «мерзавца» и «диверсанта» – бывшего заведующего терапевтической клиникой № 1 В.Н. Виноградова, незадолго до ареста торжественно отметившего свое 70-летие и 45-летие врачебной деятельности, и за «диверсионную деятельность» профессора кафедры госпитальной терапии Б.Б. Когана, много лет «остававшегося не разоблаченным коллегами»²⁵.

Число арестованных росло с каждым месяцем.

Увольнялись медики и в провинции, хотя не с таким размахом. Поводы к увольнению были стереотипными, механизм тоже не отличался оригинальностью. В вузах создавались утвержденные на партийных бюро комиссии, обследовавшие работу кафедр и клиник, руководимых неугодными профессорами. Комиссии обязательно находили «серьезные недостатки» в их работе. Как правило, это были обвинения в «медлительности перестройки» на основах павловского учения, «морганистических ошибках», «скрытой приверженности вейсмановскому морганизму». Выводы комиссии обсуждались на Ученом совете института или только в парткоме, после чего принималось решение об увольнении²⁶.

Арестам на периферии подвергались, как правило, те, кто так или иначе был связан с Москвой. Так, в Ярославском медицинском институте был арестован профессор А.А. Бусалов, в 1938–1947 гг. возглавлявший Лечебно-санитарное управление Кремля²⁷. В 1948–1953 гг. в Ярославле он заведовал кафедрой общей, а затем госпитальной хирургии. В фонде Ярославского медицинского института, хранящемся в областном архиве, свидетельств об аресте А.А. Бусалова нет. Об этом не упоминается ни в протоколах заседаний Ученого совета – а он являлся его членом, – ни в протоколах заседаний кафедр. Фамилия А.А. Бусалова попросту исчезла из документов в августе 1952 г. Она снова появилась в протоколе Ученого совета от 26 июня 1953 г.²⁸ Единственное документальное свидетельство его ареста – ответ директора В.П. Телкова на анонимное письмо в ГУМУЗ по поводу А.А. Бусалова – «врага народа», которому в институте доверяли ответственные участки работы.

Выгораживать и защищать арестованных было опасно. Человек, занявший такую принципиальную, честную позицию, сразу сам попадал в разряд подозреваемых. Проще было покаяться, признать недостаточную бдительность. В.П. Телков так не поступил. В своем ответе он написал, что, несмотря на арест,

у него нет никаких оснований ставить под сомнение работу профессора А.А. Бу-салова, добросовестно руководившего кафедрой и дважды возглавлявшего Государственную экзаменационную комиссию²⁹.

Нет в фонде Ярославского мединститута и каких-либо свидетельств о реакции коллектива на сообщение об аресте «врачей-убийц».

Говоря о Москве, Я.Л. Рапопорт, автор широко известных воспоминаний о «деле врачей 1953 г.», пишет о стихийных и организованных митингах с требованием самой суровой казни для преступников³⁰. В Ярославле этого не было: ни митингов, ни погромных статей в местных газетах. Но было другое: в мединституте работала министерская комиссия из Москвы, проверявшая кадровый состав вуза. С каждым конфиденциально беседовали не только о работе. Все сотрудники представляли подробные письменные автобиографии, рассказывая о себе, своей семье, о родителях, братьях, сестрах, дальних родственниках, даже давно умерших. Проверку институт выдержал. Новых увольнений не последовало. Но не выдержало сердце директора института Д.П. Телкова, боровшегося за каждого сотрудника. Заведующая кафедрой физики Р.С. Кучмина вспоминала: «Очередь желающих проститься с директором протянулась от кафедры патологической физиологии по лестнице и дальше по коридору до библиотеки. На улице – институтский грузовик с опущенными бортами. Выносят награды. Ордена: Ленина, Боевого Красного Знамени, Отечественной войны 1-й и 2-й степени; польские награды: «Крест храбрых» и «Золотой крест за заслуги»; медали. Выносят множество венков... На полотнищах студенты выносят гроб. Так и несли до конца. А за ними – процессия из студентов, преподавателей, сотрудников института, врачей. Шли через Советскую площадь, Кировскую улицу, улицу Свободы, Угличское шоссе до самого Леонтьевского кладбища. Процессия растянулась на несколько кварталов. Остановился транспорт. Прохожие, удивленные невиданным зрелищем, спрашивали студентов: «Ребята, кого хороните?» Студенты отвечали: «Нашего директора... Полковника, героя войны... Человека с большой буквы... Коммуниста – из настоящих...»³¹

Освобождение арестованных и их последующая реабилитация состоялись в апреле 1953 г., сразу после смерти Сталина. Дело было закрыто, но подозрительность по отношению к врачам-евреям осталась. Профессор Я.Л. Рапопорт вспоминал: «Продолжалась погромная атака на евреев-врачей, даже находившихся на свободе. Особенно неистовствовал «Медицинский работник», страницы которого были заполнены разнузданной клеветой на того или иного врача еврейской национальности, ничем не ограничиваемой в смысле наличия хоть элементов правдоподобия»³². Шлейф подозрительности по поводу «еврейской национальности» еще долго влиял на решение кадровых вопросов в высшей медицинской школе.

Так сталинские идеологические кампании 1946–1953 гг. пагубно сказались на содержании учебных программ по ряду важнейших дисциплин, и, следова-

тельно, на профессиональной подготовке врачей, на научных исследованиях, на кадровой политике в высшей школе, на моральном климате в медицинской научной среде.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 9. Д. 722. Л. 25.

² ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 9. Д. 717. Л. 167–176.

³ См.: Есаков В.Д., Левина Е.С. Сталинские «суды чести»: «Дело КР». М., 2005.

⁴ Сталин и космополитизм: Документы Агитпропа ЦК КПСС, 1945–1954. М., 2005. С. 128.

⁵ ЦДНІЯО. Ф. 4545. Оп. 1. Д. 6. Л. 88.

⁶ Сталин и космополитизм. С. 129.

⁷ ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 9. Д. 774. Л. 35.

⁸ ЦДНІЯО. Ф. 4545. Оп. 1. Д. 6. Л. 85.

⁹ Лобова. Больше идейности в работе Ученых советов // Медицинский работник. 1947. 13 нояб.

¹⁰ Кафтанов С.В. Итоги развития высшей школы и ее задачи // Вестник высшей школы. 1947. № 12. С. 4.

¹¹ ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 9. Д. 805. Л. 118–120.

¹² Колбановский В.Н. За марксистское освещение вопросов психологии // Большевик. 1947. № 17.

¹³ Колчинский Э.И. Диалектизация биологии (дискуссии и репрессии в 20-е – начале 30-х гг.) // Вопросы истории естествознания и техники. 1997. № 1. С. 39–64.

¹⁴ ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 9. Д. 891. Л. 4, 195.

¹⁵ Рабочий край. 1948. 7 сент.

¹⁶ Горбунов Г. Выше знамя мичуринской науки // Рабочий край. 1948. 12 сент.; Ломов В., Байдаров Т. О партийности в науке // Рабочий край. 1948. 24 нояб.; Горбунов Г. На позициях космополитизма // Рабочий край. 1949. 27 марта.

¹⁷ См.: Ерегина Н.Т. Ярославская государственная медицинская академия: страницы истории (1944–2004). Ярославль, 2004. С. 45–46.

¹⁸ Вестник высшей школы. 1949. № 3. С. 1–6.

¹⁹ Перельман М.И. Гражданин доктор. М., 2009. С. 67.

²⁰ ЦАГМ. Ф. 3210. Оп. 1. Д. 277. Л. 13.

²¹ Цит. по: Заблудовский П.Е., Лотова Е.И., Идельчик Х.И. Академик АМН СССР И.Д.Страшун и 1-й ММИ // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М. Сеченова. Т. I. М., 1992. С. 79–81.

²² ГАЯО. Ф. Р-839. Оп. 1. Д. 134. Л. 135.

²³ Костырченко Г.В. Тайная политика Сталина: Власть и антисемитизм. М., 2003. С. 660–662.

²⁴ ГА РФ. Ф. 8009. Оп. 9. Д. 891. Л. 32–33.

²⁵ ЦАГМ. Ф. 726. Оп. 1. Д. 1079. Л. 46–46об.

²⁶ ЦДНІЯО. Ф. 4545. Оп. 1. Д. 10. Л. 74–75.

²⁷ Маслов А.В. Арестованная медицина // Исторический вестник Московской медицинской академии им. И.М.Сеченова. Т. XVIII. М., 2003. С. 88.

²⁸ ГАЯО. Ф. Р-839. Оп. 1. Д. 134. Л. 231.

²⁹ ГАЯО. Ф. Р-839. Оп. 1. Д. 124. Л. 10.

³⁰ Рапопорт Я.Л. На рубеже двух эпох. Дело врачей 1953 года. М., 1988. С. 65–66.

³¹ Кучмина Р.С. Дмитрий Павлович Телков (1905–1955) // 50 лет Великой Победы. Ярославль, 1995. С. 29.

³² Рапопорт Я.Л. Указ. соч. С. 188.

ПРОЕКТЫ ПЕРЕБРОСКИ СЕВЕРНЫХ РЕК: УЧЕНЫЕ КОМИ ПРОТИВ СОВЕТСКОЙ ГИГАНТОМАНИИ

В современной России все громче раздаются голоса, настаивающие на выгоды и пользы переброски вод северных рек в засушливые районы юга страны и в государства Средней Азии. Много говорится о геополитических и экономических выгодах переброски. Негативные же последствия минимизируются и представляются общественности как незначительные. Поэтому важно обратиться к 30-летней истории борьбы ученых Коми филиала АН СССР против переброски северных рек в бассейн Каспийского моря, против одержимых гигантоманией «преобразователей природы». В основу статьи легли доселе не известные документы, сохранившиеся в Научном архиве Коми научного центра.

С начала XX в. экономика южных регионов страны оказалась заложником неравномерного размещения запасов водных ресурсов. Ситуация усугублялась бурным развитием промышленности и сельского хозяйства, ростом плотности населения. В результате во второй половине XX в. Волго-Каспийский регион хронически испытывал нехватку пресных вод.

Как путь решения этой проблемы и возникла идея переброски стока вод северных рек на юг. Идея эта с момента своего рождения импонировала нескольким поколениям советского руководства. Казалось, она позволит пополнить пресные воды юго-востока страны и оросить засушливые районы, а также максимально эффективно использовать ресурсы северных территорий. Были и политические соображения: продемонстрировать всему миру преимущества социализма, способного подчинять силы природы. Тем более что в США в 1950-х гг. рассматривались подобные проекты, но они были отклонены из-за дороговизны и сложности¹. Уверенность в осуществимости проекта поддерживало то, что в стране уже проводились подобные работы: в 1941–1947 гг. было создано Рыбинское водохранилище, в 1955–1957 гг. – Куйбышевское.

В декабре 1945 г. Совнарком СССР поручил нескольким научным учреждениям немедленно заняться научной разработкой Волго-Каспийской проблемы².

Распоряжением Совмина СССР от 12 апреля 1955 г. Управлению проектирования, изысканий и исследования для строительства гидротехнических сооружений «Гидропроект» (с 1957 по 1991 гг. – Всесоюзный проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт «Гидропроект» имени С.Я. Жука министерства энергетики и электрификации СССР) было поручено составить технико-экономический доклад по созданию рациональной «схемы переброски стока северных рек»³. Управление, в свою очередь, привлекло к работе научно-исследовательские институты «Ленгипроречтранс» Министерства рыбного флота РСФСР, «Гипроречтранс» Министерства лесной промышленности СССР, «Гидрорыбпроект» Министерства рыбного хозяйства СССР.

Технико-экономический доклад был подготовлен в 1956 г. В нем было рассмотрено несколько основных вариантов переброски стока северных рек. Первый вариант предполагал транспортировку стока Печоры, Вычегды, Сысолы и Юга, Лузы и Сухоны через Шексну в Рыбинское водохранилище и далее в Волгу посредством каналов и водохранилищ. По второму варианту переброска стока рек Печоры и Вычегды проектировалась через Каму с созданием Камско-Вычегдско-Печорского водохозяйственного комплекса (КВП). Третий вариант – комбинированная переброска через Каму, Сухону и Шексну. Были определены сроки окупаемости капиталовложений в отдельных отраслях: на развитие энергетики предполагалось 2 млрд 360 млн руб. капиталовложений, которые должны были окупиться за полгода; водного транспорта – 540 млн руб. при окупаемости за 3,2 года; лесного хозяйства – 1 млрд 470 млн руб. за 2,7 года. Таким образом, экономический эффект от реализации проекта, по мнению его автора – главного инженера «Гидропроекта», проектировщика и создателя Куйбышевской ГЭС Г.Л. Саруханова – был очевиден⁴.

Проект был отправлен для ознакомления «заинтересованным сторонам». Коми областной комитет КПСС поручил рассмотреть его Коми филиалу АН СССР, единственному академическому учреждению в регионе, который комплексно исследовал проблемы биологии и геологии, экономики и энергетики региона, истории и культуры коми народа. Председатель президиума Коми филиала П.П.Вавилов придавал большое значение проблеме переброски. В планы Отдела энергетики и водного хозяйства срочно включили тему «Гидрологические условия зоны затопления КВП».

Сотрудники Отдела энергетики и водного хозяйства отправились в экспедиции на предполагаемые территории затопления. На месте они выявили немало крупных фактических ошибок проекта. В 1956 г. они составили докладную записку, в которой отразили позицию Коми филиала АН СССР по вопросам развития лесной, нефтегазовой и угольной промышленности, энергетики и энергетических производств, рыбного промысла и сельского хозяйства Коми АССР в связи с переброской стока северных рек. Ученые указали на то, что в проекте остались не проработанными многие вопросы. Так, в зону затопления попадали около 90 млн кубометров запасов древесины и предприятия по ее переработке. Это потребовало бы увеличения объемов лесозаготовок в 3,5 раза, а также создания новых путей транспортировки древесины и строительства новых предприятий. К тому же создание искусственных водохранилищ угрожало затоплением наиболее плодородных земель республики, а животноводству – немалыми потерями. Впрочем, ученые еще признавали общее положительное влияние переброски стока северных рек на развитие промышленности, транспорта и энергетики страны в случае, если проектировщики исправят допущенные ошибки⁵.

Эта докладная записка помогла Коми филиалу АН СССР вынести вопрос о переброске стока северных рек на научное обсуждение. В 1960 г. на объединенной сессии Уральского филиала АН СССР и Совета народного хозяйства Перм-

ского экономического административного района по изучению производительных сил был представлен совместный доклад ученых из Коми филиала АН СССР экономистов Д.С. Тона и В.А. Витязевой, и энергетика А.Ф. Ануфриева. В нем доказывалось, что успешное развитие производительных сил Коми экономического административного района непосредственно не зависит от «схемы переброски» и может быть обеспечено другими, более экономичными путями⁶

Работу, проделанную учеными Коми филиала АН СССР, «Гидропроект» предпочел не заметить. В 1960 г., на основе технико-экономического доклада 1956 г., его сотрудниками был составлен новый, схематический, проект переброски стока северных рек. Он предполагал организацию на территории Коми АССР Вычегодско-Печорского водохранилища площадью 15 900 кв. км. Под затопление попадали 138 населенных пунктов⁷.

Коми филиал АН СССР направил письмо Ученому секретарю Совета по проблемам водного хозяйства АН СССР Г.Д. Рождественскому. В нем были изложены основные результаты работ, проведенные энергетиками филиала по проблеме переброски⁸. Однако сотрудники «Гидропроекта» не прислушались к позиции ученых из Коми АССР. Защита и утверждение их схематического проекта на Техническом совете Министерства строительства электростанций СССР прошла 24 января 1961 г. без участия представителей Коми АССР.

В ответ на это 27 января 1961 г. в Сыктывкаре было проведено совместное совещание работников Совета народного хозяйства Коми экономического административного района, заинтересованных министерств Коми АССР, Коми филиала АН СССР и «КомигипроНИИлеспрома». Совещание приняло решение изучить схематический проект по переброске, разработанный «Гидропроект», и представить свои соображения и замечания инженерам Гидропроекта, чтобы их учли на дальнейших стадиях проектирования⁹.

Это совещание и его решение стало первой победой ученых Коми филиала АН СССР: директивные органы республики встали на их сторону.

Анализом схематического проекта 1960 г. занимались специалисты Коми филиала АН СССР, Коми Совнархоза, Министерства сельского хозяйства, Госплана Коми АССР и «КомигипроНИИлеспрома». Исследования, проводившиеся в Коми филиале АН СССР в соответствии с программой работ по перераспределению стока, велись по двум направлениям. Первое – изменение природных условий на территории Коми АССР при переброске части стока Печоры на юг. Второе – влияние переброски стока Печоры на народное хозяйство Коми АССР¹⁰. Ученые филиала Л.А. Братцев, Витязева, Н.А. Лазарев, К.А. Моисеев и М.В. Фишман сделали 84 замечания к проекту и пришли к выводу, что в нем односторонне показано положительное влияние Камско-Вычегодско-Печорского комплекса. В тоже время были занижены размеры капиталовложений (в ряде случаев – в 6,5 раз) и сроки окупаемости. Соответственно завышен расчетный народнохозяйственный эффект. Не показано негативное влияние переброски на сельское и лесное хозяйство, нефтегазовую промышленность, рыбное хозяйство и климат. В ряде

случаев допущено произвольное упрощение сложных природных условий и процессов, которые требуют дополнительного исследования. Кроме того, ученые рекомендовали пересмотреть проект в стадии проектного задания, с последующим расширением и доработкой. Основное направление доработки схематического проекта должно было состоять в «отыскании варианта переброски стока рек Печоры и Вычегды в бассейн Волги действительно оптимального с общегосударственной точки зрения. Этот вариант должен обеспечивать переброску заданного объема стока, но с меньшим нормативно-подпорным горизонтом водохранилищ, с более высоким полезным их объемом и с меньшей площадью затопления и подтопления»¹¹.

Замечания были представлены в Коми обком КПСС, Совет Министров Коми АССР, Совет народного хозяйства Коми экономического административного района, Госплан Коми АССР и Совет по проблемам водного хозяйства АН СССР. Органы власти и управления внимательно отнеслись к предложениям Коми филиала АН СССР. На заседании Технико-экономического совета Коми Совнархоза 29 марта 1961 г. с докладом выступил главный инженер «Гидропроекта» Г.Л. Саруханов. Члены совета отметили, что при большом народнохозяйственном значении КВП разработчиками «Гидропроекта» были допущены просчеты, касающиеся Коми АССР, которые необходимо учесть и устранить в дальнейших проектных решениях¹².

С целью создания дополнительных экономических преимуществ и выгод для Коми АССР, «Гидропроект» в 1961 г. составил новый технико-экономический доклад. В нем была обоснована целесообразность строительства целого каскада ГЭС на Печоре и ее притоках¹³.

Заведующий Отделом энергетики и водного хозяйства Коми филиала АН СССР Я.А. Супруга, заведующая Отделом экономики В.А. Витязева, руководитель водохозяйственной группы Отдела энергетики и народного хозяйства Л.А. Братцев подготовили в марте 1962 г. заключение по технико-экономическому докладу «Гидропроекта» 1961 г. Они отметили, что в докладе нарушен принцип комплексности, который является обязательным во всех областях проектирования, особенно там, где затрагиваются интересы сразу нескольких отраслей народного хозяйства. А именно: наиболее полно, по сравнению с остальными разделами, раскрыты вопросы энергетики и водного транспорта. Проведя перерасчет, ученые установили ошибочность и приблизительность многих данных, вследствие чего выявили занижение затрат. В итоге авторы заключения предложили альтернативный вариант решения вопросов энергетики для Коми АССР. В частности, преимущественного использования тепловых электростанций, работающих на высокозольном угле интинского месторождения, мало рентабельном для транспортировки¹⁴.

Таким образом, в начале 1960-х гг. Коми филиал АН СССР добился изменения своей роли в разработке проекта переброски стока северных рек. Если в предыдущие пять лет он давал лишь экспертную оценку, которая носила реко-

мендательный характер, то теперь он занялся самостоятельными исследованиями многообразных проблем переброски.

В 1963 г. сотрудники Коми филиала АН СССР приступили к изучению темы «Проблемы развития народного хозяйства Коми АССР в связи с переброской части стока северных рек Печоры и Вычегды в бассейн реки Волги». Руководителями темы были назначены заместитель председателя президиума (с 1966 г. – председатель президиума) Коми филиала АН СССР В.П. Подоплелов, заведующая Отделом экономики В.А. Витязева и руководитель Отдела энергетики и водного хозяйства Л.А. Братцев¹⁵.

Изучение велось по четырем основным направлениям.

По первому – развитие сельского хозяйства Коми АССР в связи с переброской части стока северных рек – было установлено: нормативы и затраты на компенсацию сельскохозяйственных угодий, приведенные Г.Л. Сарухановым, – 6,241 млн руб. – занижены. По расчетам же Коми филиала АН СССР, затраты могли составить 75,9 млн руб. Вдобавок могли появиться диспропорции в развитии сельского хозяйства региона¹⁶.

Вторым направлением было изучение развития лесной промышленности Коми АССР. Ученые пришли к выводу, что сооружение Камско-Вычегодско-Печорского водохозяйственного комплекса не окажет существенного влияния на общий объем лесозаготовок республики. Ибо из-за сильной заболоченности лесов и малой концентрации запасов высококачественной древесины удлинится срок окупаемости капиталовложений и снизится эффективность лесозаготовительной промышленности в зоне затопления¹⁷.

Третьим направлением была экономическая оценка эффекта для нефтегазовой и угольной промышленности Коми АССР. В разработках «Гидропроекта» не было экономической оценки эффекта от затопления нефтегазовых месторождений Коми АССР. Ученые Коми филиала АН СССР подсчитали, что ущерб от создания Камско-Вычегодско-Печорского водохозяйственного комплекса для нефтегазовой промышленности составит 1 174,2 млн руб., что в два раза больше стоимости сооружения самого комплекса¹⁸.

Развитие транспорта и экономических связей Коми АССР было четвертым направлением. Ученые отметили большое влияние комплекса на все виды транспорта, хотя подчеркивали необходимость дополнительных капиталовложений для реализации проекта¹⁹.

Ученые Коми филиала АН СССР доказательно продемонстрировали отрицательное влияние организации Камско-Вычегодско-Печорского водохозяйственного комплекса на некоторые отрасли Коми экономического района. Они показали, что специалисты «Гидропроекта» недооценили общегосударственное народнохозяйственное значение Коми экономического региона. Их выводы, по сути, стали требованием использовать комплексные методы исследования для получения полной и достоверной картины реализации проекта.

В итоге Всесоюзный проектно-изыскательский и научно-исследовательский институт «Гидропроект» уже не мог игнорировать сложность и дискуссионность проблемы.

Впервые открытое обсуждение переброски северных рек и ее влияния на народное хозяйство Коми АССР состоялось 25 сентября 1964 г. на заседании Плановой комиссии Северо-Западного экономического района в Ленинграде. В заседании принимали участие представители нескольких НИИ: «Гидропроекта», Северного отделения Полярного научно-исследовательского института морского рыбного хозяйства и океанографии «ПИНРО», «Главсеврыбвода», «Главсевзапрыбвода». Участники совещания заняли позицию, близкую к позиции Коми филиала АН СССР. Они согласились с тем, что проект переброски стока рек имеет большое значение в союзном масштабе и должен быть продолжен, однако признали, что необходимо подсчитать наносимый ущерб и принять меры к его сокращению. «Гидропроекту» предложили провести уточненные расчеты и определить, какие нефтегазовые месторождения попадают в зону затопления, подсчитать упущенную прибыль, связанную с невозможностью разрабатывать затопленные месторождения. Коми филиалу АН СССР поручили и дальше вести научно-исследовательские работы по проблеме переброски. Наконец, решили расширить круг организаций, занимающихся этой проблемой²⁰.

В 1967 г. при участии и под редакцией В.П. Подоплелова, Л.А. Братцева и В.А. Витязевой был издан коллективный труд ученых Коми филиала АН СССР «О влиянии переброски стока северных рек в бассейн Каспия на народное хозяйство Коми АССР»²¹. В противовес проектам, разработанным институтом «Гидропроект», авторы доказали важность комплексного подхода к проблеме переброски, с учетом не только прямых последствий (объем капиталовложений, сроки их окупаемости), и технических вопросов создания гидросооружений. Они обратили внимание на изменение ареала обитания многих редких видов животных и рыб, уничтожение уникальных биоценозов Европейского Севера, кардинальное изменение хозяйственной деятельности населения республики, сворачивание целых отраслей промышленности, развитых в республике.

Книга вызвала широкий резонанс среди специалистов. В.А. Витязева вспоминала, что «Москва была против инициатив ученых», поскольку они доказали неоднозначность переброски как с точки зрения экономики, так и с точки зрения экологии. Книга была награждена дипломом Всесоюзного географического общества. Переведенная на английский язык, она во многих странах стала учебным пособием по экологии.

Авторы и научные редакторы книги не знали – а если знали, то не могли написать, – что создавать каналы, по которым должна была пойти северная вода планировалось с помощью ядерных взрывов. Только в постсоветское время была приподнята завеса тайны. 23 марта 1971 г. на проектируемой трассе Печоро-Колвинского канала в Пермской области в 100 км северо-западнее города Крас-

новишерска были взорваны три ядерных заряда суммарной мощностью 45 килотонн (что в три раза превышает мощность бомбы, сброшенной на Хиросиму), закопанных на расстоянии 162–167 м друг от друга на глубине 127 м. В результате взрыва образовался канал длиной 700 м, шириной 340 м и глубиной от 10 до 15 м с устойчивыми бортами с углом откоса 8–10°²². Следы этих взрывов до сих пор можно обнаружить в виде радиоактивного озера в Пермской области.

Были ли эти взрывы началом работ по переброски рек? Или только черновым испытанием? Кто принял решение об их осуществлении? На эти вопросы точных ответов нет. Работы прекратились, вероятно, потому, что в СССР уже развернулась открытая дискуссия по поводу переброски северных рек. В ней участвовали самые популярные газеты, к ней подключились известные ученые разных специальностей, литераторы. В условиях обострения экологических бед страны общественное мнение быстро склонялось к отвержению проекта.

В изменившихся условиях «Гидропроект» был вынужден внимательнее относиться к особенностям природы и роли народного хозяйства Коми АССР. Для этого ему требовалось тесно сотрудничать с Коми филиалом АН СССР, от чего «Гидропроект» прежде уклонялся.

Основным условием сокращения негативного влияния переброски северных рек на природу и народное хозяйство Коми АССР было уменьшение площади затопления. Ради этого «Гидропроект» пришлось отказаться от самотечного принципа переброски стока и разработать более прогрессивный способ – перекачку воды насосами. Однако, по данным ученых Коми филиала АН СССР, при реализации и такого варианта был бы нанесен значительный ущерб экономике республики. Во-первых, рыбному хозяйству: было бы утрачено 70 % нерестилищ семги, сига, нельмы. Во-вторых, под затопление попала бы огромная площадь лесов (около 5,5 тыс. кв. км). В-третьих, была бы затоплена территория, перспективная с точки зрения добычи нефти и газа: с запасом около 170 млн т. условного топлива. Наконец, произошли бы серьезные изменения климата региона²³.

Отклонив этот вариант «Гидропроекта», ученые Коми филиала АН СССР, выступили в новой для себя роли: они предложили собственный вариант переброски. Его достоинством было сокращение ущерба, который был бы нанесен экологии и хозяйству республики.

В 1973 г. в Отделе энергетики и водного хозяйства Коми филиала АН СССР на основе ранних разработок «Гидропроекта» была рассмотрена возможность переброски воды в Каму из горных притоков и верховий Печоры. Такой вариант в корне отличался от всех выдвигаемых ранее: они предусматривали превращение Печоры в «антиреку» на всем ее протяжении. Для компенсации объемов перебрасываемой воды было предложено перебросить часть стока Оби посредством водохранилища на горных притоках Печоры и каналов, по которым вода самотеком попадала бы в Каму. Для осуществления проекта необходимо было перебросить воду через перевал высотой 500 м или пробить тоннель на высоте

220–300 м длиной 40 м и 23 м. Однако и этот проект тоже был отклонен, так как главным его недостатком являлась высокая стоимость строительства²⁴.

В 1983 г. в Коми филиале АН СССР произошла смена руководства. Председателем Президиума стал академик М.П. Роцевский, уже обладавший большим авторитетом в академической науке. Ему удалось привлечь на свою сторону президента Академии наук СССР А.П. Александрова, который прежде был активным сторонником переброски, но под давлением аргументов стал ее противником²⁵.

М.П. Роцевский решительно изменил позицию Коми филиала в отношении к переброске стока рек. Если прежде ученые не оспаривали важность данного проекта и выступали лишь за минимизацию потерь для Коми АССР, то теперь был поставлен вопрос о нецелесообразности проведения таких работ в принципе. Учеными Коми филиала АН СССР была подготовлена докладная записка в Политбюро ЦК КПСС «О влиянии переброски части стока реки Печоры в бассейн р. Волги на природу и народное хозяйство Коми АССР». Как и в предыдущих материалах Коми филиала АН СССР, в ней отмечалось негативное влияние на народное хозяйство республики. Но упор был сделан на новые, куда более пессимистичные, выводы. Во-первых, переброска приведет к необратимым нарушениям природных экосистем на Севере и к значительным потерям воспроизводимых биологических ресурсов. Во-вторых, гидротехнические сооружения и водохранилища будут построены в зоне активных неотектонических движений, недоучет которых может привести к аварийной обстановке на объектах переброски²⁶.

Таким образом, споры о переброске рек перешли из научной в политическую сферу, то есть туда, где и возник этот вопрос.

Точку в споре ученых и проектировщиков поставила «перестройка». Нарастающий кризис советской экономики вынуждал правительство отказываться от дорогостоящих проектов. Включая и проект переброски северных рек. 20 августа 1986 г. было опубликовано постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР: «Исходя из необходимости дополнительного изучения экологических и экономических аспектов проблемы переброски и в целях концентрации финансовых и материальных ресурсов на выполнении работ по повышению эффективности использования водных ресурсов и имеющихся мелиорированных земель, признали целесообразным прекратить проведение проектных и подготовительных работ по переброске стока северных и сибирских рек»²⁷.

Таким образом, работа над проблемой переброски стока рек стала для ученых Коми филиала АН СССР первой из ряда важнейших научных проблем, которых им пришлось решить. От позиции ученых зависело будущее республики. Благодаря научной добросовестности и принципиальности ученых Коми филиала АН СССР, их способности последовательно и аргументировано бороться за каждую цифру проекта, за каждый гектар земли, Россия избежала экологичес-

кой трагедии. Сегодня, когда все чаще слышны голоса о возобновлении исследований по переброске, ученые Сибирского отделения РАН, не обращая внимания на ангажированность идеи, предлагают рассматривать вопрос комплексно и учетом всех возможных последствий. А это в свою очередь означает, что борьба ученых Коми филиала не была напрасной и их опыт, возможно, еще будет использован.

Примечания

¹ Львович М.И., Коронкевич Н.И., Кесь А.С. Оценка вероятных изменений природных условий в районах изъятия, транспортирования и распределения стока // Влияние переброски стока на природные условия. М., 1982. С. 6.

² Орлов Б.П. Проблема Каспия // Наука и жизнь. 1957. № 4. С. 15.

³ Научный архив Коми научного центра Уральского отделения Российской академии наук Ф. 1. Оп. 8. Д. 231. Д. 184.

⁴ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1 Оп. 8. Д. 229. Л. 35.

⁵ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 191. Л. 12, 22, 39.

⁶ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 792. Л. 8.

⁷ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 8. Д. 229. Л. 13.

⁸ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 792. Л. 2-3.

⁹ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 628. Л. 2.

¹⁰ Братцев А.П., Забоева И.В., Подоплелов В.П. Прогноз влияния переброски стока р. Печоры в бассейн р. Волги на природу и народное хозяйство Коми АССР // Влияние переброски стока северных рек на природную среду. Сыктывкар, 1979. С. 56.

¹¹ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 628. Л. 46–48.

¹² Обсуждение проекта переброски стока северных рек Печоры и Вычегды в бассейн Каспия // Известия Коми филиала географического общества СССР. Сыктывкар, 1962. Вып. 7. С. 132.

¹³ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 680.

¹⁴ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 736.

¹⁵ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 327. Л. 5.

¹⁶ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 317. Л. 139.

¹⁷ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 313. Л. 86.

¹⁸ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 376. Л. 37.

¹⁹ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 386. Л. 31.

²⁰ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 827а. Л. 14.

²¹ О влиянии переброски стока северных рек в бассейн Каспия на народное хозяйство Коми АССР. Л., 1967. С. 207.

²² Мирные ядерные взрывы в СССР (<http://ekimoff.ru/178>).

²³ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 559. Л. 144.

²⁴ НА Коми НЦ УрО РАН. Ф. 1. Оп. 9. Д. 559. Л. 170.

²⁵ Роцевский М.П. Избранные статьи и выступления. Сыктывкар, 2003. С. 125.

²⁶ Морозов Иван Павлович в воспоминаниях и документах. Сыктывкар, 1999. С. 24, 141.

²⁷ КПСС в резолюциях... Т. 15. М., 1989. С. 315–316.

СООБЩЕНИЯ

В.Е. Борисов

«ЧТОБЫ ПЕРЕСТАЛИ МАТЕРНОЮ БРАНЬЮ БРАНИТЦА»: ВИДЕНИЯ В СЛОБОДАХ ВЕРХОТУРСКОГО УЕЗДА 1688 г.

События, описанные ниже, могут показаться малозначимыми. Но их изучение позволяет расширить наши представления о духовной жизни за Уралом накануне эпохи преобразований.

В июне 1688 г. верхотурскому воеводе Григорию Филимоновичу Нарышкину поступила отписка приказчика Белослудской слободы о видении у 12-летнего крестьянского сына Павла Порадеева: «Был де он, Пашко, в Скородумской деревни у белослудцкого крестьянина у Обращки Бояркина на пашне. И он, Пашко, на поле уснул <...> И пришла к нему, Пашке, [дев]ица во светлой белой одеже» и велела ему, «чтоб он, Пашко, сказал в мире, чтобы перестали матерною бранью бранитца. А буде не перестанут матерною бранью бранитца, и будет де на весь мир от Господа Бога гнев Божий и огненная туча, и камень, и град с небес»¹.

Похожие отписки поступили воеводе из Ирбитской, Тагильской, Камышловской слобод. Их следствием стала посылка воеводой памяти, предписывавшей приказчикам «учинить людям заказ, чтоб никто матерны не бранились». Ослушников предписывалось не только бить батогами, как это предполагала предшествующая память², но и штрафовать на значительную сумму – рубль. Через год, в июне 1689 г., воевода издал память, отменяющую штрафы и битье, поскольку «на Верхотурье в приказную избу от вас из слобод тех пенных денег в посылке ничего не объявилось. А ныне в судной избе околничему и воеводе Григорью Филимоновичу Нарышкину да дьяку Осипу Иванову ведомо учинилось, что вы, прикащики, те денги с крестьян и со всяких чинов людей по се число збираете и теми денгами корыстуетесь, а в казну великих государей на Верхотуре не присылаете. И оттого ныне во всех слободах крестьяне разоряютца»³.

По этой-то итоговой памяти и восстанавливается цепочка событий. Ни отписки из слобод (исключая процитированную), ни память с предписанием взимать штрафы пока не найдены.

Екатеринбургский историк Е.В. Вершинин высказал мнение, что «явления», произошедшие одновременно в удаленных друг от друга слободах Верхотурского уезда, вряд ли могли возникнуть спонтанно. К тому же в 1691 г. из Краснопольской слободы поступила еще одна отписка, к которой прилагалась сказка о

видении, бывшем 12-летней крестьянской дочери Марфе Галактионове. И содержательно, и некоторыми деталями сообщения о видениях очень похожи. В обоих случаях Богородица является 12-летнему подростку, уснувшему в поле. Предписывает передать одно: всем прекратить матерную брань. Грозит похожим «набором» кар: «А буде не перестанут матерною бранью бранитца, и будет де на весь мир от Господа Бога гнев Божий и огненная туча, и камение, и град с небес» (Белослудская слобода, 1688 г.) – «А как де с сего православные крестьяне бранитися не уймутца, и будет де на них с небес туча огненная, камение горяще и лед» (Краснопольская слобода, 1691 г.).

Напрашивается мысль, что видения 1688 г. и 1691 г. были кем-то организованы. Е.В. Вершинин (к его мнению присоединился А.Т. Шашков) высказал предположение, что такими организаторами выступили слободские приказчики. Воевода, на первых порах решивший, что нашел поистине неиссякаемый источник доходов, столкнулся с тем, что денег к нему не поступает и проконтролировать приказчиков, в карманах которых оседали штрафы, он не может. В результате он превратился в крестьянского «радетеля» и отменил свою память 1688 г.⁴

Мысль эта вполне естественна. Тем более что верхотурские дети боярские, сменявшие друг друга в слободских судных избах, были немногочисленны и, несомненно, хорошо знакомы друг с другом. Однако не вполне понятны мотивы, которыми они могли руководствоваться. В видениях нет ни слова о том, что матерщинников надо «наказывать рублем», а предугадать, что воевода попытается опереться на авторитет Богородицы для получения новой статьи доходов, приказчики вряд ли могли. Нет оснований не доверять утверждению воеводы о том, что «приказные» использовали запрет на матерную брань в качестве повода «покорыстоваться».

Представляется, однако, сомнительным, чтобы они испытывали настолько сильную потребность в этом поводе, чтобы «организовывать» видения. Возможностей для злоупотреблений и так было достаточно (винокурение, поправки в несении повинностей за взятки, деньги за возможность не участвовать в общественных работах в страдную пору и т.д.⁵). Зачастую и вовсе обходились без формальных поводов. Так, в 1698 г. ирбитский крестьянин Дементий Ваган жаловался в Сибирском приказе на злоупотребления приказчиков, указав на то, что из-за их «налогов и изгонь» бежали многие крестьяне. К челобитной прилагался список бежавших с момента переписи писца Льва Поскочина (1680 г.). Результатом жалобы стал указ провести сыск среди крестьян о том, правда ли, что перечисленные крестьяне бежали от «нападков» слободских управленцев. Проведенный опрос жителей Ирбитской слободы и относящихся к ней деревень показал, что в список включено много тех, кто умер, сбежал «от своей скудости» или «до писца Льва Поскочина», однако 17 человек бежало действительно потому, что у них «нападком» (и, насколько можно судить, без всякого формального повода) отобрали скот или деньги. Кстати, еще одним способом обогащения приказчи-

ков была продажа двора и имущества беглых (ушедших как от притеснений, так и «от скудости»)»⁶.

К тому же, для контроля над новым источником поступлений воевода имел все же некоторые средства. Среди них – «роспрос» крестьян после истечения срока полномочий приказчика. Слободским же приказчикам, коль скоро они были заинтересованы в сохранении доходов от борьбы со сквернословием, было бы гораздо разумнее часть собранных денег все же отправлять в казну.

Впрочем, вопреки утверждению воеводы, некоторые деньги в казну все-таки поступили. Удалось обнаружить отписку Белослудского приказчика Василия Протопопова, в которой помимо сообщения о высылке таможенного целовальника с книгами и деньгами говорится об отсылке двух рублей «заповедных» денег за матерную брань с Ивана Буланова и Максима Порадеева. Датирована она 18 сентября 1688 г.⁷

Так или иначе, факт остается фактом: в ряде удаленных друг от друга слобод практически одновременно случилась череда видений, весьма близких по форме и содержанию. Значительное сходство формы и содержания в принципе характерно для такого рода видений⁸, однако в данном случае имеет место близость большая, чем чисто жанровая. Видимо, стоит учесть то обстоятельство (отмеченное Е.В. Вершининым), что матерные слова рассматривались Русской православной церковью не просто как оскорбительные, но «бесовские». И в XVII в. она стремилась их искоренить, как и скomorошество, колдовство, календарные обряды⁹. В документах, сохранившихся в фондах Сибирского приказа и приказных изб священнослужители (если это не крупные иерархи) редко выступают в роли активных действующих лиц. Возможно, поэтому екатеринбургский историк отказался от напрашивающегося объяснения событий как эпизода борьбы со сквернословием, за очищение нравов. Однако если отрешиться от взгляда на священство как на придаток администрации (обусловленного, главным образом, характером используемых источников), появляется возможность дать более стройную интерпретацию событий.

Митрополит Павел (1678–1692) в числе прочего вел борьбу против церковных «нестроений»¹⁰. По-видимому, в перечень «нестроений», помимо «двоегласия»¹¹, пьянства священников, святочных игрищ среди прихожан и т.д., вошла и матерная брань. Публичное зачитывание в церквах архиерейских посланий (или направленных для распространения по епархии памятей из Москвы) было обычным делом. Так, память сибирскому архиепископу Симеону от 1653 г. содержала предписание строго запретить людям работать и торговать по воскресеньям, а также отстать от всяких богопротивных дел, в числе которых упоминается матерная брань. И дано прямое указание: она должна быть публично зачитана в церквах¹². На часть населения (особенно детей) послания, распространяемые при митрополите Павле, по-видимому, производили глубокое впечатление. А это и вызвало к жизни видения среди крестьян разных слобод.

Аргументом в пользу высказанного предположения является и сходство между «карами», которыми Богородица грозит ослушникам в 1688 и 1691 гг. Трехчленная формула «огненная туча – камень – град» отсутствует в Библии и в известных памятниках православия. Так, в «Повести святых отец о пользе душевной всем православным христианом», содержащей обширное поучение против матерной брани, «божьих кары» (в тех списках, в которых они перечислены) описаны совсем в других выражениях: «казни мор, кровопролитие, в воде потопление, многие беды и напасти, болезни и скорби»¹³. Близкое описание «кары» есть в другом памятнике низового православия – «Двинском видении» (1611–1614 гг.): «Господь Бог спустит с небесе тучю з дождем и з градом и с камнем горящим»¹⁴. Однако памятник этот дошел до нас в единственном, практически не обработанном в книжном ключе списке, и непосредственное знакомство с ним в Верхотурском уезде крайне маловероятно.

Следовательно, эти образы должны были быть привнесены извне, из архиерейских посланий.

В памяти архиепископу Симеону 1653 г. указывается, что за «непокорство» Бог посылает «великие и страшные казни: глад и моры и от поганых нашествие и... и пожары и междуусобные брани и всякие пагубы»¹⁵. Послания второй половины 1680-х гг., видимо, тоже содержали угрозу наказания свыше, но уже в форме триады «огненная туча – камень – град».

Такое объяснение видений косвенно подтверждает воеводская память 1687 г. о присылке на Верхотурье всех нарушающих запрет курения («питья») и продажи табака и наказания батогом тех, кто матерно ругается¹⁶. Скорее всего, ее инициатором были церковные власти. Во всяком случае, напрашивается аналогия: другая верхотурская память, предписывающая ирбитскому приказчику объявить людям, чтобы они прекратили использовать колдовство и гадания под угрозой сожжения в срубе (30 сентября 1654 г.)¹⁷, явно обязана своим происхождением жалобам тобольского архиепископа Симеона на распространение колдовских писем, «икотных порч» и участие ведунов в свадебных обрядах (получена Сибирском приказом 6 января 1654 г.)¹⁸.

Таким образом, деятельность митрополита Павла была хотя и не слишком успешной в целом, но не безрезультатной. Если привести прихожан к безупречному поведению и отказу от поступков, не одобряемых церковью, Тобольскому архиерейскому дому было не под силу, то на часть населения, на самых набожных, проповедь произвела глубокое впечатление. Едва ли следует этому удивляться: матерная брань являлась объектом непосредственного осуждения, по крайней мере, со времен митрополита Петра (XIV в.)¹⁹, так что к концу XVII в. мнение о греховности матерщины, скорее всего, уже укоренилось в народном сознании.

Примечания

¹ Ромодановская Е.К. Рассказы Сибирских крестьян о видениях // *Она же*. Сибирь и литература. XVII в. Новосибирск, 2002. С. 292; См. также: *Шапков А.Т.* Тайнозритель: Урало-Сибирские видения XVII–XVIII вв. // *Родина*. 2002. № 2. С. 101.

² РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 87. Л. 45.

³ *Вершинин Е.В.* Воеводское управление Западной Сибирью (XVII в.). Екатеринбург, 1998. С. 108. РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 61. Ч. 2. Л. 125.

⁴ *Вершинин Е.В.* Указ. соч. С. 108–110; *Шапков А.Т.* Указ. соч. С. 101.

⁵ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 312. Ч. 1. Л. 3–4, 20–23 и далее; Д. 78/2. Л. 79.

⁶ РГАДА. Ф. 1111. Д. 68. Ч. 3 Л. 1–137 (Черновик); Ф. 214. Ст. 1282. Л. 1–6 и далее. Некоторые сведения об этом сыске опубликованы в: *Шунков В.И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII // *Шунков В.И.* Вопросы аграрной истории. М., 1972. С. 185–187.

⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 358. Л. 96.

⁸ См.: *Борисов В.Е.* Народные видения в делопроизводственных источниках XVII–XVIII вв.: между фольклором и книжностью // *Вестник РГГУ. Серия «Фольклористика»*. 2009. № 9. С. 169–176.

⁹ *Успенский Б.А.* Мифологический аспект русской экспрессивной фразеологии // *Успенский Б.А.* Избранные труды. Т. II. М., 1996. С. 73–78.

¹⁰ *Срезневский В.С.* Павел I-ый, митрополит Тобольский // *Русский биографический словарь*. Т. 13. СПб., 1902. С. 75–77.

¹¹ Двогласие – одновременное исполнение песнопений из разных частей богослужения с целью сокращения продолжительности службы.

¹² РГАДА. Ф. 214. Ст. 400. Л. 1–7.

¹³ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 83–84.

¹⁴ *Срезневский В.И.* Отчет о поездке в Вологодскую губернию (май–июнь 1901 г.). СПб, 1903. С. 89.

¹⁵ РГАДА. Ф. 214. Ст. 400. Л. 7.

¹⁶ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 1. Д. 87. Л. 45.

¹⁷ РГАДА. Ф. 1111. Оп. 2. Д. 756. Л. 51–52.

¹⁸ *История Сибири: Первоисточники*. Вып. X. Литературные памятники Тобольского архиерейского дома XVII века. Новосибирск, 2001. С. 302–303, 407–408.

¹⁹ *Успенский Б.А.* Указ. соч. С. 76–78.

М.В. Каиль

УПРАВЛЕНИЕ СМОЛЕНСКОЙ ЕПАРХИЕЙ ВО ВРЕМЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ*

Управление Смоленской епархией в 1918–1921 гг. осуществлял Смоленский епархиальный совет, заменивший консисторию. Ответ на вопрос, почему потребовался «демонтаж» проверенной временем структуры, следует искать в событиях «церковной революции» 1917 г. На епархиальном съезде духовенства и мирян четко обозначилось недоверие к консистории, отрицание церковной

* Исследование подготовлено при поддержке РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта «Эволюция государственно-церковных отношений в российской провинции. Смоленщина, 1917–1929 гг.», № 09–01–00068а.

общественностью предлагаемых ее представителями проектов¹. Верующие массы требовали обновления форм организации религиозной жизни. В ответ учреждались епархиальные советы, наследовавшие функции консистории. Они формировались на основании соборного определения об епархиальном управлении². Свою деятельность начали во второй половине 1918 г. В состав совета входил председатель, члены (штатные и внештатные), секретарь-регистратор, делопроизводитель, казначей.

Основной формой работы совета были регулярные заседания. На них рассматривались нарушения священно- и церковнослужителями церковной дисциплины и соответствие их занимаемым должностям, а также происходили перемещения клира. Совет решал внутрицерковные споры, в основном между старшими и младшими членами причта, занимался проблемами взаимоотношений с инославными и их переходом в православие. Рассматриваемые советом вопросы протоколировались в журналах заседаний, его решения утверждал правящий архиерей, после чего они вступали в силу.

Необходимость выстраивания взаимоотношений с органами новой власти, материальные и бытовые трудности, вызванные экономическим кризисом, создавали немалые сложности в работе епархиального совета. Многие из поступивших просьб совет не был в силах удовлетворить из-за скудости финансовых средств, отсутствия конструктивных отношений с местными органами Советской власти, нарушения связи с высшей церковной властью. Вообще сужение реальных возможностей епархиальных советов шло год от года на протяжении 1918–1921 гг.³ При этом церковный центр, ожидая, очевидно, от епархий инициатив, часто оставлял их один на один со сложными проблемами, порожаемыми конфликтными взаимоотношениями с новыми властями.

3(16) мая 1918 г. патриарх и Синод в соединенном присутствии, рассмотрев вопрос «защиты пред правительством имущественных и иных прав Православной Церкви», постановили: «Местным духовным властям немедля искать и требовать удовлетворения от губернской правительственной власти»⁴. Принятое постановление подтверждало курс на активизацию провинциального духовенства и паствы, взятый в первом послании патриарха Тихона от 19 января 1918 г. Оно гласило: «Братие архиереи и пастыри, не медля ни одного часа в вашем духовном делании, с пламенной ревностью зовите чад ваших на защиту попираемых ныне прав Церкви Православной»⁵. А в августе 1918 г. оно было дополнено определением Священного собора «Об охране церковных святынь...»⁶. Эти документы содержали прямое предписание оказывать противодействие выполнению решений «богоборческой власти», главным образом – реализации декрета Совнаркома о свободе совести, церковных и религиозных обществах от 20 января 1918 г.

Пагубное влияние революционных событий на внутрицерковную жизнь проявилось и в частом перемещении с кафедр епархиальных архиереев (сохранялся порядок синодального строя, но перемещения революционной поры име-

ли иные причины). В течение 1918–1921 гг. в Смоленской епархии сменилось четыре правящих архиерея: епископ Смоленский и Дорогобужский Феодосий⁷, временно управляющие епархией епископ Вяземский Павел⁸ и Евсевий⁹, епископ Смоленский Филипп¹⁰. Эта «архиерейская чехарда» создавала сложности в передаче дел, решении многих вопросов.

Совет работал в крайне сложных материально-бытовых условиях. Одной из самых острых проблем, доставшихся ему от консистории, была острая нехватка денег. В октябре 1918 г. банковские счета совета были аннулированы, а хранившиеся на них суммы были переведены в доход государства¹¹.

От месяца к месяцу финансовая необеспеченность усугублялась гиперинфляцией и отсутствием централизованного финансирования. Совет был вынужден пойти на учреждение в епархии сборов, облагающих как белое, так и черное духовенство. Так, в 1919 г. иеромонахи были обложены «налогом» в 3 руб., иеродиаконы – 2 руб., послушники – 1,5 руб. «на содержание епархиальных учреждений»¹². Собираемые таким способом суммы были незначительными, что побудило совет к установлению «попудного обложения» свечей, получаемых храмами и монастырями с епархиального склада. Но и этот сбор не давал совету необходимых средств. Экономить приходилось на всем, даже на писчей бумаге и чернилах¹³.

Немалые трудности испытывал совет и с денежным содержанием своего состава. Так, на выплату жалования его служащим (24 человека) в августе 1918 г. требовалось 18 680 руб., на сентябрь–декабрь – 143 700 руб.¹⁴ Распределение средств было демократичным: председатель совета получал 3 000 руб., секретарь, на котором лежала вся основная работа совета, – ту же сумму, рядовые сотрудники – 1 500–2 000 руб. К августу 1920 г. соотношение изменилось: председатель и секретарь получали по 8 400 руб., рядовые члены – 5 000–6 000 руб.¹⁵

Ввиду низкой оплаты труда членов совета им было позволено совмещать свою работу с другими, в основном с преподаванием. Не справляясь с объемом работ в совете, некоторые его члены просили освободить их от обязанностей члена совета. Так поступил, например, видный общественный деятель священник Михаил Лебедев¹⁶. В этой ситуации особенно важную роль в деятельности Смоленского епархиального совета играл его секретарь Павел Смирнов: он планировал работу совета и выполнял основной ее объем¹⁷.

Все эти сложности, встававшие перед РПЦ и православным обществом провинции в годы Гражданской войны, определяли направления работы епархиального совета. Главными из них стали: 1) разрешение повседневных хозяйственных и социальных проблем духовенства губернии; 2) обеспечение непрерывности религиозного служения; 3) сбор сведений о членах клира – жертвах террора, помощь членам их семей, временное замещение образовавшихся вакантных мест и обращение в органы государственной власти с целью защиты преследуемых; 4) разрешение внутрицерковных конфликтов; 5) противодействие инославии и особенно сектантству¹⁸.

При всей незначительности годового дохода архиерейского дома, ограниченного суммой в 122 500 руб., две трети из которых давал «свечной ящик», епархии удавалось выживать. Хотя немалые суммы из собранных Смоленским епархиальным советом подлежали передаче в Высший церковный совет – 62 080 руб. за 1919 г.¹⁹

Наибольшую угрозу церковным финансам представляла политика государства и сама обстановка Гражданской войны. Военные и гражданские власти душили храмы и особенно монастыри произвольными поборами. Иной раз эти поборы принимали характер вооруженного разбоя. Явившись в июле 1918 г. в Колоцкий монастырь, красноармейцы потребовали у настоятеля архимандрита Никифора 25 000 руб. Он отказался выдать деньги и бежал. Тогда красноармейцы учинили кровавую расправу: «убили иеромонаха... и одного рабочего и закопали в землю»²⁰. После подобных «нашествий» обители (на Смоленщине – Ордынская пустынь и Богородице–Рождественский монастырь²¹) часто оставались разграбленными и встать на ноги больше не могли, исчезая как хозяйственные и религиозные единицы. Не менее тяжкие последствия влекло административное закрытие монастырей, как это случилось с женскими обителями Вязьмы²².

С осени 1918 г. советские газеты публиковали списки расстрелянных ЧК церковнослужителей. Быстро распространялись вести о взятии священников в заложники, отправке их в тыловое ополчение и т.п. Аресты и расстрелы духовенства не только оказывали травмирующее морально-психологическое воздействие на верующих, но и прерывали регулярную работу приходов. В этих условиях «богоборчества» и «братоубийства» священники стремились обеспечить непрерывность церковного служения.

Одними из первых от действий местных властей пострадали смоленские монастыри: помимо предусмотренной декретом национализации земли, власти не гнушались «экспроприацией» имущества и денежных средств обителей.

13 июля 1918 г. отряд красноармейцев вошел на территорию Поречьской Ордынской пустыни. Они «заняли все выходы и начали обход помещений братии, спрашивали ценных вещей и оружия и брали, что приглянулось. В помещении настоятеля взяли золотой наперсный крест... стоимость коего не превышала 300 руб. ... несколько одеял, подушек, металлическую столовую посуду и немного серебра... наложили на монастырь 10 000 руб. штрафа»²³. Была национализирована уже подготовленная к севу земля Богородице–Рождественского монастыря, о чем «со скорбью» писала настоятельница²⁴. Наконец, в сентябре 1919 г. власти закрыли Аркадиевский женский монастырь в Вязьме. Монахиням пришлось искать пристанища у родных и знакомых, снимать жилье²⁵.

Стараясь сохранить монастырское имущество, Священный собор определением от 30 августа 1918 г. возложил ответственность за него на настоятелей и верующих: им предписывалось организоваться и принять по договору в свое ведение имущество монастырей²⁶. Однако эти меры не предотвратили насиль-

ственной «реквизиции» имущества четырех монастырей и пустыней Смоленской губернии: Гжатского Колоцкого монастыря, где погиб архимандрит Никифор, Поречьской Ордынской пустыни, Богородице–Рождественского монастыря и Красногородищенской пустыни в Белом²⁷.

Судьбы городских монастырей и монастырских центров, находящихся в отдалении от городов, складывались по-разному. Городские монастыри в Смоленске и Вязьме в 1918–1919 гг. были закрыты, их здания переданы жилотделу и земотделу. За крупный смоленский Вознесенский монастырь развернулась многомесячная борьба. Его община поспешила «реорганизоваться» в коммуны. В результате часть прихода откололась, потребовала передачи храма им и выселения «монашек-коммунисток». В конфликтную ситуацию вмешался Совнарком²⁸. Коммуне не только удалось просуществовать до 1923 г., но и, получив от губернских властей земельный участок, организовать крупное хозяйство, где производилось в том числе и белье для армии²⁹. Загородные монастыри, принимая форму коммуны, а зачастую даже пользуясь сочувствием и поддержкой руководителей создаваемых при них культурно-просветительских, даже атеистических, организаций (часто это были музеи), смогли просуществовать до конца 1920-х гг. Так, директор музея, созданного в Свято-Троицком Болдине монастыре под Дорогобужем, передал флигели монастыря в аренду «бывшим монахам» и долгое время игнорировал предписания Главнауки и исполкома о выселении монахов³⁰.

Сложным было положение и белого духовенства. Немало священников было отдано под суд ревтрибунала за «непризнание Советской власти». По обвинению в «непризнании» ревтрибунал приговаривал как к условным, так и к реальным срокам заключения на 1–3 года. В вину вменялось и «неисполнение приказа о сдаче регистрационных книг в нотариальный отдел» (их изъятие происходило в губернии в июле–ноябре 1918 г.)³¹, и обсуждение с прихожанами декрета об отделении церкви от государства, «повлекшее беспорядки»³². Часто священников просто удаляли за пределы губернии³³.

В итоге массового судебного преследования одно за другим освобождались места в приходах. И епархиальному совету приходилось постоянно заниматься их замещением. При этом сложился порядок, позволявший учитывать интересы прихожан и членов клира: решение о назначении на приход принималось советом с учетом полученных прошений³⁴.

В ответ на террор Высшее церковное управление 9(22) ноября 1918 г. постановило, что «за арестуемыми и заключенными в тюрьмы членами клира должно быть сохраняемо все причитающееся им по занимаемой должности содержание... обеспечение сиротствующих семейств членов клира... должно составлять предмет заботы и попечения тех приходов, где они проходили свое служение»³⁵. Это решение перекладывало бремя заботы о жертвах террора на приход и епархиальное управление.

Уже за первый год Советской власти в Смоленской губернии по обвинению в контрреволюционной деятельности и в столкновениях с представителями

власти погибло 15 клириков: протоиерей Александр Афанасьев, священники Стефан Стефанов, Иоанн Селезнев, Николай Смирнов, Николай Недачин, Михаил Скворцов, Григорий Попов, Николай Добромыслов, Петр Шестериков, Николай Каменцев, Стефан Бородкин, Александр Зыков, дьякон Анатолий Соколов, псаломщик Иван Попов, иерей Николай Руженцев³⁶. В числе расстрелянных ЧК оказался и викарный епископ Вяземский Макарий (Гневушев)³⁷. Число же арестованных и содержавшихся в заключении установить не представляется возможным.

Семьи расстрелянных, арестованных и бессудно убитых священнослужителей оказывались в тяжелейшем положении. Вдова священника Николая Добромыслова писала правящему архиерею: «Мой муж, священник села Введения Николай Добромыслов 31 прошедшего октября расстрелян. Я осталась с 6-ю не пристроенными детьми, из них четверо учатся, без всяких средств. Для поддержания меня с детьми согласился поступить священником в село Введения мой родной дядя, священник села Икминского Боровского уезда, Калужской епархии Константин Казанский... Вынуждаюсь умолять Ваше Преосвященство назначить его, чем спасете меня с детьми от нищеты и горя, а главное окажете мне, убитой кошмарным горем и сиротам моим христианское милосердие и утешение»³⁸.

Кроме заботы о жертвах большевистского террора епархиальным властям приходилось заниматься и традиционными делами – разрешением внутренних конфликтов и противодействием активизировавшемуся инославью.

В обычные для церковной среды конфликты революционное время привнесло новые. Так, благочинный и члены причта одного из приходов Рославльского уезда обвиняли псаломщика села Максимкова Смирягина в службе делопроизводителем в исполкоме. Мотив, двигавший псаломщиком, понятен: эта служба освобождала от тыловой повинности. А теперь благочинный и члены причта требовали его исключения из причта³⁹. Нарекания со стороны религиозного общества вызывали случаи нарушения обета безбрачия монашествующими, широко распространившиеся тогда. Так, в селе Шаровичи Жиздринского уезда объявился бывший иеромонах Митрофаней, оставивший монастырь. Он сожительствовавший «гражданским браком с девицей, привезенной из той местности, где он был монахом». Возмущенные верующие утверждали, что «поступки иеромонаха Митрофания позорят духовенство»⁴⁰.

Смутное время порождало казусы с регистрацией браков. Даже представители местной Советской власти были столь верны традиции, что, бывало, требовали от священника провести венчание. Один из деревенских священников писал: «Сим имею честь донести Епархиальному Совету, что 1920 г. июня 5 дня мною повенчан брак граждан дер. Абрамово под насилием тех граждан, которые были при свадьбе, они грозили мне властью и я, не зная декрета, повенчал брачующихся... не из-за выгоды, а лишь спасал себя от советской власти и надеялся на свою духовную власть»⁴¹.

Трудности создавала епархиальному управлению очаговая активизация сектантства. Для противостояния ему не было ни сил, ни средств. К тому же в ряде мест появлялись протестантские проповедники, активно распространявшие свою литературу⁴².

Священники и причт ходом событий оказались расколота на две неравные части. Меньшинство было готово к диалогу и сотрудничеству с Советами. Традиционалистское большинство резко осуждало сотрудничество с «богоборческой» властью. Представитель второй категории духовенства писал епископу: «Тяжело говорить... что современная церковная разруха идет не без участия и самого духовенства... Сейчас многие из духовных остались при церкви, служат в разных советских учреждениях, особенно много псаломщиков и дьяконов, есть и священники... [это] вносит непорядок в церковную жизнь»⁴³.

В целом работа органов епархиального управления по всем ее направлениям осуществлялась в сложных условиях утраты РПЦ легитимного статуса, отсутствия достаточных денежных средств. Многочисленные острые столкновения и конфликты с представителями местной власти, реквизиции церковного и монастырского имущества, судебное и внесудебное преследование священников определяли условия епархиальной жизни в Смоленской губернии 1918–1921 гг. Внутрицерковные распри снижали авторитет РПЦ. Различное отношение к Советской власти отдельных групп священства повлекло его раскол.

Примечания

¹ Смоленские епархиальные ведомости. 1917. № 10. С. 272–279.

² Церковные ведомости. 1918. № 11–12. С. 65–77.

³ Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 1232. Оп. 1. Д. 185. Л. 64–72; Д. 168. Л. 149–151об.

⁴ ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 563. Л. 402.

⁵ Русская Православная Церковь и коммунистическое государство, 1917–1941: Документы и фотоматериалы. М., 1996. С. 25.

⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 153. Л. 4–5.

⁷ *Феодосий* (Феодосиев, 1864–1942) – с 1908 г. епископ Смоленский и Дорогобужский, участник Поместного Собора, в 1918 г. возведен в сан архиепископа. С 1919 г. епархией не управлял, в 1922–1939 гг. – архиепископ Виленский и Лидский (http://www.ortho-rus.ru/cgi-bin/ps-file.cgi?2_1135).

⁸ *Павел* (Ивановский) – временно управляющий епархией в 1918–1919 гг. См.: Акты Святейшего Тихона, Патриарха Московского и всея России, позднейшие документы и переписка о каноническом преемстве высшей церковной власти, 1917–1943 гг. М., 1994. С. 946, 986.

⁹ *Евсевий* (Никольский, 1861–1922) – временно управляющий епархией в 1919–1920 гг., с 1920 г. митрополит Крутицкий. См.: // Акты Святейшего Тихона... С. 972; Современники о Патриархе Тихоне. Т. 1. М., 2007. С. 659.

¹⁰ *Филипп* (Ставицкий, 1884–1952) – с 19 октября 1920 по 13 июня 1928 гг. – правящий епископ Смоленской епархии, с 1922 г. уклонился в обновленчество, в 1922–1923 гг. и в 1929 г. находился в заключении, в 1923–1927 гг. – в ссылке в Тульской губернии. См.: Архивы Кремля: Политбюро и церковь, 1922–1925 гг. Кн. 2. Новосибирск; М., 1998. С. 574.

¹¹ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 168. Л. 152.

¹² ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 141. Л. 12.

¹³ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 193. Л. 2–3.

¹⁴ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 185. Л. 70.

¹⁵ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 168. Л. 29.

¹⁶ Там же. Л. 137.

¹⁷ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 185. Л. 22, 25; Д. 168. Л. 149–151.

¹⁸ Подробнее см.: *Каиль М.В.* Иноконфессиональные влияния на религиозную жизнь православной провинции в 1917 – середине 1920-х гг. // Народы России: историко-психологические аспекты межэтнических и межконфессиональных отношений. СПб., 2009. С. 217–221.

¹⁹ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 168. Л. 11.

²⁰ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 188. Л. 2.

²¹ Там же. Л. 6, 29

²² ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 132. Л. 2–6.

²³ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 188. Л. 6.

²⁴ Там же. Л. 29.

²⁵ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 132. Л. 2.

²⁶ ГАРФ. Ф. 130. Оп. 2. Д. 153. Л. 4об.

²⁷ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 188. Л. 52–54.

²⁸ ГА РФ. Ф. 130. Оп. 3. Д. 585. Л. 12; ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 320. Л. 45–48.

²⁹ ГАСО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 20. Л. 322–322об., 963–964; Ф. 161. Оп. 1. Д. 1480. Л. 37.

³⁰ ГАСО. Ф. 2360. Оп. 1. Д. 288. Л. 154–166.

³¹ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 128. Л. 4–20.

³² ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 188. Л. 18.

³³ Там же. Л. 40.

³⁴ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 188. Л. 35, 38, 40.

³⁵ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 209. Л. 10–10об.

³⁶ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 186. Л. 25–26; ГА РФ. Ф. 3431. Оп. 1. Д. 563. Л. 444.

³⁷ Архив Управления ФСБ по Смоленской области. № 26797. Л. 96.

³⁸ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 186. Л. 15–15об.

³⁹ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 169. Л. 35–36, 41–42, 45–46.

⁴⁰ Там же. Л. 71.

⁴¹ Там же. Л. 115.

⁴² Там же. Д. 210. Л. 1–8.

⁴³ ГАСО. Ф. 1232. Оп. 1. Д. 188. Л. 50.

М.С. Свидзинская

ВЕЛИКОРУССКИЙ ОРКЕСТР ЗАКЛЮЧЕННЫХ ТАГАНСКОЙ ТЮРЬМЫ (1919–1921 гг.)

В 1919 г., когда Советская Россия была поглощена войной с внутренними и внешними врагами, борьбой с голодом и эпидемиями, в знаменитой «Таганке» – Московской губернской уголовной тюрьме – был организован великорусский оркестр заключенных.

Великорусские оркестры появились в Российской империи во второй половине XIX в. Тогда в России, так и в Западной Европе, большую популярность

приобрела игра на балалайке, до того считавшаяся «низким» искусством и “mauvais ton”. Пересмотр роли народного инструмента в отечественной культуре – заслуга композитора и дирижера В.В. Андреева. «Реформатор русской балалайки» на собственном опыте убедился: балалайка способна передавать тончайшие музыкальные эффекты. Благодаря ему мир узнал не только о балалайке, но и о контрабасе, домре малой, альтовой и басовой, домре пикколо, гусях в виде трапеции и столообразных, о брелке, накрах и бубне. Для всех этих старинных инструментов, обнаруженных в русской глубинке, нашлось место в андреевском оркестре. «Великорусский оркестр получил такое название потому, – пишет Андреев – что все инструменты, входящие в его состав, принадлежат к средней и северной полосам России, то есть к древнему Государству Московскому или Великороссии»¹.

Основу его репертуара, в соответствии с инструментальной спецификой, составляли русские народные песни. Но исполнялись и классические произведения – как отечественных композиторов (П.И. Чайковского, Н.А. Римского-Корсакова, М.А. Балакирева, М.И. Глинки, А.К. Глазунова и самого В.В. Андреева), так и зарубежных (Ж. Бизе, Э. Грига, Ф. Шуберта и других).

За три десятка лет «низкое» искусство приобрело огромную популярность не только в России, но и за рубежом, став «событием» в мировой культуре. В 1888–1918 гг. оркестр выступал в лучших концертных залах и театрах Петербурга. Нередко в концертах принимали участие выдающиеся исполнители оперы и балета: Ф.И. Шаляпин, И.В. Ершов, Л.В. Собинов, М.М. Петипа, М.Ф. Кшесинская, В.А. Мартынова и другие. Ежегодно Великорусский оркестр выезжал с концертами в 20–25 городов страны, создавая «моду» на национальные мотивы: по всей стране появилось большое количество местных великорусских оркестров.

В Советской России, благодаря своей «народности», великорусские оркестры стали чрезвычайно востребованными. С одной стороны, массовым слушателем, а с другой – большевистской властью. Она использовала их для приобщения «народных масс» не только к классической музыке, но и к марксистской идеологии. Особенно популярны стали тогда «концерты-митинги» – симбиоз политического митинга и музыкального концерта. Проводились они на предприятиях, в рабочих клубах и цирках. Обычно сначала с речами выступали крупнейшие партийные и государственные деятели – В.И. Ленин, Я.М. Свердлов, М.И. Калинин, А.В. Луначарский и другие, – а уж потом начинался концерт. Иногда оркестровая программа чередовалась с митинговой. В таких концертах принимали участие оперные певцы Большого театра, артисты балета, исполнялись произведения классической музыки и революционные песни. Часто концерты-митинги проводились «в честь» (например, годовщин Октябрьской революции и других «красных» дат, съездов и т.д.) и «в память» (борцов за «красное» дело и т.д.), усиливая таким образом идеологическое воздействие на «массу». Иногда во время таких концертов проводилась запись добровольцев в Красную армию, собирались средства на ее нужды.

Продолжением традиции великорусских оркестров и стал оркестр заключенных, организованный в Таганской тюрьме в начале 1919 г.

Организовал его заключенный – князь А.С. Чагадаев. До революции он был помощником Андреева в популяризации русского народного музыкального творчества за рубежом, солировал в Андреевском оркестре, основал Лондонский королевский оркестр. Помогал Чагадаеву другой заключенный – С.М. Сухотин, бывший поручик, участник убийства Г. Распутина, муж двоюродной сестры Чагадаева известной пианистки И. Горяиновой. Оба они в 1918 г. работали в Главном управлении по снабжению металлами «Расмеко»: Сухотин – заместителем заведующего², Чагадаев – секретарем. Созданное еще в 1915 г., в декабре 1917 г. оно было включено в ВСНХ как исполнительный орган его металлургической секции. Осенью 1918 г. Сухотин и Чагадаев были арестованы за «вымогательство взяток» по «делу Расмеко».

Дело ввиду особой важности разбиралось в Верховном Ревтрибунале при ВЦИК. Обвинялись они в том, что, «состоя на службе Советской республики... они по взаимному между собою соглашению вымогали взятки у владельцев металлургических фабрик, задерживая отпуск металлов и отказывая в нем». Заведующий «Расмеко» Каупуш, которого обвинение сочло «главным виновником преступных действий», скрылся. Сухотин, его заместитель, объяснил на суде, что Каупуш старался ограничить выдачу металлов частным предприятиям, так как опасался сокращения запаса металлов, приостановки деятельности предприятий и массового расчёта рабочих». Хотя серьезных обвинений против Сухотина и Чагадаева у трибунала не было, обвинитель Н.В. Крыленко потребовал для них высшей меры наказания, и суд приговорил их к расстрелу³. Однако вскоре по решению Президиума ВЦИК смертная казнь была заменена на бессрочное лишение свободы с принудительными общественными работами.

Осенью 1919 г. Сухотин и Чагадаев были определены для исполнения наказания в Таганскую тюрьму. При поступлении в тюрьму оба заполнили специальную анкету «Сведения о заключенном». В графе № 23 («По каким причинам совершил преступление, а если их было несколько, то каждое из них») оба написали, что не считают себя виновными, а преступление совершенным⁴.

Их идею организовать в тюрьме оркестр поддержал Центральный карательный отдел Наркомата юстиции РСФСР, в чьем ведении находилась тюрьма. С мая 1918 г. отделом руководил Л.А. Саврасов. Он и его сотрудники решили, что оркестр – дело нужное для агитации в воинских частях⁵.

Численность созданного оркестра составляла в разное время 14–18 человек. Занятые в нем заключенные были выходцами из разных социальных групп, разных возрастов, каждый – со своей судьбой. Сроки отбывали за разные преступления: кражи «по нужде», грабежи, бродяжничество, убийство, дезертирство, за вымогательство взяток и другие. Самому молодому было 15 лет, самому старому – 85. Общего у них было одно – «Таганка». А теперь их объединил оркестр, давший им возможность заниматься в тюрьме любимым делом.

И Сухотина, и Чагадаева классическая музыка окружала с детства. Но если для Чагадаева она стала почти профессиональным занятием, то для Сухотина –

лишь увлечением: он играл на гитаре, любил цыганскую песню и сам пробовал писать романы. Кроме того, его жена И. Горяинова, музыкантша-виртуозка и ученица композитора А.К. Глазунова, всегда приглашала его на свои концерты, он был ее критиком и вдохновителем. С музыкой в своей прежней, свободной, жизни был связан и еще один оркестрант – А.В. Колобов, тюремный учитель музыки. Ему было всего 19 лет. Осенью 1917 г. он вступил в Красную гвардию, затем – в Красную армию. Он совершил вооруженное ограбление: по его собственному признанию, его «замучил голод». Он был осужден на заключение в тюрьме «до конца Гражданской войны»⁶.

Для каждого оркестранта не только любовь к музыке стала важным мотивом для участия в оркестре. Это давало возможность периодически покидать стены тюрьмы: для игры на концертах-митингах, которые проводились в ЦКО. И еще давало надежду на сокращение срока заключения.

Оркестранты стремились поскорее выйти на свободу. Не единожды писали они заявления во ВЦИК, в Центральный карательный отдел и другие советские и судебные органы: просили заменить им тюремное заключение отправкой на фронт или перевести в исправительно-трудовую колонию.

Так, А.А. Смыслов, осужденный за то, что «как член РКП (б) был мобилизован на фронт, но по назначению не отправился», в 1920 г. несколько раз писал в Комитет по борьбе с дезертирством: просил «освобождения и посылки как честного красноармейца на Польский фронт», «горя желанием искупить свою вину в деле уничтожения нашего последнего врага – польских белогвардейцев»⁷.

Другой оркестрант – А.П. Каменев, – приговоренный к 20-ти годам заключения, писал прошение в Центральный карательный отдел с просьбой «дать спокойно умереть на защите революции, а не “гнить паразитом в тюрьме”». Будучи красноармейцем и «жертвой “эксплоатации”», он убил своего брата на почве идеологических разногласий: брат был школьным учителем, содержал после смерти родителей, всех братьев и сестер, был офицером, приверженцем кадетской партии и «вращался в кругу “итилегенцы”». Убил «во время сна, в постели... выстрелом из револьвера в голову», «в порыве молодого горячего сердца», поскольку, дескать, в ином случае «от руки брата... пала бы не одна жертва пролетариата, получившая удар в спину». Свое прошение об отправке на фронт Каменев заключил словами: «В переживаемое наше дорогое время, где все честные граждане на защите и строительстве революции, тот только не кузнец счастья трудового народа, кто может спокойно жить в стенах тюрьмы»⁸.

Преступник «по должности» А.М. Трусов несколько раз писал заявления во ВЦИК с просьбой назначить на работу в одну из трудовых колоний как способного крестьянина. Осужден он был за то, что, будучи секретарем приемной комиссии при Богородском военкомате, снабжал дезертиров поддельными документами, чтобы они имели возможность в дальнейшем уклоняться от службы в Красной армии⁹.

Чаще всего подобные заявления оркестрантов оставались без последствий, даже не смотря на «идеологически правильные» доводы.

Единственным из оркестрантов, чье очередное прошение удовлетворили, был поляк, русский подданный, А.М. Юрчинский. Осужденный на 5 лет за кражу, которую совершил, будучи безработным, он имел на содержании жену (она тоже отбывала тюремное заключение – в женской тюрьме) и двоих детей, 3-х и 5-ти лет. В своем заявлении в Центральный карательный отдел, апеллируя к своему опыту службы в 1-м Московском советском караульном полку, просил отправить его в трудовую колонию: дескать, хорошо знаком со всеми земледельческими орудиями, паровыми молотилками и сельскохозяйственными работами. Наконец, в мае 1920 г. по распоряжению Московской распределительной комиссии¹⁰ его отправили в Кострому¹¹, в трудовую колонию «дорабатывать» там срок.

Существовала и возможность освобождения «на поруки». Восьма, впрочем, призрачная. Об этом ходатайствовали С.М. Сухотин и А.С. Чагадаев¹². Обоим было отказано.

Отпущен на поруки был лишь 15-летний М. Ульянов – самый младший участник оркестра. Работал он столяром. Арестовали его за появление в общественном месте в пьяном виде и «дезертирство». Комиссия по делам несовершеннолетних, ввиду неоднократного совершения им краж и побега из приемника-распределителя (видимо, именно это и сочли «дезертирством»), постановила направить его в Московский столичный народный суд Домниковского участка. Рассмотрев дело, народный суд, решил, что Ульянов – «извращенный элемент, требующий исправления», и приговорил его к 3-м годам заключения в Таганской тюрьме «для педагогического воздействия». После заключения его в тюрьму выяснилось, что приговор ему был вынесен в нарушение декрета Совнаркома от 4 марта 1920 г. «О суде над несовершеннолетними». Не было также принято во внимание тот факт, что тюремное заключение для несовершеннолетних было отменено еще по Декрету о комиссиях для несовершеннолетних, принятому 17 января 1919 г. В итоге через четыре месяца после заключения его забрала на поруки родная тетя¹³.

Более реальной возможностью сократить срок заключения были амнистии. Объявлялись они довольно часто: по случаю годовщин Октябрьской революции и решающих побед Красной армии.

Так, 5 ноября 1919 г. по общей амнистии, объявленной ВЦИК ко 2-й годовщине Октябрьской революции, был снижен срок заключения одному из оркестрантов – М.П. Боровикову. Бывший заводской слесарь, он был осужден за вооруженное ограбление: угрожая убить, ограбил комиссара юстиции Апина, приехавшего в Москву в качестве представителя Комиссариата юстиции Западной Сибири и Степного края на I Всероссийский съезд областных и губернских комиссаров юстиции (20–26 апреля 1918 г.). В вину ему вменялись также уличные ограбления, убийство двух соучастников, и кража 53 тыс. руб. из кассы завода Ганзелинского. Срок был снижен до 3-х лет¹⁴.

Через год, по амнистии 1920 г., которая была объявлена после занятия Красной армией Крыма и торжественного объявления об окончании Гражданской войны, были снижены сроки заключения большинству оркестрантов. Другим

тюремное заключение заменено или принудительными работами «под стражей», или «без содержания под стражей». Приговоренные к заключению «до окончания Гражданской войны» получили свободу. Именно по этому пункту амнистии был освобожден из тюрьмы и направлен на принудительные работы без лишения свободы тюремный учитель музыки Колобов. Поляку Юрчинскому – «знатку молотилок», – отправленному в Кострому, 5-летний срок заключения был заменен принудительными работами без лишения свободы на 1 год и 4 месяца¹⁵.

Другому оркестранту – И.Е. Коршунову – 10 лет тюремного заключения с принудительными работами были заменены 3-мя годами принудительных работ по специальности. Бывший конторщик Московского телеграфа, он был осужден за участие в краже 11-ти мешков муки из запломбированного вагона на железнодорожной станции Москва–товарная. Это «контрреволюционное» дело он «провернул» с еще шестью подельниками. Возраст большинства из них не достиг и 20 лет, а Коршунову было 18. Сам он объяснял причины совершения преступления «голодом семьи». Вполне убедительно: на его содержании находились отец, мать и две сестры¹⁶.

Таким же образом была применена амнистия 1920 г. и к Н.С. Леонову, бывшему заведующему складами Центроснаба, занимавшегося снабжением армии и населения. Леонов был заключен в Таганскую тюрьму за участие в убийстве¹⁷.

До начала 1921 г. истекли сроки заключения шестерых оркестрантов. Однако они предпочли остаться в тюрьме: чтобы выйти на свободу с другими своими товарищами оркестру.

Такой выбор сделал тюремный учитель музыки Колобов. Получив 26 ноября 1920 г. ордер об освобождении, он написал заявление в Центральный карательный отдел: «Мною сего числа получен ордер на освобождение. Приняв его с чувством сердечной благодарности, но, состоя членом великорусского оркестра заключенных Московской Таганской тюрьмы с первых дней его основания, сроднившись с ним, мне, должно открыто заявить, тяжело расставаться с товарищами, участвующими в оркестре, не зная, какова их дальнейшая участь, и тем самым расстраивать с таким трудом созданную музыкальную единицу. Вследствие этого отказываюсь от освобождения впредь до выяснения вопроса об освобождении остальных моих товарищей по оркестру»¹⁸.

30 декабря 1920 г. постановлением Московской распределительной комиссии начальнику Таганской тюрьмы было предложено «обратить» заключенных М.А. Алешко, М.А. Боровикова, С.М. Сухотина и А.С. Чагадаева на принудительные работы без содержания под стражей. Но, как было особо оговорено, с «правом оставления в тюрьме впредь до освобождения всего великорусского оркестра»¹⁹. Таким образом, этим заключенным, по сути, был предоставлен выбор: либо выйти на свободу, либо остаться в тюрьме. Судя по всему, московское тюремное начальство хотело сохранить хорошо зарекомендовавший себя оркестр. Поступок Колобова подсказал им, как это можно сделать. И, вероятно, на этот счет с заключенными предварительно побеседовали. Так или иначе, все четверо предпочли остаться в тюрьме.

10 января 1921 г. Сухотин написал заведующему Центральным карательным отделом Наркомюста заявление: «Вследствие состоявшегося постановления о моем освобождении из тюрьмы на принудительные работы без лишения свободы, с одной стороны, а с другой стороны, моего желанья не расставаться с Великоорусским оркестром, в коем я состою, а выйти с ним на волю одновременно, – прошу Вашего разрешения впредь до освобождения всего состава оркестра остаться мне в стенах тюрьмы»²⁰.

Свою подпись под этим заявлением поставил и его друг князь Чагадаев²¹.

Так же отреагировал на свое освобождение и Леонов. На оборотной стороне свидетельства о применении к нему амнистии он написал 20 января 1921 г.: «Мне объявлено, освобождения желаю вместе с оркестром»²².

Освободиться из тюремного заключения в полном составе, путем направления на принудительные работы без лишения свободы, оркестру удалось лишь благодаря ходатайству Центрального карательного отдела, направленному ВЦИК. Это ходатайство ВЦИК удовлетворил. Освободили даже тех, кому несколько раз отказывали в амнистии и сокращении срока.

В один день, 16 февраля 1921 г., из «Таганки» вышли 14 оркестрантов: Цалус Сергей Михайлович, Трусов Алексей Михайлович, Семенов-Домогацкий Николай Михайлович, Смыслов Александр Александрович, Леонов Николай Сергеевич, Коршунов Иван Ермолаевич, Колобов Александр Васильевич, Каменев Александр Павлович, Боровиков Михаил Петрович, Александров Сергей Александрович, Алексеев Владимир Владимирович; Алешко Матвей Андреевич, Сухотин Сергей Михайлович, Чагадаев Александр Сергеевич.

Вне этого состава оказались четверо. Подростка Михаила Ульянова взяли на поруки тетя. 85-летний Иван Федорович Алексеев, осужденный за убийство жены, и умер в «Таганке» «по дряхлости»²³. Отправленный в Кострому Александр Михайлович Юрчинский, был обращен на принудительные работы в типографии²⁴. Михаил Николаевич Ростов, освобожденный последним из оркестрантов, в марте 1921 г., был направлен в Бюро принудительных работ при Московском Совете (для работы в оркестре или нет – неизвестно)²⁵.

После освобождения оркестр переехал в общежитие Центрального карательного отдела. Оркестранты получили продовольственный паек. Впереди Великоорусский оркестр Таганской тюрьмы ждали выступления на концертах-митингах и прочих советских массовых празднествах.

Примечания

¹ Справочник, или краткое руководство для оборудования Великоорусского оркестра. П., 1916. С. 2.

² «Милый Булгаха!..»: Письма Т.Л. Сухотиной-Толстой и Т.М. Альбертини-Сухотиной В.Ф. Булгакову (1925–1940) // Диаспора. Т. 6. СПб., 2004. С. 422–423.

³ Дело РАСМЕКО // Известия ВЦИК. 1918. 24 нояб.

⁴ Центральный архив г. Москвы (ЦАГМ). Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1459. Л. 1–3; Д. 1587. Л. 1–3.

⁵ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 814. Л. 28.

⁶ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 877. Л. 2, 11.

⁷ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 2015. Л. 2, 6–6об.

⁸ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 814. Л. 11, 20.

⁹ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1502. Л. 12, 13, 15.

¹⁰ Распределительные комиссии были созданы согласно Положению об организации распределительных комиссий, утвержденному ЦКО НКЮ РСФСР 16 ноября 1918 г. Они имели право в случае, если находили, что тот или иной заключенный по своим индивидуальным качествам уже не нуждается в мерах воздействия и исправления, возбуждать перед судом ходатайство о досрочном или условно-досрочном освобождении его от наказания.

¹¹ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1675. Л. 5, 13, 18, 21.

¹² ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1459. Л. 9; Д. 1587. Л. 15.

¹³ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1514. Л. 1–2.

¹⁴ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 3491. Л. 12.

¹⁵ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1675. Л. 21.

¹⁶ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 923. Л. 1–2, 7, 11.

¹⁷ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1005. Л. 2–3, 28.

¹⁸ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 877. Л. 36.

¹⁹ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1584. Л. 30.

²⁰ Там же. Л. 29.

²¹ Там же.

²² ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1005. Л. 28–28об.

²³ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 3950. Л. 1, 4, 13.

²⁴ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1675. Л. 21.

²⁵ ЦАГМ. Ф. 2244. Оп. 1. Д. 1309. Л. 22.

Г. Иоффе

РЕВОЛЮЦИОНЕР ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ БОРИСА САВИНКОВА*

Душевный кризис

В марте 1921 г. между Советской Россией и Польшей в Риге был подписан мир. Это дало основание советскому МИДу настаивать на том, чтобы Савинков, его окружение, штаб НСЗРиС покинули территорию Польши. Савинковцы, естественно, протестовали. Савинков лично обратился к Пилсудскому. Тот возмущался своими министрами, подчинявшимися «давлению Советов», говорил, что они ведут «настоящую торговлю живым товаром», но, увы, вынужден был остаться «лишь негодующим свидетелем нарушения права убежища»¹.

В сентябре 1921 г. по причине демонстративного отказа выезда из Польши Виктора Савинкова, А. Дикгоф-Деренталя, В. Ульвяницкого, полковника М. Гнилорыбова и некоторых других членов руководства НСЗРиС польские власти выслали в Чехословакию с полицией. Спустя два дня туда же был отправлен и сам Савинков. Тогда 27 сентября на заседании Русского политического совета было решено: центр деятельности перенести в Прагу. Организация же в Польше, «буде на то последует согласие Польского генштаба, сохраняется»². В Варшаве и Вильно ЦК НСЗРиС в качестве своих представителей оставил Е. Шевченко, Д. Философова и И. Фомичева.

Тем не менее потеря Польши как главной базы была сильным ударом по савинковскому Союзу. Савинков, правда, оптимистически заявлял, что и в Праге, а затем и в Париже, куда он приехал, НСЗРиС будет продолжать свою работу. Но в этих заявлениях было больше пропагандистского (как теперь говорят, пиара), чем отражения истинного положения вещей. Была потеряна поддержка польских властей, утрачены связи с одними организациями и ячейками НСЗРиС, усложнились или совсем порвались с другими, находившимися на советской территории. Но все же не депортация Савинкова и его окружения явилась толчком, вызвавшим процесс упадка НСЗРиС. Была другая, несравненно более общая и глубокая причина.

В марте 1921 г. X съезд РКП(б) по докладу Ленина принял постановление о замене продразверстки продналогом. За лето была восстановлена свобода торговли и разрешено частное предпринимательство – совершился переход к нэпу. Сейчас, по прошествии почти 90 лет, нам нелегко представить себе то колоссальное впечатление, которое произвело постановление партсъезда и последующие решения советского правительства на миллионы людей не только в РСФСР и других советских республиках, но и, по крайней мере, во всей Европе. Укоренившееся в ходе Гражданской войны представление о большевиках как о суровых воителях, безжалостно ломавших все основы жизни – частную собственность, торговлю, извлечение прибыли, то есть все то, что составляло рыночную экономику, где господствовала буржуазия, – это представление померкло, стало уходить в прошлое. Природа большевиков, наконец, меняется, наступает советский термидор, и жизнь, основой которой на протяжении веков являлся капитал, заявляет о своих естественных правах – таково было широко распространявшееся мнение. И оно все глубже проникало и в правящие круги Запада.

Раз большевизм отказывается от жестокостей военного коммунизма, при котором производитель фактически ставился под дуло государственного пистолета, если вместо этого вводится рынок с свободой торговли и частником – Западу необходимо учитывать эти перемены. Пусть большевистский нэп пока ограничивает рыночные отношения. Сила их может оказаться такой, что масштабы капиталистического сектора будут расти, и в конце концов он вытеснит большевизм окончательно. Значит, надо менять вектор отношений с Советами: от войны с ними переходить к поиску форм экономических отношений, выгодных потрясенному мировой войной Западу. Конечно, такой «расклад мышления» был свойствен в основном либеральным западным кругам. Но даже те, кто не верил в реформизм большевиков, с введением нэпа постепенно освободились от страха перед пугалом мировой большевистской революции.

Значительное влияние переход к нэпу оказал и на русскую эмиграцию разных направлений. Это, в частности, сказалось на расширении такого течения, как сменовеховство. Н. Устрялов, Ю. Ключников и другие сменовеховцы доказывали, что в России совершается неизбежный, закономерный процесс перерождения революции с ее мощным разрушительным потенциалом и столь же неизбежно идет процесс восстановления традиционных, национальных начал. Интернациональный большевизм эпохи Октября и Гражданской войны «перетекает» в национальный большевизм. Основываясь на этой тезе, сменовеховцы проповедовали идеологию примиренчества с Советами. Те, кто воспринимали ее, становились возвращенцами. Только в 1921 г. в Россию вернулось около 122 тыс. эмигрантов.

Всего происшедшего и происходящего не мог, конечно, не видеть и не сознавать его значения Савинков. Ему представлялось, что в случае дальнейшего развития нэпа события могут завершиться переворотом, вообще устраняющим большевизм. «Рано или поздно, – писал он, – ход событий приведет к переворо-

* Продолжение. Начало в № 1 (19), 2 (20), 3 (21) за 2009 г.

ту, который, вероятнее всего, будет не массовым, а термидорианским»³. Тут-то, полагал Савинков, и возникнет режим, «в котором мы пригодимся».

Любопытно, что мысль о «пригодности» Савинкова в условиях новой, нэповской, России появилась и у кого-то в советских верхах (у кого конкретно – мы не знаем). То, что в определенных кругах большевистской партии появилась некоторая готовность установить связь прежде всего с их социалистическими (хотя и не только!) противниками, не может вызывать удивления. Процесс примиренчества проник и в Советскую Россию. В советских учреждениях уже в начале 20-х гг. работало немало бывших меньшевиков, эсеров, даже кадетов. Но возможное приглашение Савинкова было необычным делом. Начиная с октября 1917 г. он вел вооруженную, кровавую борьбу с большевизмом, и примирение с ним казалось просто невероятным.

Тем не менее факт: в конце 1921 г. с Савинковым встретился полпред Советской России в Англии Л. Красин. Встреча состоялась в Лондоне. Выбор Красина для такой встречи, вероятно, не был случайным. После гражданской войны Красин был одним из наиболее последовательных сторонников нэпа, выступал за смягчение государственного контроля над экономикой.

Красин в самом начале разговора убеждал Савинкова прекратить борьбу с Советской властью. В том случае, если Савинков согласился бы с этим, ему предлагался высокий пост в Наркомате иностранных дел, где он сумел бы, по мнению Красина, использовать все свои знания и опыт. Например, помочь Советской России заключить выгодные для нее торговые договоры с западными странами, получить займы и т.п. Но Савинков слишком верил в скорый переворот термидорианского типа, после которого он и «пригодиться», чтобы размениваться на «красинскую мелочь». Отвечая Красину, Савинков сказал, что он готов «сложить оружие» и начать работать на благо России, но при определенных условиях. Каких же? Власть в России должна быть передана свободно избранным Советам. Необходимо, далее, ликвидировать ГПУ, признать принцип мелкой земельной собственности. Фактически Савинков готов был «сложить оружие» в обмен на ликвидацию Советской власти в том виде, в каком она существовала в то время, и осуществление программы НСЗРиС.

Ясно, что на такие условия Савинкова Красин пойти не мог. Тем не менее он выразил надежду, что, как ему думается, эта встреча с Савинковым – не последняя. В Москве, куда он вскоре должен будет вернуться, им все будет доложено и, возможно, разговор для поиска компромисса продолжится. Этого, однако, не случилось.

...И Савинков почти непрерывно колесил по Европе, встречаясь со многими лидерами западных стран. Они были знакомы ему еще со времен Гражданской войны, времен, когда он являлся одним из тех, кто представлял Белое движение, верховного правителя России адмирала Колчака. Тогда, в 1918 г., речь шла главным образом о проблемах активизации иностранной интервенции против

«Совдепии», и лидеры многих стран Европы прислушивались к Савинкову как сильному человеку в стане врагов большевизма. Тогда он был нужен. Теперь, если даже разговор об этом и заходил с Д. Ллойд Джорджем, У. Черчиллем, Пилсудским, итальянским дуче Б. Муссолини, он, этот разговор, чаще всего не имел какого-либо практического значения. Времена изменились. В связи с окончанием Гражданской войны и на почве нэпа определился поворот от военного противостояния Советской России и капиталистического мира к тому, что позднее назовут мирным сосуществованием. Буржуазный класс все решительнее отбрасывал пропаганду, согласно которой он сражается против идей «безбожного коммунизма» и все отчетливее подтверждал, что ради экономической выгоды он готов «вести дела» и с «коммунистическим дьяволом», тем более, что дьявол как будто бы стал «очеловечиваться».

Перед конференцией в Каннах (январь 1922 г.), которая стала предтечей международной Генуэзской конференции, где впервые участвовали представители Советской России, Ллойд Джордж в беседе с Савинковым произнес неожиданную фразу о том, что каждая страна вправе устанавливать тот политический и экономический режим, который она считает приемлемым для себя. Вряд ли тогда Савинков согласился с Ллойд Джорджем: ведь он, как это следует из его беседы с Красиным, «оружия еще не сложил». Во всяком случае, Савинкову не удалось договориться с англичанами, а потом и французами об оказании помощи его Союзу. Несколько успешнее шли его переговоры на Аппенинах с Муссолини. Но и тот проявлял сдержанность, выразив готовность сотрудничать с Савинковым только в тех районах, где большевики, по его мнению, могли реально угрожать итальянским интересам. Муссолини произвел на Савинкова хорошее впечатление. В итальянском фашизме он увидел перспективу. В одном из писем в ЦК НСЗРиС он писал, что, по его мнению, будущее принадлежит фашизму. И понятно, почему: Европа переживала кризис парламентаризма. Люди разочаровались в тех политиках-болтунах, которые не умели предотвратить мировую войну, а потом наладить послевоенную жизнь...

Далеко не один Савинков увлекся итальянским фашизмом. Немало русских политиков-эмигрантов узрели в нем «здоровый национализм», способный вывести европейские страны из послевоенного кризиса и поднять их на новую ступень. Впрочем, длилось это увлечение недолго.

Савинков не пропустил ни Канны, ни Геную. Он старался повсюду быть поближе к советской делегации. В Генуе, действуя под фамилией Гуленко (журналиста из Константинополя), даже установил связь с советским резидентом и чуть было не оказался... в охране советской делегации. С какими намерениями Савинков искал сближения с посланцами Москвы? С враждебными, террористическими, как это часто утверждается в литературе? Или у него зрели какие-то иные замыслы? Во всяком случае, в «период Генуи» никаких терактов савинковцы не совершили. Убийство полпреда В. Воровского в Лозанне не было делом

их рук. Позднее, допрошенный на Лубянке, Савинков говорил, что лишь в 1922 г. была попытка «берлинского покушения», из которой ничего, кроме конфуза, не получилось⁴. Для Савинкова стало очевидно, что теракты невозможны из-за разложения эмиграции⁵.

Нет, не для организации террористических актов Савинков старался оказаться в Каннах, Генуе, вообще поближе к представителям Советской России. Нечто иное, по-видимому, двигало им.

* * *

В 1923 г. в свет вышла новая книга Б. Савинкова (Ропшина) – «Конь вороной». Писал ее Савинков, вероятно, в 1922 г. События, описываемые в ней, относятся к более раннему периоду, в основном к тому времени, когда Савинков воевал в рядах Русской Добровольческой армии Булак-Балаховича. Частично главный герой «списан» с реального лица – полковника С. Павловского, частично – с самого Савинкова.

Книга написана в форме дневника, Ведет его главный герой – полковник Жорж. Он командует партизанским отрядом, в котором почти каждый так или иначе пострадал от Советской власти. «У Егорова сожгли дом и убили сына. У Вреде убили отца. У Феди убили мать», – записывает полковник. И все они утверждают, что сражаются теперь за Россию. За Россию? Вот поручик Вреде докладывает в волнении:

«– Юрий Николаевич, что же это такое? Я больше так не могу. Что мы – погромщики в самом деле? Вы знаете, что случилось?»

– Что?

– Жгун застрелил еврея.

– Из-за чего?

– Из-за денег.

Выясняется – даже не из-за денег. За часы».

Таких фактов – грабежа, насилия, расстрелов пленных – десятки, несмотря на то, что приказы полковника строго настрого запрещают что-либо подобное. Кровавый след оставляет за собой отряд этого полковника Жоржа на белорусской и русской землях. Вот остатки отряда уходят из захваченного Ржева. И Жорж размышляет: «Чего я достиг?.. Вот опять знакомое, столетнее утомление. Нет хуже. Позади – опустелый лагерь, впереди... Но что впереди? Запылала деревня вокруг, свищет ветер, трещат пулеметы. Нет конца самоубийственной войне. Изошла слезами Россия, и исчах великий народ». Отряд Жоржа рассеян. Люди разошлись, разбрелись кто куда. Жорж попадает в Москву, где встречается с Ольгой. Образ этой любимой им женщины он пронес через все бои и походы. Он сливался, соединялся для него с самой Россией. Нет Ольги – нет для него России, нет России – нет Ольги. И вот их встреча. Ольга – коммунистка!

Она спрашивает Жоржа:

«– Так где же, по-твоему, правда? Ведь не в белых же?»

– Нет.

– Не в зеленых же?»

– Нет.

– Не в старых же партиях?»

– Нет.

– Так где же?»

– Не знаю... На заводе, в казарме, в деревне, у простых и неискушенных людей. Но не в вас...»

Жорж уходит. «Конь вороной» заканчивается примечательными словами. «Пальнули. И раненая, бьется Россия. Пальнули не только они, пальнули и мы. Пальнули все, у кого была винтовка в руках. Кто за Россию? Кто против? Мы?.. Они?.. И мы и они?»

В этом мучительном размышлении – тяжкие сомнения, которые начали терзать душу Савинкова, еще совсем недавно бескомпромиссного борца с большевизмом. Он всегда знал, как действовать, и действовал. А теперь?

О новой иностранной интервенции в Россию речи быть не могло. Антибольшевизм в России был разбит. Большевизм, казалось, переродился, и интересы Запада менялись. Белая, зеленая, красная Россия – для него безразлично. Главное – собственные интересы и финансово-экономическая выгода. И он, Запад, будет поддерживать отношения с той Россией, которая в данный момент этому более всего соответствует. Красные победили – значит с ними и надо «иметь дело». Савинков понимал это.

А эмиграция?

Ничего, кроме неприятия, даже отвращения, она у него не вызывала. Политиканы и публицисты из эмиграции занимались поисками виновных в революции, схоластическим толкованием сущности большевизма, составлением проектов постбольшевистской России. А эмигрантская масса просто хотела выжить. В начале января 1923 г. Савинков писал С. Прокоповичу и Е. Кусковой: «...Для меня ясно, как божий день, что 1) монархисты провалились, эсеры провалились, кадеты провалились. Все партии провалились и ни одна из них не в силах и не в разумении построить новую Россию. 2) Эмиграция... в лучшем случае (Неразборчиво в тексте. – Г.И.)..., а в худшем – клубок интриг, мелких честолюбий, мелкой подлости и т.д. за исключением немногих отдельных людей. Я говорю, разумеется, о верхах... Отсюда ясно, что человеку с живой душой надо возвращаться в Россию и не стать, конечно, коммунистом или сменовеховцем... но работать в России легально, ибо при всех режимах можно быть полезным своему народу; либо, оторвавшись душевно и, если возможно, физически от гнилой эмиграции, найти в России людей, с которыми работать нелегально, ибо при всех режимах можно бороться за свободу... Но я не испугаюсь сказать,

что эмиграцию ненавижу так же, как коммунистов, и если на смену Ленину придут эмигранты, то бороться не стоит»⁶.

А что же Союз – НСЗРиС..? Во время допросов на Лубянке Савинков уверял: «К 1923 г. организация была совершенно разбита, Союза, в сущности, не было, людей не было, денег не было. А главное, передо мной стоял вопрос вообще о прекращении работы. Можете этому не верить, но это так и никак иначе»⁷.

В показаниях Дикгофа-Деренталя на Лубянке проскользнула очень важная, существенная фраза: «Мне кажется, у Б. В. Савинкова последнее время был большой душевный кризис»⁸.

И все больший, жгучий интерес вызывала у него Россия. Дикгоф-Деренталь свидетельствовал: «Ему казалось, что о происходящем в России мы имеем неверные сведения, и что здесь уже образовалась новая Россия, новый быт, новые отношения, которых мы за границей, по оторванности нашей, совершенно не знаем, и что нужно самому ему видеть все, дабы принять то или иное решение»⁹. Потому он и стремился быть поближе к русским, приехавшим на Запад.

Примечания

¹ ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 381. Л. 1–2об.

² ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 406б. Л. 1.

³ ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 408. Л. 6–8.

⁴ Речь шла о покушении на наркома иностранных дел Г. Чичерина, остановившегося в Берлине проездом в Геную. Но ничего не вышло. У одного из террористов «не выдержали нервы», и он не решился стрелять. Другой испугался и попросту сбежал. Третий перепутал место, откуда он должен был стрелять в Чичерина.

⁵ Борис Савинков на Лубянке. С. 72.

⁶ ГА РФ. Ф. 5831. Оп. 1. Д. 408. Л. 6–8.

⁷ Борис Савинков на Лубянке. С. 71.

⁸ Там же. С. 394.

⁹ Там же.

СОБЫТИЯ И СУДЬБЫ

*Александр Симонов
Анатолий Симонов
Сергей Карпенко*

ДЕЛО ЯКОВА ЛИМАНСКОГО

Очерк этот – о человеке редкой судьбы. Очень редкой. Арестованный в 1937-м органами госбезопасности и обвиненный в «организации антисоветской вредительской группы», он не дал себя сломить. После года следствия и тюремного заключения военный трибунал признал его невиновным. Выйти победителем ему помогли стойкость, убежденность в своей правоте, жизненный опыт, образованность. Он не только свою жизнь сохранил и вернул себе свободу – спас от расстрела и своих подчиненных.

Его имя – Яков Тимофеевич Лиманский.

Очерк – художественно-документальный. Написан по материалам сохранившегося следственного дела, неопубликованным воспоминаниям его дочери, документам Российского государственного военного архива, Центрального архива Министерства обороны, Государственного архива Астраханской области, Государственного архива Саратовской области и Государственного архива новейшей истории Саратовской области.

* * *

Глухой ноябрьской ночью от Балашовского районного отдела НКВД отъехал автофургон, обитый крашеной жстью. Тяжело одолев семь с лишком километров расквашенной дождями грунтовки, в четвертом часу он добрался до центральной усадьбы Сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии № 1. Подкатил поближе к стоящим особняком, на голом месте, одноэтажным служебным домикам начсостава.

Из кабины выпрыгнул, хлопнув дверцей, высокий молодой человек в черной кожаной куртке и сине-красной фуражке. К нему уже спешил, путаясь в полах шинели, начальник оперативной части колонии Каверин. Ждал, как было приказано, – прилег одетым. Выскочил из своего домика, едва услышал тарактеные мотора.

– Здравия желаю, товарищ Барышев. Как доехали?

– Лиманский где?

– На квартире у себя.

– Живо к дежурному...

– Есть!

Козырнув, Каверин торопливо пошагал к контрольно-пропускному пункту в «зону». В напоминаниях не нуждался: задача его – вызвать начальника караула, а затем пройти в контору, к дежурному по колонии, и остаться с ним рядом, у телефона. Обоих предупредить: на центральную усадьбу прибыла опергруппа и проводит чекистское мероприятие, караульным стоять на своих постах, случится шум какой – разберутся без них. Впрочем, был уверен, обойдется без шума: сержант госбезопасности Барышев хоть и молод, а дело свое знает.

Крепко держа винтовки с примкнутыми штыками, из автофургона поспрыгивали трое бойцов. В длиннополых шинелях с малиновыми петлицами внутренней охраны НКВД. Без команды устремились за старшим опергруппы.

По знакомым ступенькам Барышев легко взшел на узкую летнюю террасу, освещенную электрической лампочкой. Это был дом начальника колонии. Постучал требовательно. Сноровисто расстегнул кобуру и планшет...

Начальник колонии Лиманский быстро поднялся с кровати. К ночным стукам в дверь привык за свою жизнь. Но этот стук – особый... Холодом обдало: пришла беда – отворяй... Набросил шинель поверх нательной рубахи. Зажег свет в столовой. Не спрашивая, откинул крючок. Увидел Барышева – все понял прежде, чем услышал:

– Гражданин Лиманский Яков Тимофеевич! Вы арестованы! Вот постановление.

Сердце оборвалось. Попытался хоть мельком глянуть на постановление об аресте и обыске – не успел.

Торопливо засовывая бумагу в планшет, Барышев шагнул внутрь. Начальника колонии – теперь уже бывшего – не то чтобы отстранил, а скорее обошел.

Расположение комнат и дверей он знал. Эта, длинная, – и столовая, и кухня. Слева, у самого окна, – обеденный стол. У противоположной стены – сундук. На столе – аппарат полевого телефона, провод протянут к дежурному. Одна дверь ведет в спальню, другая – в «залу». Обе нараспашку. Заслонка и дверца печи закрыты. Сожженной бумагой не пахнет. Печь остыла, и в доме, отметил машинально, не слишком-то тепло, а ведь не май месяц на дворе.

Прошел в темную «залу», шелкнул выключателем. За ним, подталкивая арестованного, двинулись двое бойцов. Третий захлопнул за собой входную дверь. Загородив проем, стянул винтовку с плеча, передернул затвор, поставил «к ноге»

– Партийные и служебные документы предлагаю сдать! – высокий голос Барышева грозно звенел металлом. – Оружие в доме есть? Боеприпасы? Запрещенная литература? Предлагаю все сдать!

Какое и где тут оружие, Барышев знал и без хозяина. В «зале» – железная кровать, где спит семилетняя дочь Лиманского, этажерка с книгами, тумбочка, на ней – патефон. Дверь в спальню приоткрыта. Там, кроме широкой железной кровати, – еще две тумбочки и сундук. На стене – охотничье ружье.

Распахнул дверь, заглянул.

– Вставайте и одевайтесь! – велел жене арестованного. – Электричество включите. И поживее! Возьмите ребенка.

Девочка уже проснулась, оторвала голову от подушки, протирала глаза кулачками.

Молодая женщина, поправляя платье, вышла поспешно. Коротко стриженные темно-русые волосы спутаны. Карие глаза распахнуты, потемнели до черноты от испуга. Руки судорожно сомкнулись, прикрыв рот.

– Анна, успокойся... – Лиманский неимоверным усилием воли придал голосу уверенности. – Товарищи разберутся...

– Разберемся, конечно... – процедил Барышев, входя в спальню. – Документы давайте сюда!

Кивком указал бойцу на охотничье ружье, висящее на белой стене рядом с портретами Ленина и Сталина. Пока тот снимал ружье и проверял, заряжено ли оно, Барышев следил, как Лиманский достает из нагрудного кармана гимнастерки документы. Дрожи в руках не заметил. Забирая у арестованного партбилет и спецпропуск в Управление НКВД по Саратовской области, отвел взгляд в сторону.

Зло сорвал со спинки стула гимнастерку. Один за другим отодрал от петлиц латунные «кубики»... Из защитных шаровар выдернул ремень, застегнул мотню и рванул – жестяные пуговицы полетели во все стороны. Ремни с португеей передал бойцу.

– Шинель давайте!

С той же злостью пообрывал «кубики» с петлиц шинели.

Гимнастерку и шаровары, лишенные воинского вида и достоинства, швырнул в руки Лиманскому.

– Одевайтесь.

Одевался Лиманский неспешно. Первое ошеломление схлынуло. Взял себя в руки, подавил страх, униженность. Движения его обрели обычную четкость и уверенность. Нужно справиться и со стыдом. Но опозоренное командирское обмундирование – сущая мелочь по сравнению с угрозой смерти. Мысль, что такое может случиться, допуская. И вот оно – случилось. Пришло самое страшное в его 40-летней жизни. Страшнее артобстрелов и газовых атак германцев, страшнее прорывов уральских белоказаков и польских улан, страшнее недорода и голода, страшнее обвинений в «правом уклоне» и исключения из партии... Теперь нужно собрать в кулак волю, нервы, разум. Начинается самый главный бой в его жизни – за саму жизнь. И за будущее дочери и жены – самых близких людей, кого роднее нет у него на всем белом свете.

Женщина, взяв сонную девочку на руки, прислонилась к стене. Ее заколотил озноб. Дрожащим голосом попросила разрешения пройти к вешалке и взять пальто.

– Ничего, перетерпите! – отрезал Барышев. – Не на Соловках еще...

Пышущий праведной суровостью, он посбрасывал все с кровати на пол – сначала с родительской, потом детской. Сам прощупал пуховые подушки и перины, ватные одеяла.

Из тумбочек повыкидывал разную мелочь, белье, патефонные пластинки. Перебрал все, ничего не пропустил.

Принялся за сундуки.

Стоящий в спальне оказался наполовину заполнен одеждой. На самом дне, под овчинным полушубком, лежала жестяная, ярко раскрашенная коробка из-под конфет, крест накрест перетянутая бечевкой. В ней обнаружили 24 патрона к ружью и с полфунта пороха. Одежду Барышев разворошил на полу. Тщательно осмотрел ее и прощупал, карманы вывернул. Комнату наполнил муторный запах нафталина.

В другом сундуке, в столовой, хранились продукты. Чертыхаясь, Барышев на пару с бойцом перевернул его на бок. На пол вывалились бумажные кульки. Из них посыпались наколотые желтоватые куски сахара, соль, мука, макароны, пшено, манка, сухофрукты. Покатились старые водочные бутылки с подсолнечным маслом и уксуом.

Осмотрев одежду на вешалке, Барышев разрешил жене арестованного:

– Можете одеть пальто.

Очередь дошла до этажерки – до книг, тетрадок, альбома с фотографиями, пачки писем, туго перевязанной ленточкой. После просмотра все летело на пол... Среди книг Барышеву попала тоненькая брошюра – резолюция июньской областной партконференции со стенограммой выступления первого секретаря Саратовского обкома ВКП(б) Криницкого.

– Вам не известно разве, что Криницкий разоблачен как враг народа?! И уже расстрелян...

Бойцы внутренней охраны НКВД – крепкие деревенские парни с грубыми, обветренными лицами – были хорошо обучены и набрались уже опыта. Успевали и ко всему сказанному прислушиваться, и за арестованным с его женой присматривать, и все окна с дверями держать под наблюдением. Сиганет враг народа в окно, сбежит, сволочь, – их самих к стенке поставят. Ценная вещь какая пропадет, часы там наручные или деньги, – тоже трибунал. Хотя в этом доме ценностями и не пахнет. Одежды мало и вся простая. Мебель – казенная. На всем – кроме разве этажерки и патефона – овалы жестяные бирки с инвентарными номерами.

Лиманский стоял у оголенной детской кровати, слегка держась за блестящую никелированную спинку. Намертво сцепил зубы. «Это какая-то ошибка», «это недоразумение», «я, товарищи, честный работник», «предан всей душой нашей партии» – такие благоглупости теперь ничего, кроме вреда, не принесут. Всем известно: органы не ошибаются. Дважды пронзительно, требовательно глянул жене в глаза – та поняла и тоже молчала. Присев на стул, посадила задремавшую девочку на колени, прижала к груди. Зябко кутаясь в накинутое на плечи пальто, старалась прикрыть ее полый.

За тем, как проводится обыск, Лиманский наблюдал внимательно. Уж кто-кто, а он-то эти порядки знает... Суровость Барышева вдруг показалась ему напускной, наигранной. Если так – рассчитана она, конечно, на рядовых бойцов.

Начальство наверняка потом расспросит их, а то и рапорт написать прикажет, как старший опергруппы произвел арест и обыск. Что говорил, как вел себя? Не заметно ли было каких признаков сговора между ним и арестованным врагом народа?..

Странная мысль неожиданно пришла ему в голову. Нелепая совершенно – отогнал ее, отмахнулся. Но она вернулась и засела крепко. А почему именно ночью Барышев решил арестовать его?.. Ведь куда сподручнее было бы среди бела дня заявиться с опергруппой прямо в его служебный кабинет, на глазах у всех. Унизить, взять на испуг, не тратить время на обыск, сразу начать «колоть», по горячему выбить признание... Нет, пришел на квартиру, до общего подъема. И понятых не взял – установленный порядок нарушил... За четыремья ближайшими его помощниками, месяц почти назад, приехал засветло. Первым делом поставил в известность его, начальника колонии. Аресты и обыски произвел в присутствии понятых – служащих конторы. А сейчас кого бы он мог взять? Только дежурного да кого-то из караульных. Что, не захотел унижать его перед подчиненными?.. В носильных вещах самолично копался. Каждую книжку, каждую тетрадку перетряхнул, фотографии все пересмотрел. Теперь вот письма перебирает, обратные адреса перечитывает. Излишне усердно... Ясно же и без обыска: нет у него дома ничего запрещенного, никакого «компромата». Просто быть не может! Даже брошюра эта с материалами партконференции – никакая не улика, ничего она не доказывает... Что Криницкий расстрелян уже – новость. Барышев мог бы и попридержать язык...

Забрав несколько писем, остальные Барышев небрежно кинул себе под ноги. Обыск занял меньше часа.

Прощание было коротким, без слов. Девочка спросонья так и не поняла, что произошло. Женщина оцепенела: мужа ее арестовали и уводят. Быть может, навсегда. Сжав до боли зубы, держалась из последних сил...

Первым размашисто шагнул к автофургону боец. На плечо, рядом со своей трехлинейкой, он повесил охотничье ружье арестованного. Другой, следом, нес наволочку, в которую увязали прочие конфискованные вещи. За ним, придерживая руками шаровары, – Лиманский. В шинели нараспашку, без фуражки. Чуть не оперев ему в спину штык, его конвоировал третий боец. Шествие замыкал Барышев.

Шофер засуетился, резко крутанул ключом – мотор затарахтел, застучал.

Над колонией вставал мутный сырой рассвет воскресного дня 21 ноября 1937-го...

* * *

Крестьянский род Лиманских ведет начало из Малороссии, из-под Полтавы.

В середине XVIII в., при императрице Елизавете Петровне, русское правительство для вывоза соли с озера Эльтон и заселения необжитых степных просторов Заволжья стало зазывать малороссов. Позже, при Екатерине Великой,

кроме малороссов и великороссов, вербовали и завозили из-за границы немцев, молочан и раскольников, бежавших из России. Каждой семье обеспечивали бесплатный проезд, давали подъемные деньги. Наделяли землей. На много лет освобождали от налогов и воинской повинности. Сулили и другие льготы.

Переселенцы из Малороссии и черноземных губерний Великороссии ехали без особой охоты – от беспросветной нужды, из-за губительного малоземелья.

Большая семья Лиманских приехала из-под Полтавы уже при Николае I. Вместе со своими земляками осваивали нетронутые сохой равнинные просторы огромного Новоузенского уезда. Поселение свое назвали Полтавкой. Вслед за ними из отчих мест прибыли другие переселенцы. И тоже Полтавку основали. Оттого первую стали именовать Старой Полтавкой. Кто-то не выдерживал – возвращался в Малороссию. Оставшиеся приспособивались к новым, куда более суровым условиям, проявив коренные черты малороссийского характера – хозяйственность, упрямство, жизнестойкость. Сохраняли и язык свой певучий, и красочную одежду, и многовековые обычаи.

Один из Лиманских, правда, «начудыв»: взял да и женился на цыганке. Ее черты лица, смуглый цвет кожи, черные волосы, густые и волнистые, передались потомкам.

Родился Яков, сын Тимофея, 6 октября 1896-го. На его внешности цыганская кровь сказалась слабо: лишь пышной черной шевелюрой да смуглой кожей. А вот старшая сестра Мария и младшие, Петр и Василиса, пошли в прабабку.

Их беззаботное озорное детство оборвалось весной 1906-го. В те годы в Среднем и Нижнем Поволжье, как и в других «лихорадочных» местностях Российской империи, свирепствовала малярия. От нее-то и умели сразу оба родителя – Тимофей Павлович Лиманский и Евдокия Денисовна, в девичестве Чумакова.

Сирот взял на воспитание младший брат Тимофея – Федор Павлович. Марию сразу приставили к домашнему хозяйству. 9-летний Яков сам вызвался помогать дяде в поле. Три года спустя вместе с подростком Петром начали батрачить на богатых односельчан. Сеяли пшеницу и рожь, сажали картофель.

И отец покойный, и в семье дяди Федора, и многие из соседей обыкновенно говорили на малороссийской «мове». В сельском народном училище Якова обучили великорусскому языку – читать и писать. Занятия шли прерывисто, с поздней осени до ранней весны, когда не было полевых работ. Из предметов нравились ему арифметика и география. А больше всего полюбил читать. На уроках Закона Божьего клал книжку на колени и забывал обо всем... Не раз батюшка хватал его за ухо, вытягивал из-за парты и выставлял за дверь. В небольшой училищной библиотеке были не только учебники, но и рекомендованные Министерством народного просвещения книги – сочинения Пушкина, Гоголя, Толстого, Достоевского...

Семья Федора Лиманского росла. В 1913-м родился мальчик. В память о старшем брате назвали Тимофеем. Мария, почти уже невеста, и Василиса нянчили его. Яков, как ни устал от работы, всегда находил время повозиться с малышом, игрушки ему мастерил.

* * *

Война с Германией разразилась неожиданно-негаданно. Грянула мобилизация. Старая Полтавка, вместе со всей российской деревней, на глазах превращалась в бабье царство.

В начале 1915-го Николай II призвал в армию новобранцев в возрасте 21-го года. Кому исполнилось 18 лет, положенные по закону, спешили жениться до призыва, оставить ребенка: кто ж его знает, случится ли живым и здоровым с войны вернуться... Ведь забрить в любой день могли: армия отступала, несла страшные потери. Земская почта исправно доставляла с фронта извещения: «пал смертью храбрых за Веру, Царя и Отечество». С подвернутыми штанинами, на костылях, или с пустыми рукавами возвращались домой калеки. От их рассказов кровь стыла в жилах. А войне конца-краю не видать.

У Якова была и другая причина поспешить с женитьбой: в семье дяди Федора жили дружно, но не терпелось уйти на самостоятельные хлеба.

Обвенчавшись с «дивчиной» с соседней улицы – Варварой ее звали, – получил Яков, как положено, от сельского общества земельный надел. Переселился в родительский дом, изрядно обветшавший. Не только жениться и стать хозяином успел, но и новорожденного сына взять на руки. Назвали Иваном.

Трудился Яков на своем наделе истово. А война свое дело делала: чем дальше – тем сильнее разоряла страну. Особенно деревню: рабочих рук все меньше, урожаи падали, а цены на сельхозорудия и все промтовары, нужные земледельцу, росли неумолимо. Ничего не оставалось Якову, как наняться в работники к дяде Николаю, брату покойной матери, – на его паровую мельницу. Работал до седьмого пота, весь в муке по самую шевелюру. К мельничному делу заодно присматривался. А сам крепко надеялся на хорошую погоду весной и летом 1916-го, на высокий урожай... Но в начале года пришлось оставить все – и надежды, и землю, и дом, и молодую жену с младенцем: царь призвал новобранцев сразу двух возрастов – 19- и 20-летних.

В уездном по воинским делам присутствии, что ведало призывом,

Яков Лиманский
Саратов, 1916 г.

его проверили на грамотность, знание арифметики и сметливость. Остались довольны. И направили в 4-ю запасную артиллерийскую бригаду.

Бригада стояла в Саратове. На Ильинской площади, перед казармой, новобранцы занимались строевой подготовкой. Уставы конспектировали и заучивали наизусть. Овладевали прицельными приборами. Осваивали материальную часть орудий. И в учебе, и в дисциплине, и во внешнем виде Яков был «справный солдат». Офицеры отличали его за расторопность и смекалку.

Когда пришло время практических занятий – ставили батарею на высоком берегу Волги и наводили на разные точки противоположного берега, а то и на проплывающие баржи, плоты. В такие минуты Яков представлял: где-то там далеко, за Волгой, в степи, – его родное село. Там ждут его жена и сын. Ждет земля. Хоть и не своя, но другой нет... Дело, однако, не забывал. Проверив точность наводки, командиры хвалили его.

Прошло несколько месяцев, обучение закончилось. Назначили его младшим фейерверкером (орудийный начальник, он же наводчик) в одну из батарей формируемой 117-й артиллерийской бригады, вошедшую затем в 117-ю пехотную дивизию. В начале июня дивизию перебросили на Юго-Западный фронт. Яков участвовал в Брусиловском прорыве, в кровопролитных встречных боях с австро-венгерскими и германскими войсками в Галиции и в Карпатах. Воевал он, как и крестьянствовал, добросовестно. Орудийным расчетом командовал умело.

В 1917-м дивизия была перебросена на Западный фронт, во 2-ю армию.

Февральскую революцию Яков встретил радостно, как и вся многомиллионная солдатская масса: крестьяне в шинелях давно возненавидели «империа-

**Яков Лиманский (первый ряд справа)
с сослуживцами**
Саратов, 1916 г.

листическую бойню». На чем свет стоит кляли царя. Жаждали мира, земли и воли. Наслушавшись партийных ораторов, начитавшись газет, летом 1917-го он принял сторону большевиков, обещавших немедленно прекратить войну. А еще – разделить все частновладельческие земли между крестьянами по справедливости.

После взятия большевиками власти в Петрограде, в ноябре, вместе с другими частями Западного фронта, перешедшими на сторону нового правительства – Совета народных комиссаров, – 117-я артбригада участвовала в окружении и взятии Ставки в Могилеве. Руководил операцией прапорщик Крыленко, назначенный Совнаркомом верховным главнокомандующим. Овладев Ставкой, первый советский главнокомандующий сформировал для ее охраны Особый отряд. В него была включена и батарея, в которой служил Яков.

Начались наконец-то мирные переговоры делегации Совнаркома с немцами в Брест-Литовске. Старая армия разваливалась. Считая ненавистную войну законченной, солдаты, прихватив свои винтовки, толпами покидали части и расходились, разъезжались по домам. Неудержимо тянуло в родные края и Якова – к жене и сыну, к обещанной земле.

В середине февраля 1918-го он демобилизовался.

* * *

Гражданская война отмерила Якову Лиманскому всего три месяца мирной жизни, домашнего уюта и хозяйственных забот. Дом, давно нуждавшийся в починке, ждал его крепких, умелых рук – не дождался.

Младший фейерверкер Яков Лиманский
1916 г.

В мае 1918-го, еще до восстания Чехословацкого корпуса, советские власти Новоузенского уезда объявили мобилизацию фронтовиков: защищаться от уральских казаков. На Уральскую область надвигался голод, однако Новоузенский Совет по приказу из Москвы отправлял хлеб в центральные губернии. А казакам, не признавшим власть Совнаркома, в хлебе отказал. Вот они и повадились совершать набеги на уезд – силой отбирать зерно.

Среди новоузенцев нашлось немало заколебавшихся, уклонившихся: «Навоевались досыта, буде с нас!» Но пришлось все же делать выбор, чью сторону принять. Яков не колебался: Советскую власть нужно защищать. Многие из его земляков поступили иначе: выражаясь по-местному, «ушли в казаки».

Попал Яков в один из новоузенских полков.

Скоро лагерь противников Совнаркома пополнился восставшим Чехословацким корпусом и самарской Народной армией. В ответ из красных заволжских полков была создана 4-я армия Восточного фронта. К концу 1918-го в нее входили 25-я стрелковая и пехотная Николаевская дивизии, а также Александро-Гайская бригада. В двух последних и воевали новоузенцы. Яков – в одной из артиллерийских батарей.

В начале весны 1919-го его батарея была включена в гаубичный дивизион 25-й Самарской стрелковой дивизии, которой с марта командовал бывший фельдфебель Чапаев.

В апреле Яков был легко ранен. И тогда же дивизионная партячейка приняла его кандидатом в РКП(б). А в начале июня, в разгар боев за Уфу, политотдел дивизии откомандировал его в Самару – в партийную школу при политотделе Южной группы Восточного фронта.

До Самары он добрался 11 июня. Прибыв в школу, заполнил «Основную карту кандидата». В графе «Родной язык» указал «малороссийский». В графе о полученном образовании – «общенародное». В графе «Профессия до революции» – «крестьянствовал». Отвечая на 23-й вопрос – «К какой работе чувствуете наибольшую склонность», – старательно вывел: «К инструктор-агитатор.»

В армейских партийных школах готовили низовой партактив – политбойцов, умеющих и политинформацию провести, и по душам с красноармейцем на политические темы побеседовать. Слушателям разъясняли решения VIII съезда партии большевиков о строительстве регулярной Красной армии, важнейшие работы Ленина и передовые статьи в «Правде». А главное – учили растолковывать все это красноармейцам. Программа была рассчитана на два месяца, но ее спешили «прогнать» поскорее: Южная группа Фрунзе вела тяжелые бои с колчаковцами. И уже 14 июля Яков был отправлен обратно в свой гаубичный дивизион.

Прибыл в Уральск – бывший «стольный град» Уральского казачьего войска, – когда его только-только удалось вызволить из казачьей блокады. И сразу – на передовую, в самое пекло. Каждая верста линии Рязано-Уральской железной дороги давалась чапаевцам большой кровью.

После гибели в сентябре 1919-го начдива Чапаева 25-я стрелковая дивизия получила его имя. Командовал ею теперь Кутяков, бывший унтер. На всю осень и зиму она увязла в кровопролитных боях за Уральскую область: казаки дрались озверело. Оно и понятно: и за жизни свои дрались, и за добро, и за вольности казачьи... Немало боевых товарищей потерял Яков. В январе 1920-го он участвовал во взятии Гурьева.

Рядом с Яковым воевал и младший брат Петр. Ему, родившемуся 23 августа 1898-го, послужить в царской армии не довелось. Но в Красную армию он вступил раньше старшего брата, добровольно – 20 февраля 1918-го. Тогда во многих районах страны для отражения немецкого наступления на Петроград стали создаваться всякого рода воинские формирования. В Новоузенске стоящие у руля местной Советской власти эсеры организовали «вольную дружину». Правда, отправить ее на «германский фронт» не успели. Но уже в мае она вошла в Красную Армию Саратовского Совета, и боец-дружинник Петр Лиманский участвовал в 1-м походе на Уральск. Потом воевал в Новоузенской и Уральской дивизиях, а в марте 1919-го стал красноармейцем 73-й бригады 25-й стрелковой дивизии – знаменитой «чапаевской гвардии». При штабе 4-й армии, в городе Пугачеве (до 1918 г. – Николаевск) окончил курсы младших командиров, и в Гурьевской операции уже командовал взводом. Однако слабое зрение – страдал им с детства – затрудняло исполнение командирских обязанностей.

В мае 1920-го, после вторжения польских войск в Советскую Украину, 25-ю Чапаевскую дивизию перебросили на Юго-Западный фронт. В июне Яков освобождал от поляков Киев, в августе брал Ковель, дрался на Западном Буге... И слушал внимательно жаркие речи комиссаров, и сам пытался растолковать красноармейцам: ждут, мол, нас товарищи польские и германские рабочие, мировая революция – не за горами. Дашь Львов и Варшаву!.. Но умирать на чужой земле за неведомую мировую революцию мало кто горел желанием. А в Польше, только-только обретшей независимость, высоко поднялась волна патристических, антирусских настроений... «Поход на Варшаву» обернулся позорным поражением.

18 октября военные действия на советско-польском фронте прекратились. 25-я Чапаевская была брошена на борьбу с «бандитизмом» на Украине. А красноармейца Якова Лиманского 20 октября направили в Киев – на артиллерийские курсы.

Учиться на красного командира принудительно посылали тогда всех мало-мальски грамотных, владевших военной специальностью красноармейцев. Чего уж говорить о «партийных»... Ни о какой демобилизации не могло быть и речи: большевистские вожди еще грезили мировой революцией.

И пришлось Якову снова тянуть военную лямку. Но не в аудиториях и на учебных полигонах, а во 2-й Сводной дивизии курсантов. До конца весны 1921-го гонялась она за «бандами» батьки Махно. Не слишком-то удачно: «банды» были многочисленными, хорошо вооруженными и организованными. А главное – невероятно живучими. Ибо в «бандах» тех состояла чуть ни вся сельская Украина: что ни село – то «банда». Виной тому была продрозверстка. Проводилась она на Украине, по признанию наркома просвещения Луначарского, «в высшей степени тупо и жестоко» – вот и привела к поголовной ненависти селян к большевикам и Советской власти.

Потомственный земледелец, Яков не мог не задумываться, не сомневаться, так ли уж правильна эта самая продрозверстка. Неужто совсем обойтись без нее нельзя? К чему так рьяно запрещать свободную торговлю? Ведь крестьянин жизни своей не представляет без торговли по вольным ценам: зачем же урожай растить, если его продать нельзя с выгодой?.. Вот и из Поволжья все чаще приходили письма родных об их горьком житье-бытье. В каждом – отчаянные жалобы на беспощадную продрозверстку-«грабильку».

Вернулись киевские курсанты-артиллеристы уже в новое учебное заведение: курсы были преобразованы в 4-ю артиллерийскую школу.

* * *

4-я артшкола располагалась на месте бывшего Николаевского артиллерийского училища, в Кадетской роше. От училища ей достались щедро отведенный участок земли – 18 десятин, – несколько четырех- и пятиэтажных зданий, самый большой в стране плац для батарейных учений. А еще – свой водопровод из артезианского колодца, канализация, электростанция, хлебопекарня, прачечная. Общежитие курсантов, классы, клуб, столовая – просторные и светлые – содержались в чистоте. И все же курсанты заболели холерой, обычно – во время командировок. Заболевших клали в изоляторы школьного медицинского околка. Лекарств не хватало, но умелые врачи и сестры почти всех ставили на ноги.

Преподавали в школе русский и украинский языки, математику, физику, химию, природоведение, географию, историю, обществоведение, черчение. Из военных наук – тактику, артиллерию, тактику артиллерии, топографию, фортификацию, гиппологию (наука о лошади), военную гигиену.

Был и еще один, специальный, предмет – «борьба с бандитизмом». Командировки курсантов в том и состояли: вместе с чекистами и войсками внутренней службы они охотились на «банды» селян, устраивали облавы.

Можно представить, что творилось в душе Якова. Ему выпала доля горше некуда: на земле его предков воевать со своими «родычами»-малороссами, такими же «хлиборобами», как и он сам.

А в Поволжье свирепствовал голод – страшное последствие продрозверстки... Жена Варвара и сын Иван еле выжили: спасибо, родственники помогли. Писал рапорты, упрашивал начальство отпустить в краткосрочный отпуск – отвозил деньги, продукты... Дядя Федор голода не пережил. Осиротевшего 8-летнего Тимофея взяла на воспитание Мария, только что вышедшая замуж. Долг платежом красен...

Отчаянное, неодолимое сопротивление крестьян продрозверстке вынудило Ленина заменить ее натуральным налогом, вернуться к свободной торговле, разрешить частное предпринимательство. Новая экономическая политика успокоила крестьян, позволила им начать восстановление своих хозяйств.

Окончив артшколу в мае 1924-го, Яков Лиманский получил среднее общее и военное образование. Ему присвоили служебную категорию «командир огневого взвода». Один «кубик» в петлице. Перед ним – с его крестьянским происхождением, ярким революционным и боевым прошлым, партийностью, образованием – открылась возможность быстрой карьеры в РККА. Красного командира, а то и политработника.

Но его тянуло к земле – к своей земле, что ждала его в Старой Полтавке. Все чаще вспоминал он дядю Николая, мельника. Дивясь когда-то трудолюбию племянника, тот сразу выделил его среди своих работников. Провожая в 1916-м в армию, посулил: «Вот возвратишься, Яшка, с войны, – помогу человеком стать».

Деревня оживала. Опустошительный голод уходил в прошлое.

А в Красной армии, как отгремели бои, дела шли все хуже и хуже: денег на ее содержание катастрофически не хватало. Недостаток всего и вся, привычный для командиров и бойцов, быстро превращался в унижительную нужду. В гарнизонах пошли тревожные, тягостные разговоры о неминуемом вскоре сокращении армии.

В июне 1924-го Яков Лиманский демобилизовался и вернулся в родное село. Пути их с младшим братом разошлись.

Петр служил в 25-й Чапаевской дивизии, размещенной на Полтавщине. Зрение слабело, выполнять обязанности строевого командира ему становилось все труднее, и в 1924-м его перевели на должность старшины роты. Тут он быстро почувствовал вкус к хозяйственной работе, к продуктовому и вещевому снабжению. В марте 1925-го его приняли в партию.

Сокращение Красной армии началось. Страшная нужда, до невозможности прокормить семью, и утрата надежд на скорое повышение по службе породили среди краскомов «упаднические настроения». Пошатнулась дисциплина. По гарнизонам прокатилась волна самоубийств.

В сентябре 1925-го Петр демобилизовался. И уехал в Астрахань, богатый рыбный край, где устроился в рабочую потребительскую кооперацию – продавцом в магазин Рыболовпотребсоюза.

* * *

Ко времени возвращения Якова Лиманского домой Старая Полтавка, вместе с частью бывшего Новоузенского уезда, вошла в Республику немцев Поволжья, стала центром Старо-Полтавского кантона (района).

Земля, как оказалось, особо его не ждала: все плодородные, удобные уголья были поделены между состоятельными членами сельской общины. Жена с 9-летним сыном прозябала в бедности. Права старая поговорка: муж на службе – жена в нужде. Варвара тоже с нетерпением его не ожидала, встретила без особой радости.

При постановке на учет в партийном комитете кантона ему предложили поработать в административном отделе исполкома Старо-Полтавского Совета – старшим милиционером. Рассудили по-большевистски: и партийный, и образованный, и фронтовик, и вообще с опытом товарищ...

Согласился скрепя сердце: тяжело было от мечты своей крестьянской отказываться. Здравомыслие взяло верх: жалованье пусть и невелико, однако ж при власти какой-никакой и при оружии – можно и эдак в люди выбиться...

Так он попал в ведомство Наркомата внутренних дел РСФСР – тогда еще республиканского, занимавшегося в основном строительством органов Советской власти на местах и коммунальным хозяйством. Но входившее в него Главное управление рабочей-крестьянской милиции в оперативном отношении подчинилось ОГПУ, грозному наследнику ВЧК.

Ему приходилось блюсти порядок на митингах и праздниках, приводить в чувство пьяниц, усмирять дебоширов, ловить воров и грабителей. Своих же од-

носельчан... Порученное дело наладил. Его старательность оценили: в августе 1924-го перевели из кандидатов в члены РКП(б).

А вот семейная жизнь разладилась вконец. Скоро Варвара заявила, что уходит к другому. Подала на развод и, забрав сына, укатила в Саратов, где тут же вышла замуж...

Ленин, круто повернувший экономическую политику в пользу крестьян, умер. Но 1925-й год укрепил их надежды на свободное хозяйствование, сытую и благополучную жизнь: Совнарком весной понизил размер сельхозналога и перевел его в денежную форму, разрешил, подобно Столыпину, выходить из общины, создавать самостоятельное хозяйство, арендовать землю и использовать наемный труд. Бухарин и другие вожди правящей партии призывали крестьян развивать свои хозяйства, богатеть.

Но Якову уже не так просто было вернуться к труду земледельца. Да и хотения, видимо, поубавилось... В июле 1925-го его повысили: назначили инструктором исполкома. А в октябре

1926-го направили на учебу в советско-партийную школу Республики немцев Поволжья. Находилась она в столице республики – городе Покровске (бывшая Покровская слобода Саратовской губернии).

Совпартшколы готовили партийных, советских и хозяйственных работников. Знаниями там нагружали «под завязку». В свидетельстве Я.Т. Лиманского об окончании полного, двухгодичного, курса, выданном 15 июня 1928-го на русском и немецком языках, – 18 предметов. Среди них – математика, естествознание, экономическая география, политическая экономия, экономическая политика, исторический материализм, история партии, история классовой борьбы, методика пропаганды, агрономическая грамота, «партстрой», «хозстрой».

Пока он учился, эти самые «партстрой», «хозстрой»

и «хозстрой», вся обстановка в стране, резко менялись. Как и многие, Лиманский ясно видел внешние признаки этих перемен. Знал он и то, что было скрыто от «рядовой массы»: уже варился в котле местной партийной жизни.

В ЦК ожесточенно спорили, как преодолевать ежегодно случавшиеся хозяйственные кризисы, как строить социализм. Ведь надежды на мировую революцию, говоря по-ленински, «крахнули». Стало ясно: СССР придется в одиночку противостоять всему капиталистическому миру. На почве этих споров, а то и под их прикрытием, между вождями партии разгорелась ожесточенная борьба за власть. Лиманского, как и других рядовых партийцев, поразило, что лишили всех постов Троцкого. Того самого Троцкого, которого все агитаторы и пропагандисты, все газеты и журналы изображали вождем Октябрьского восстания и создателем Красной армии. Вместе с ним потерпели поражение Зиновьев и Каменев, ближайшие соратники Ленина. На главные роли выдвинулись генеральный секретарь ЦК Сталин и теоретик Бухарин, «молодой любимец партии».

А в 1927-м разразился очередной кризис: разрыв отношений с Англией, угроза новой войны, перепуганное население смело с полок все только недавно появившиеся товары, крестьяне налог заплатили, но основную часть зерна отложили про запас. Нависла угроза голода. Многим приходило в голову: большевики запросто могут вернуться к насильственным конфискациям сельхозпродукции у крестьян.

К тому и пошло. В декабре XV съезд партии главным направлением политики на селе провозгласил создание коллективных хозяйств. А разбогатевших крестьян, крепкие индивидуальные хозяйства начали душить налогами.

Именно в этот переломный момент перед выпускником совпартшколы Яковом Лиманским, с его безупречными анкетными данными, открылся путь в руководящий слой советского общества. Путь вверх, сулящий привилегии и власть. Но и чреватый утратами, падениями...

Его двинули «по советской линии» – в исполком Покровского кантона. Больше года руководил он лекционной работой в немецких колониях и русских селах. И сам много ездил: разъяснял преимущества общественной собственности, агитировал за вступление в колхозы.

В октябре 1929-го его повысили: назначили ответственным секретарем исполкома Покровского городского Совета.

Яков Лиманский
Покровск, 1929 г.

Яков Лиманский (в центре) среди учащихся Советско-партийной школы Республики немцев Поволжья Покровск, 1928 г.

А в августе 1930-го перебросили в колхоз «Коминтерн», недавно созданный в пригороде Покровска. На председательское место. Теперь ему предстояло на деле организовать общественное производство, коллективный труд вчерашних крестьян-единоличников.

Работа пошла тяжело. Но пошла. Наладилась и личная жизнь.

* * *

Встретил 33-летний Яков школьную учительницу – Анну Золотухину. Годом старше него, миловидная, но строгая, гордая, независимая... Землячка: родом из села Митрофановка того же Новоузенского уезда. Выросла, как и он, в большой крестьянской семье. Любила учительствовать. Как и он, книги читала запоем... Как говорится, сошлись.

Но фамилию при регистрации брака, утверждая женскую свою независимость, оставила девичью – Золотухина. Против обычаев это было, но пришлось ему смириться.

В ожидании дочки – оба не сомневались, что будет непременно девочка, – договорились: если родится смуглая, назовут Азой, а если беленькая, то пусть будет Лилия. Родилась смуглая. Аза! Пошел Яков в городской ЗАГС оформить свидетельство о рождении. Возвращался домой не чуя ног от радости. Сразу отдал документ жене. Анна стала читать – счастливая улыбка сменилась недоумением.

– Это что?

Яков Лиманский с сыном Иваном
Саратов, 1926 г.

– Как что? Свидетельство о рождении Азы. Вон дата: 19 июня 1930 года.
– Дата-то есть, а где Аза? Тут совсем другое что-то написано... Такого и имени-то нет. Ты что, не прочел там?

Глянул и опешил: «Иза»... Как он честил себя! Не посмотрел, что пишет работница ЗАГСа! Доверился, называется. Поостыв, рассудил так: «Будем звать дочку Лизой, Елизаветой. Подойдет время – в ее документы впишем это имя». Но Иза так Изой и осталась. Со временем привыкли.

Все эти годы, изредка наезжая в Саратов по служебным делам, встречался с сыном Иваном. По тяжелому настроению его догадывался: отношения с отчимом не сложились. Гуляли по городу. Угощал сына любимым мороженым-пломбиром в форме лепешечки, которая держится двумя вафельными кружочками. Как-то зашли в фотографию на Московской – бывшую Ф. Муратова, где солдатом снимался до революции, – сфотографировались на память...

Лиманский с семьей жил в самом центре Покровска, в двухкомнатной служебной квартире в одноэтажном кирпичном доме напротив городского сада. По вечерам там играла музыка, гуляла, веселилась молодежь, у входа продавали цветы. А слева, за забором, находился детский парк – с песочницами, горками, качелями. Оттуда, когда открывали окна, долетали веселые ребячьи голоса. Все это создавало умиротворяющую атмосферу. Она помогала отдохнуть от нелегких забот, вселяла уверенность, что никаких трагических потрясений больше не случится.

Случились, однако.

В январе 1931-го его исключили из партии. С угрожающей формулировкой: «За правооппортунистическую практику в вопросе хлебозаготовок и за проведение кулацкой линии».

«Раскулачивание» и насильственная коллективизация подорвали село. Бу-

**Анна Золотухина и Яков Лиманский (сидят),
сын Иван с женой (стоят)**
Саратов, начало 1930-х гг.

харин пытался отстоять индивидуальные крестьянские хозяйства. В 1929-м Сталин обвинил его в «правом уклоне», в потворстве «кулакам». Планы поставок хлеба государству оказались непосильны для первых колхозов. Обеспечивая поставки, Лиманский старался приберечь зерно на семена и на трудодни колхозникам, давал им воз-

можность поработать на своих приусадебных участках. «Бдительные» активисты углядели в этом «срыв хлебозаготовок», «разоблачили» его как «приверженца Бухарина». Бюро партийного комитета Покровского кантона поспешило снять его с председательской должности, исключить из партии.

За справедливостью он обратился в Партколлегия по Республике немцев Поволжья.

Материалы персонального дела Лиманского только начали проверяться, а самого его уже взяли обратно в Покровский горисполком. Там рассудили по-своему: негоже такими кадрами разбрасываться. Работал он в технической секции: организовывал компании по распространению технических знаний, по овладению трудящимися массами передовой техникой.

Образованных, опытных, дельных работников остро не хватало, и в августе 1931-го ему доверили должность народного судьи. Так он попал в ведомство Наркома юстиции РСФСР.

В октябре 1931-го Покровск «исчез» с карты Республики немцев Поволжья: ее столицу переименовали в Энгельс. Во всех учреждениях и организациях меняли вывески, бланки, печати... Но рассмотрение персонального дела Лиманского не затянулось.

В начале 1932-го Партколлегия восстановила его в рядах ВКП(б). Ограничилась строгим выговором. Еще и предупредили по-товарищески: «Впредь вам будет наука, товарищ Лиманский...» Выговор сняли спустя четыре года, при обмене партийных документов...

В декабре 1932-го его перебросили на «укрепление» прокуратуры: назначили прокурором. Помимо прочих дел на него возложили надзор за соблюдением законности в местах заключения.

После отмены «партмаксимума» в феврале 1932-го он стал получать немало. Да сверх того, как номенклатурному работнику, ему выдавали продуктовый паек. В Поволжье, как и на Украине, из-за полного изъятия урожая у колхозов, разразился голод – так что паек этот был очень кстати.

Но жили скромно. Яков заботился о благополучии не только своей семьи: он считал долгом помогать и сыну Ивану, и обеим сестрам, и брату Петру. Тем более – двоюродному брату Тимофею, сыну покойного дяди Федора, заменившего им отца. Любил его как родного, ласково называл Тимошей.

Иван, окончив семилетку, сразу же пошел на завод. И скоро женился. Яков и Анна приезжали поздравить молодых, сфотографировались вместе.

Старшая сестра Мария, по мужу – Подгорная, многодетная, по-прежнему жила в Старой Полтавке. Работала дояркой в колхозе. Ей в первую очередь слали денежные переводы, с оказией передавали посылки с продуктами и вещами.

Младшая сестра Василиса уехала вслед за братом Петром в Астрахань: подальше от колхозной нищеты. Там вышла замуж за Василия Кривоносова – повара, работавшего в столовой пароходства. Детей у них не было, и в 1932-м они усыновили одного из детей Марии – четырехлетнего Васю. И мальчика спасли от голода, и семью Марии избавили от лишнего рта.

В Астрахань – по настоянию Якова – отправили и Тимошу, едва тот достиг совершеннолетия. Петр помог ему устроиться на только что построенный рыбоконсервный комбинат.

Сам Петр в помощи старшего брата уже не нуждался. Добившись назначения заведующим магазином Рыболовпотребсоюза, не обремененный семьей, зажил самостоятельно.

В декабре 1933-го Яков выкроил с недельку отпуска – съездил поездом в Астрахань, один. Повидался с Петром и Василисой, племянником Васей, познакомился с новой, астраханской, родней. Страшно жалел, что не довелось обнять Тимошу: того на месяц отправили на допризывные сборы.

Зять Кривоносов сразу лег ему на душу: доброжелательный, скромный, отзывчивый.

А вот собственный младший брат огорчил немало: кичится быстрым продвижением в системе потребкооперации, вызывающе хорошо одевается, дорогие папиросы курит беспрерывно... Прямых вопросов задавать не стал. Обошелся и без нравоучений. А как бы между прочим, рассказывая о своей работе судьей и прокурором, предостерег: Уголовный кодекс 1926 года установил суровое наказание за присвоение и растрату общественной собственности. От нескольких лет лишения свободы вплоть до расстрела с конфискацией имущества.

Петру Лиманскому разговор этот пришлось не по нутру – отмахнулся, отшутился...

**Василиса Кривоносова (Лиманская)
с усыновленным племянником Васей**
Астрахань, 1933 г.

* * *

Самым большим богатством в семье Якова и Анны был новый, приобретенный после рождения дочери, патефон. Скоро накупили и пластинок, в основном с украинскими песнями. Когда выпадало свободное время, часами мог слу-

шать их Яков. Душа отдыхала. А уж если принимали гостей – случалось это редко, только по праздникам, – хозяин брал в руки гитару и запевал те же родные украинские песни. В такие минуты он был неотразим. Женщины с восхищением засматривались на него, не замечая встревожено-ревнивого взгляда Анны. Когда гости расходились, она, не в силах сдержать нахлынувших эмоций, выплескивала на него бурный поток попреков. Он подходил к ней, обнимал и спокойно, нежно шептал: «Ну что ты? Зря все это. Неужели не понимаешь – никто мне, кроме тебя, не нужен». Понимала она и верила его словам. Знала, что его распахнутая в компании развеселость – от характера, которым в такие минуты управляет доставшаяся от прабабки цыганская кровь.

Всей казенной мебели в их квартире было только две железные кровати, шифоньер с зеркалом, обеденный стол, несколько венских стульев. Купить – в комиссионке – они позволили себе только этажерку. С трудом, но удавалось выкраивать деньги на любимые произведения русских и советских писателей, на детские книжки, на журнал «Советская юстиция» и другие издания, нужные по работе. Скоро этажерка была плотно заставлена.

Иза росла здоровой, крепкой, подвижной. Каждый год 19 июня Яков ставил ее спиной к боковой стенке шифоньера и тонкой карандашной чертой отмечал, на сколько она подросла. Две войны лишили его отцовского участия в воспитании первенца, сын вырос без него. Теперь наверстывал упущенное: каждую свободную минуту отдавал дочери.

Иза росла здоровой, крепкой, подвижной. Каждый год 19 июня Яков ставил ее спиной к боковой стенке шифоньера и тонкой карандашной чертой отмечал, на сколько она подросла. Две войны лишили его отцовского участия в воспитании первенца, сын вырос без него. Теперь наверстывал упущенное: каждую свободную минуту отдавал дочери.

Яков Лиманский (стоит) с братом Петром, племянником Васей и зятем Василием Кривоносовым (сидят слева направо)
Астрахань, декабрь 1933 г.

Души не чаял он в своей Изе-Елизавете и очень хотел, чтобы ее будущее, как предсказывал Чернышевский, великий саратовский революционер-демократ, было светло и прекрасно. Чтобы стала она настоящим советским человеком. Он всеми силами боролся за то, чтобы на обломках старого, капиталистического, строя окончательно утвердился новый – социалистический. И тогда совсем не останется ни частной собственности, ни шкурничества – воцарятся равенство и созидательный дух коллективизма. А все беды, перегибы и ошибки – как их избежать? Ведь партия ведет народ новым, неизведанным путем к светлому будущему. Надо все перетерпеть, все вынести, раз на их долю, советских коммунистов, выпало это огромное счастье – первыми построить социализм.

Газеты и радио ежедневно сообщали о трудовых победах: кто-то поставил очередной рекорд, где-то ударными темпами построили завод, где-то досрочно ввели в действие новый комбинат, где-то заложили первый камень на месте будущего города... Красные даты советского календаря – 1 мая и годовщина Великого Октября – стали главными, сами радостными праздниками.

Особенно полюбились Якову маевки в Энгельсе. Весна в разгаре, кругом все цветет и благоухает. Куда ни глянь – красные флаги и транспаранты на русском и немецком языках. Почти на каждой улице играет духовой оркестр. Народ разнаряжен кто во что, но обязательно светлое. На женщинах – платья и блузки из шелка, маркизета и сарпинки (немецкого ситца). Мужчины – в белых брюках, толстовках и модных, отбеленных мелом, легких парусиновых туфлях. Оркестры играют марши. Сначала колонны с песнями идут на главную площадь. После митинга туда подают автомашины от предприятий и учреждений. И рабочие, служащие с семьями, прихватив кошелки и узелки с едой, едут на озеро Сазанка, недалеко от Волги, – живописное, лесистое с полянами место. Здесь и проходит маевка до позднего вечера. Люди собираются группами и поют песни. Кто-то затягивает украинскую, а компания подхватывает, и уже несется по поляне многоголосое: «Роз-прягайте, хлопци, кони та й лягайте спочивать...» Невдалеке, у высоких осокорей, гремит: «Щорс идет под знаменем – красный командир...» А с другого берега Сазанки доносится молодое, задорное: «Нам песня строить и жить помогает...»

Работа судьи и прокурора такая, что отдых и на воскресные дни выпадал редко. А когда выпадал – ходили в кинотеатр. Новые фильмы не пропускали. Не раз ходили на «Чапаева». Яков смотрел с пристрастием: в жизни-то многое по-другому было – страшнее, кровавее, трагичнее. Взять хоть гибель начдива... Книга политкомиссара дивизии Фурманова – куда ближе к правде. Зато великая сила киноэкрана превратила Чапаева в героя из героев, в образец для миллионов советских людей. Особенно молодых, кому не довелось повоювать с золотопогонниками и прочими врагами Советской власти.

* * *

В конце 1934-го прокурора Лиманского перебросили на «укрепление» мест заключения: назначили начальником Энгельсской фабрично-заводской исправительно-трудовой колонии (ФЗИТК).

А незадолго до этого, в октябре, все исправительно-трудовые колонии и дома заключения, как и органы управления ими, взяло под себя Главное управление лагерей НКВД СССР. Проще и известнее – ГУЛАГ. В каждом краевом и областном управлении НКВД был создан Отдел мест заключения. Сразу началась «чистка» системы мест заключения: «бюрократившихся», нерадивых уволили – брали работников, хорошо себя зарекомендовавших.

Лиманского вызвали в Отдел мест заключения и сказали: «Приговаривал, надзирал, товарищ Лиманский, а теперь давай-ка сам займись трудовой перековкой преступного элемента»

Так и попал он опять на службу в НКВД.

Но теперь это был совсем другой Народный комиссариат внутренних дел – общесоюзный. Образовали его в середине 1934-го в преддверии неизбежной мировой войны, чтобы объединить, сжать в кулак все карательно-репрессивные силы государства. Его стержнем стало ОГПУ, переименованное в Главное управление государственной безопасности (ГУГБ). Его начальник одновременно занимал пост наркома. В 1936-м начальником ГУГБ и наркомом внутренних дел СССР Сталин, сняв Ягоду, назначил Ежова.

В Саратовском крае, как и в других краях и областях, Управление государственной безопасности было основой краевого управления НКВД – УНКВД по Саратовскому краю. Входивший в него Отдел мест заключения находился в двойном подчинении: руководил им начальник УНКВД, главный чекист края, а «по вертикали» он был подотчетен ГУЛАГу. Положение работников системы мест заключения, и не только в Саратове, оказалось сложным: между Главным управлением лагерей и Главным управлением государственной безопасности, в Москве, сразу началось острое соперничество. За влияние на наркома Ежова, за штаты, за бюджетные деньги. А потом и за собственные жизни.

Опять надел Лиманский военную форму. В НКВД ему присвоили 8-ю штатную группу служащего ГУЛАГа, соответствующую должности начальника исправительно-трудовой колонии. На василькового цвета петлицы прикрепил по три желтых латунных «кубика».

За пару месяцев освоился на новом месте. Производственные планы Энгельсская колония выполняла...

В ноябре 1936-го его срочно вызвало начальство. Собираясь в Саратов, прихватил отчеты и сводки – приготовился доложить о ходе работ. Но в Отделе мест заключения разговор повели совсем о другом: «Сам из крестьян, товарищ Лиманский? Колхозом руководил? Истосковался небось по озимым да по яровым всяким?.. Вот и давай-ка займись трудовой перековкой сельского преступного элемента». И предложили возглавить Балашовскую сельскохозяйственную исправительно-трудовую колонию № 1. Предупредили: Балашовская СХИТК – «в глубоком прорыве», прежний начальник не оправдал доверия, сорвал план госпоставок, теперь под следствием...

Уезжать из Энгельса не хотелось. В этом уютном, спокойном городке он прижился, жена работает в хорошей школе, и скоро туда в 1-й класс пойдет Иза. Но как он мог отказаться?

Город Балашов по сравнению с Энгельсом невелик. И Волги тут нет, жалел поначалу Лиманский. Но скоро здешние края стали притягивать к себе каким-то скрытым, чарующим волшебством. Чего стоит только река Хопер! Обрамленная богатым разнородьем, она ласкает взор удивительно чистыми песчаными отмелями и бурлящими прозрачными водами там, где берега сходятся близко. А «кубышек» – так местные жители называют кувшинки – здесь видимо-невидимо. Он заметил эту красоту уже поздней весной, когда река радушно обнажила все свои прелести... Поразило и обилие зелени: город просто утонул в ней. Вдоль улиц с обеих сторон – стройные ряды тополей, лип, ясеней. В палисадниках и во дворах источают аромат сирень, черемуха, вишни, яблоня... В городах Приволжья, где не было деления на административные районы, исторически сложилось так, что жители сами разграничивали и городские территории, и пригородные, и придумывали названия порой самые неожиданные. Ну ладно там Козловка, Бреевка, Желудняк, Зеленый Клин, Репное... А откуда в Балашове взялись Япония, Шанхай? Разве что от солдат, пововавших в Русско-японскую, да военных моряков, послуживших на Дальнем Востоке, позимовавших в портах Японии и Китая...

Из Балашова в колонию вела грунтовая дорога, пролежавшая через два оврага с поэтическими названиями – Первая Ветлянка и Вторая Ветлянка.

«Заключенный контингент» («з/к») Балашовской СХИТК № 1 составляли бывшие колхозники и рабочие совхозов, осужденные на срок до 5-ти лет за производственные и бытовые преступления. Кто по неосторожности спалил полкочны сена, кто по халатности двигатель у трактора «запорол», кто из соседского амбара утащил ведро картошки, кто гнал самогон, кто по пьяной лавочке «морду разукрасил» односельчанину... Численность их не превышала 800 человек. Караульную службу в обнесенной колючей проволокой «зоне», где находились бараки «з/к», хозяйственный блок и контора, несли всего два взвода внутренней охраны НКВД.

«Зона» примыкала к центральной усадьбе. На ней, в положенном начальнику отдельном служебном домике, и поселился Лиманский с семьей.

Принимая колонию, он в первые же день-два убедился: хозяйство развалено в корень. Агрономов считай что нет. Зернохранилища – все глинобитные, покрыты гнилой соломой, а потому зерно в них преет, распространяется клещ. Коров нещадно косят болезни, целое стадо заражено бруцеллезом. Свины переболели чумой. А обслуживают скот ветеринарные врачи и зоотехники из заключенных – крестьяне-самоучки, попросту «назначенные» в колхозах на должности ветврачей и зоотехников. Концентрированных кормов нет. Очень мало техники: тракторов – всего 18, комбайнов – 3. На две трети – пяти- и шестилетней давности выпуска. Сильно потрепаны, изношены. А снабжение запчастями – скудное. И механизаторов – по пальцам перечесть. Поэтому в страдную пору – поломка за поломкой, частые простои техники. Вдобавок перебои с горючим:

временами его попросту нет на местной нефтебазе. Из почти 800 заключенных могут полноценно работать не более 700: много инвалидов, хронически больных. Из-за нехватки транспорта, рабочих рук и даже мешков полевые работы затягиваются. Но самая большая беда – нет потребного количества денег. А бараки и фермы нуждаются в неотложном ремонте. Набежала большая задолженность по зарплате заключенным. И питание их плохое: одни крупы да макароны – мяса нет. Не хватает и обмундирования для них, а на складе – шаром покати. Из-за невыплаты денег, отсутствия ватников и сапог, опозданий с доставкой горячего обеда в поле заключенные нередко отказываются выходить на работу.

Лиманский быстро пришел к выводу: все эти беды проистекают из невнимания к нуждам колонии со стороны Отдела мест заключения Саратовского областного УНКВД (в декабре 1936-го Саратовский край был преобразован в область). Задания плановые спускает высокие, а помощи никакой не оказывает. Стремясь переломить ситуацию, постоянно докладывал начальству отдела обо всех нуждах, писал докладные записки о подготовке к посевной и уборочной, запросы об отпуске денег, заявки на технику, запчасти, автотранспорт, горячее, мешкотару и т.д. Но в ответ получал только жесткие требования выполнить план любой ценой, увеличить прибыль.

Писал доклады и заявки, а сам понимал: бумаги бумагами, а дело – делом. Везде всего не хватает. В соседних колхозах и совхозах – ничем не лучше. Так что нечего сидеть и ждать помощи сверху – надо засучивать рукава, подтягивать подчиненных, маневрировать, как на войне, теми силами и средствами, что есть. Не выполнить план – преступление...

Подступил новый год, 1937-й.

Второй раз в жизнь СССР символом Нового года пришла елка – нарядная, со свечками и разными украшениями на источающих свежесть зимнего леса пушистых лапах. Призывающая к радости и веселью. И радовались. И веселились.

Но некоторые партийные руководители и активисты посмотрели на это новшество косо: слишком живо напоминала елка прежний, религиозный, праздник – Рождество Христово. Ради чего тогда боролись с религиозными предрассудками? И с церковью – пережитком прошлого, оплотом контрреволюции? Они никак не могли взять в толк, зачем это понадобилось делать «шаг назад».

Лиманский решил так: у себя елку ставить не будет, а поставит общую в клубе. По его приказанию срубили в лесу высокую ель. В Балашове закупили дешевых картонных игрушек – ярко раскрашенных звезд, птиц, зверей, рыб. Для начсостава и служащих устроил концерт с танцами. Для детей – утренник. Дед Мороз и Снегурочка водили хороводы вокруг елки, раздавали подарки – пакетики с ирисками, печеньем и грецкими орехами. Как же радовалась детвора! И Иза вместе со всеми.

Встречали 1937-й в приподнятом настроении. Много ждали советские люди от него: ведь приближалась 20-летняя годовщина Великого Октября. Значит, будут новые трудовые достижения, новые рекорды, новые открытия. Будут новые победы социализма. Значит, жить станет лучше.

Первым делом, для ускорения работ и сохранения урожая, Лиманский внес изменения в планы посевной и уборочной. Стал перебрасывать технику и людей

с участка на участок – туда, где они были нужнее. Со сломавшегося трактора, который уже невозможно было восстановить, приказал снять некоторые части и использовать их для починки других тракторов. Выкроив деньги из скудных средств колонии, у соседнего совхоза купил грузовик. Бараки отремонтировал и оборудовал под «общежитие лишенных свободы». Из-за нехватки денег задолженность заключенным по зарплате компенсировал выдачей продуктов. А для усиления их питания несколько раз приказывал произвести убой скота. Отказы выходить на работу прекратились.

В деле себя не жалел. Отрываясь от бумаг, ежедневно объезжал верхом и обходил поля, фермы, склады. Даже в ненастную погоду: лето 1937-го выдалось в Среднем Поволжье дождливым... Табельный револьвер оставлял в кабинете. Зато не забывал свой сильный артиллерийский бинокль: издали разглядеть, кто чем занимается. С начальников производственных участков и специалистов спрашивал по всей строгости.

Не все они оказались добросовестными и толковыми.

Не сразу сработался с Тимофеем Авдониным. Прибыл тот в колонию в апреле 1937-го: отдел кадров УНКВД назначил начальником планово-производственной части. Ровесник его, тоже из крестьян, уроженец соседней Куйбышевской области. Воевал в Гражданскую, работал на заводе. Получил среднее образование агронома-зерновика – послали в совхоз. Скоро убедился: и агроном Авдонин посредственный, и больше говорит, чем делает, но человек все же совестливый и исполнительный. Хоть и беспартийный. Да и Иза с тремя его малолетними детьми сдружилась. Дома их рядом – вот и играют вместе.

Я.Т. Лиманский и Т.Г. Авдонин
Балашовская СХИТК № 1, лето 1937 г.

Куда хуже знал свое дело старший механик Генрих Плявин. Из рабочих, член партии, тот работал в колонии уже шестой год. Не столько работал, сколько оправдывался недопоставкой запчастей. Дескать, что же он может поделывать... Никакой инициативы. Как же тут не быть таким громадным простоям тракторов? Вдобавок в комбайнах разбирается плохо.

Сомнений насчет старшего механика добавил оперуполномоченный Каверин. Возглавляя оперативную часть, работал он и жил в колонии как сам себе начальник: отчитывался лишь перед Управлением госбезопасности Саратовского УНКВД. Главное, чем он ведал, – оперативно-чекистская, агентурная работа в СХИТК № 1. Агентов вербовал и среди служащих, и среди охранников, и среди заключенных. «Задушевные беседы» отнимали все его время, оставшееся от полноценного сна и плотных трапез в столовой для служащих. «Кум» – прозвище, которым ээки окрестили таких оперов по всем лагерям и колониям ГУЛАГа.

Представляясь Лиманскому как своему формальному начальнику, Каверин сразу доложил: «Жена Плявина позволяет себе антисоветские высказывания. Даже в разговорах с заключенными. Якобы все мы, весь народ, живем плохо, все ходим голодные и холодные». – «Ясно. А что насчет политических настроений самого Плявина?» – «Позволяет себе нездоровые высказывания. В узком кругу критикует коллективизацию...» Лиманский дал Каверину указание запросить райотделы НКВД тех районов, где прежде работал Плявин: нет ли на него каких компрометирующих материалов – «компромата». Ответы пришли скоро – все отрицательные.

Не дожидаясь их, Лиманский вызвал Плявина. Жестко поговорил с глазу на глаз. «Как коммунист коммуниста предупреждаю... Не укоротите язык себе и своей жене – этим займутся органы». Тот только плечами пожал, вздохнул обреченно: «Что же я могу с ней поделывать...»

Самые серьезные нарекания Лиманского постоянно вызывал начальник участка Василий Небасов. И к работе относится спустя рукава, и крайне груб с заключенными. На его участке, в перевалочном складе, хранились 80 тонн ржи с повышенной влажностью. Приказал Небасову срочно просушить ее. Но тот за три дня пальцем не пошевелил – и рожь сопрела, ее сильно заразили клещи. На планерке поднял Небасова и выговорил ему прилюдно: «Если вы занимаетесь вредительством, то это вам не пройдет. А если это упущение и бездушное отношение к делу, то надо перестроиться».

Строгость строгостью, но скоро в колонии одобрительно заговорили об умении нового начальника не спешить с «разносами» и угрозами, а сперва вникнуть в суть дела, ровно держать себя с подчиненными, по-человечески относиться к заключенным... Словом – о справедливости.

По праздникам Лиманский устраивал в клубе, после положенной торжественной части, танцы для начсостава и служащих. Без передыха крутились пластинки на патефоне – вальсы, фокстроты, полька... Потанцевав с женой, он приглашал одну за другой всех женщин. Особенно ладно и легко кружился в вальсе. А после танцев, уже дома, Анна, не в силах справиться с приступом ревности, в который раз устраивала сцены. Нежно успокаивал ее.

Многое удалось ему поправить в колонии. Успехи радовали. Но на душе становилось все тревожнее.

Насторожил февральско-мартовский пленум ЦК.

В Балашовском райкоме, куда Лиманского пригласили вместе с другими руководителями, их ознакомили с выдержками из речей Сталина, Ежова, членов ЦК. Из них явствовало, что масштабы вредительства в народном хозяйстве – ужасающие. Повсюду – чрезвычайные происшествия, аварии, срывы планов. Виновны во всем – классовые враги: по мере продвижения страны к социализму их сопротивление нарастает. НКВД должен усилить борьбу с вредительством, искоренять врагов без пощады. Бухарин исключен из партии, дело его передано в НКВД, и он уже арестован.

Что это означает, Лиманский понял: всякую бесхозяйственность, всякий «прорыв» на производстве теперь следует трактовать как вредительство, как политическое преступление.

А в Балашовском райотделе НКВД ему зачитали приказ наркома Ежова с объявлением резолюции, принятой пленумом 3 марта. ЦК одобрил перестройку аппарата НКВД, «удаление из него разложившихся бюрократов, потерявших всякую большевистскую остроту и бдительность в борьбе с классовым врагом и позорящих славное имя чекистов».

Не реже раза в месяц его вызывали в Саратовское УНКВД, на оперативные совещания начсостава. Там знакомили под роспись с оперативными приказами наркома Ежова, ориентировали в обстановке: в области разоблачено столько-то вредителей и диверсионных групп в промышленности, в сельском хозяйстве, на транспорте, в учреждениях, в учебных заведениях. Разоблачены такие-то и такие-то враги народа. В городе раскрыты троцкистский центр, польская разведывательно-диверсионная группа. Польским агентом оказался Касперский, главный редактор областной газеты «Коммунист».

В середине мая арестован был и сам начальник Саратовского УНКВД – 43-летний комиссар госбезопасности 2-го ранга Роман Пилляр, один из самых заслуженных чекистов. Тоже как агент польской разведки.

На смену ему прибыл 44-летний комиссар госбезопасности 1-го ранга Яков Агранов, бывший заместитель Ежова.

Тогда же на совещании в УНКВД Лиманский услышал такое, что повергло его в смятение: по пути в Москву арестован заместитель командующего войсками Приволжского военного округа Кутяков. Как же так? Ведь Иван Семенович – правая рука Чапаева! Почти год командовал их дивизией после гибели славного начдива. И на Урале, и на Днепре. Трижды награжден орденом Красного Знамени!

В июне в газетах появилось сообщение о расстреле Тухачевского и других участников «военно-фашистского заговора». Фамилию Кутякова среди них Лиманский не нашел. Не упоминали о нем и на совещаниях. Спросить кого из об-

луправления, даже с глазу на глаз, – самому голову в петлю сунуть. «Органы не ошибаются». Арестован человек – значит, враг народа.

В июле был арестован Агранов. Кухонная молва связала этот арест с приездом из Москвы, по личному поручению Сталина, заведующего отделом ЦК Маленкова.

На освободившуюся должность начальника Саратовского УНКВД из Москвы был прислан 35-летний майор госбезопасности Альберт Стромин. Приказом наркома Ежова он был назначен и председателем «тройки» при Саратовском УНКВД (включала также первого секретаря обкома ВКП(б) и прокурора области). На «тройки», организованные тогда при краевых и областных управлениях НКВД, возлагалось внесудебное, ускоренное, без обвиняемых и защитников, рассмотрение дел «врагов народа».

Что ни день – в Саратове и райцентрах области арестовывались партийные, советские, хозяйственные работники. В лучшем случае – снимались с работы и неделю-другую «догуливали» на свободе. Почти всех «тройка» приговаривала к расстрелу, немногие «отделялись» 15–25-ю годами заключения в лагере.

Раскручивая маховик репрессий, Ежов подстегивал органы госбезопасности – одержимо требовал «чистить» и «чистить» НКВД от «разложившихся бюрократов». Стараясь и самих себя спасти, и сберечь свои испытанные кадры госбезопасности, руководители краевых и областных УНКВД по мере сил «переводили стрелки» на другие системы огромного ведомства – пограничную и внутреннюю охрану, милицию, пожарную охрану, места заключения. По сотрудникам ГУЛАГа во второй половине 1937-го пришелся жестокий удар...

Трудно сказать, насколько верно понимал Лиманский, что творится в «верхах» НКВД. Но как работает розыскной и следственный аппарат госбезопасности – представление имел. И не мог не сознавать: от доноса, от выбитых на допросе обличающих показаний не застрахован никто. В том числе и он сам. Ведь он разворошил болото, заставляет подчиненных работать на пределе сил... Шкурники, опасющиеся за свои теплые местечки, да и просто лодыри, недовольные «лишней» работой, есть, конечно, в его колонии. От недовольства до доноса – один шаг.

Иза вдруг заметила: вечерами, после ужина, пока она играет с единственной своей куклой, родители стали плотно закрывать дверь к себе в комнату. И подолгу вполголоса говорить о чем-то. Прежде такого не случалось.

Анна была человеком выдержанным, рассудительным, волевым. Доверяя жене как себе, Лиманский рассказывал ей об арестах и расстрелах. Среди «разоблаченных врагов народа» оказались и те, кого он хорошо знал по работе. Те, в чьей честности, в преданности партии у него никогда сомнений не возникало... И он аккуратно, бережно готовил ее к худшему: «Перед партией и советским народом – я ни в чем не виновен. Но ошибка какая-то произойти может. Всякое случается...»

* * *

И пары дней не прошло после принятия Лиманским колонии, как в его не обжитый еще кабинет по-хозяйски зашел высокий, крепкий парень. В галифе с черными кожаными лямками и в черной кожаной куртке нараспашку. На вороте гимнастерки – нововведенные петлицы сержанта госбезопасности: крапового цвета с продольной серебристой полоской. Худошавый, скуластый. Короткий светлый чуб. Взгляд исподлобья, но теплый.

Представился: Барышев, оперуполномоченный Управления госбезопасности Саратовского УНКВД.

Служил он в 3-м отделе (контрразведка и борьба с диверсиями и вредительством). Курировал весь Балашовский район. Соответственно, и СХИТК № 1. Уроженец одного из приволжских сел, он едва достиг 27-ми лет.

Из Саратова в Балашов он приезжал поездом. Райотдел НКВД выделял в его распоряжение выдавшую виды легковушку. На ней он раскатывал по району, навеваясь на «курируемые объекты». Ближайшие же к райцентру порой, по настроению, объезжал верхом. Тогда в колонии он появлялся или покрытым пылью с головы до ног, или захлюстанным черноземной грязью. Передавал дежурному лошадей – напоить и дать овса, – слегка приводил себя в порядок и тут же брался за дело.

Запирался с оперуполномоченным Каверинным в его кабинете, слушал его доклад. Прикидывал, насколько серьезный материал «кум» накопил на служащих колонии, годится ли что для разработки, для разоблачения замаскированных врагов.

Само собой, кабинет начальника колонии Барышев не обходил.

С молодым куратором из УНКВД Лиманский держался без подобострастия. Но крайне осторожно. Если выпадало обеденное время – приглашал к себе домой. Анна, предупрежденная телефонным звонком, быстро кормила Изу, резала побольше хлеба, ставила третью глубокую тарелку.

Ел Барышев с завидным аппетитом. Орудя ложкой и вилкой, нахваливал и борщ, и галушки. Не льстил хозяйке: Анна научилась прекрасно готовить любимые блюда мужа – галушки с картошкой или мясом, борщ с галушками. По самым знаменитым рецептам – полтавским.

Случалось, насытившись и повеселев, Барышев припоминал заезженные анекдоты про нэпманов. И сам громче всех смеялся. Но больше всего, уже за чаем, любил расспрашивать хозяина, как Уральск и Киев освобождали, как били колчаковских белобандитов и польскую шляхту. А особенно – о Чапаеве, о подвигах его и героической гибели. В фильм братьев Васильевых влюблен был по-мальчишески. И к Лиманскому сразу проникал безмерным уважением: за одним столом с ним сидел не просто командир Красной армии, провоевавший всю Гражданскую, – всамделишный герой-чапаевец!

Лиманский рассказывал подробно. Рассказывал, а про себя посмеивался снисходительно: не перебродила еще в крестьянском парне романтика Граждан-

ской войны. По малолетству повоевать не довелось – не помахал шашкой, не поклацал затвором. Годы спустя после войны вступил в комсомол, начал с «избача» – заведующего сельской избой-читальней. Потом – райком комсомола. Оттуда по разнарядке – в райотдел НКВД. Приглянулся саратовскому начальству – забрали в Управление госбезопасности. Недавно, год или два назад... А теперь форсит, в любую погоду носит кожаную куртку, рядится под комиссаров и чекистов, надувает щеки начальственно.

Но пробиться наружу снисходительности не позволял: опасно это в общении с операми госбезопасности. Тем более – с куратором из области.

Рассказывать с каждой встречей ему становилось все сложнее: приходилось аккуратнее выбирать слова. Уже нельзя было упоминать «врагов народа» и «агентов иностранных разведок» – Кутякова, Тухачевского, Уборевича, Якира... Впрочем, особого труда это не составляло: он давно узнал цену словам, отмерял их аккуратно и тратил скупно, всегда строго по делу.

Когда, отобедав и поблагодарив хозяйку за хлебосольство, Барышев уходил, он всякий раз замечал на лице жены странную усмешку. Однажды спросил:

– Чего это ты?

– Да чудной он какой-то, – ответила Анна. – Весь в черной коже. Даже штаны... Сроду таких не видала...

* * *

Одного не дано было знать Лиманскому.

Где-то в сентябре Барышева вызвал начальник 3-го отдела Управления госбезопасности Саратовского УНКВД. Как водится, распек для порядка: «Ворон считаешь! А враги народа в твоём районе, как в собственном сортире, орудут!...» И дал указание внимательно присмотреться к начальнику СХИТК № 1 Лиманскому. Дескать, производственные показатели колонии – низкие. Нет ли там вредительства? Нет ли замаскировавшегося врага? Не срывает ли враг перекровку преступного элемента?

Не то чтобы возразил начальнику Барышев, а скорее соображения свои доложил. Есть, мол, среди работников колонии такие, у которых в прошлом не все чисто. И сболтнуть способны чего-нибудь нездоровое... Эти уже в разработке. Но сам Лиманский – товарищ проверенный, преданный. Чапаевец к тому же... «Ах, чапаевец, ... его мать! – угрожающе сощурился начальник. – Вон Кутяков-то... Все выступал на торжественных вечерах... с воспоминаниями о Чапаеве... А как разоблачили его, арестовывать пришли – давай отстреливаться, сука... Вражеским агентом оказался. Уже получил по заслугам... Тем более присмотреться к ним надо, чапаевцам этим». И велел выяснить, с кем Лиманский связан в колонии особенно тесно. И не тянутся ли от него какие ниточки сюда, в Саратов. А именно – в Отдел мест заключения.

То ли сам начальник 3-го отдела инициативу проявил, то ли кто-то из вышестоящих решил распорядиться судьбой Лиманского. Почему? Видимо, слиш-

ком приметным оказался новый начальник СХИТК № 1. Голос подавал слишком громко. Вот и насторожил: чего это он, этот Лиманский, так назойливо требует денег и снабжения? Недоволен, стало быть, жизнью нашей трудной, полной борьбы и лишений. Может, и Советской властью недоволен?... Да и вообще, кто как не он – самая подходящая фигура на роль организатора контрреволюционной группы. И не где-нибудь, а именно в областных учреждениях ГУЛАГа. Отдел мест заключения – где же еще могли свить гнездо «разложившиеся бюрократы», «позорящие славное имя чекистов»... Разоблачение вредительской группы, созданной начальником сельхозколонии, – вот это дело! Будет, о чем доложить товарищу Ежову.

Спешить с арестом Лиманского Барышев не стал.

В отделе кадров облуправления просмотрел его служебное личное дело, строчку за строчкой прочитал многостраничную анкету, заполненную им при поступлении в НКВД. Запросил Новоузенский райотдел НКВД, что известно о прошлом Лиманского, о его родственниках. Нагрянув в Балашовскую колонию, накрутил хвост Каверину: «Ворон считаешь! А враги народа под боком у тебя орудут!...»

Начальник оперчасти Каверин – «кум» СХИТК № 1 – сработал в деле Лиманского как очень важный винтик. По должности своей он обязан был приглядывать и за начальником колонии, и на него собирать «компромат». Он и собирал в меру своего ума и усердия: высасывал из донесений агентов. Теперь же, беседуя с глазу на глаз со служащими, стал настойчиво выискивать недовольных начальством, расспрашивать, требовать «факты». Правильны ли распоряжения Лиманского? А его непосредственных подчиненных? Нет ли в их действиях вредительства? Не говорил ли кто чего антисоветского? А с чего это Лиманский так печется о заключенных?... Наконец, от одного что-то стоящее услышал... Из другого выдавил... Третьему подсказал... Всех заставил написать заявления.

Когда приехал Барышев, сразу выложил, гордый собой, заявления на стол: вот, мол, они – доказательства вредительской работы Лиманского. Да еще антисоветскую группу создал, вражина! Барышев, засомневавшись, уточнил сурово: «Верить можно? Фантиком пустым все это не окажется? Ручаешься? Смотри у меня...» Каверин, волк опытный, даже обиделся на такое недоверие со стороны молодого куратора из УНКВД. Стал убеждать горячо: «Дело верное!»

Тут как раз подоспел и ответ из Новоузенского райотдела. Нашелся-таки на Лиманского «компромат»! Барышев готов был добросовестно копать дальше. Вознамерился даже добиться разрешения ознакомиться с партийной учетной карточкой Лиманского, хранящейся в парторганизации УНКВД. Требовалось «добро» руководства – пошел к начальнику 3-го отдела. Тот и слушать не стал, осадил его резко: «Сколько можно копать! Смотри, до себя докопаться! Арестовывай, добивайся признаний... пока вредители вконец не развалили колонию».

Заперев в сейф отчеты Каверина с оперативной информацией на Лиманского и его ближайших помощников, Барышев завел дело. На папке жирно вывел номер – 12777. Приехав в Балашовский райотдел НКВД 25 октября, потребовал

себе свободный кабинет. Взяв бланки, лично настучал на пишущей машинке четыре постановления об избрании меры пресечения и предъявлении обвинения.

* * *

28 октября Барышев появился в центральной усадьбе СХИТК № 1 ближе к вечеру. С четырьмя опергруппами, на четырех автофургонах. Были арестованы начальник плано-производственной части Авдонин, начальник участка Небасов, заведующий механической мастерской Водянов, старший механик Плявин.

Пять ночей допросов – и материал для ареста главного подозреваемого Барышев набрал. 2 ноября отпечатал очередное постановление об избрании меры пресечения.

«...Рассмотрев следственный материал по делу № 12777 и приняв во внимание, что гр. Лиманский Яков Тимофеевич... достаточно избобляется в том, что являлся организатором и руководителем антисоветской вредительской группы, вел активную вредительскую деятельность в области полеводства и животноводства в Балашовской СХИТК № 1, срывал правительственные мероприятия по вопросу перековки преступного мира в системе МЗ, постановил: гр. Лиманского Я.Т. привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58-7-11 УК, мерой пресечения способов уклонения от следствия и суда избрать содержание в Балашовской тюрьме».

Тут же под «Согласен» получил подпись начальника Балашовского райотдела УНКВД лейтенанта госбезопасности Юлова. И отправил спецпочтой в Саратов.

Страдной выпала осень 1937-го оперуполномоченным госбезопасности. Барышева завалили работой по горло: следствия вел одновременно по десятку дел, возбуждались они беспрерывно, почти каждую ночь – аресты, обыски, допросы. Между Саратовом и Балашовом, по всему району мотался как заведенный. И бесконечная, одуряющая писанина, стук пишущей машинки, горы бумаг...

Две с лишним недели потребовались на утверждение постановления об аресте Лиманского: пока везла его спецпочта, пока шло оно канцелярскими путями-дорогами... Только 19 ноября – в один день – начальник 3-го отдела его утвердил, а прокурор «по специальным делам» резолюцией в правом верхнем углу санкционировал арест.

Когда социалистическая законность соблюдалась, даже в органах госбезопасности жернова бюрократической машины ворочались не быстро...

От прабабки-цыганки Якову Лиманскому досталась способность с первого взгляда оценивать людей, обостренная интуиция. А еще – безошибочное и конкретное предчувствие беды... Но теперь оно и не требовалось: слишком хорошо он знал, как работают органы госбезопасности.

Чуть ни каждый день то одного, то другого работника колонии вызывали по телефону в Балашов, в райотдел НКВД. На допрос. Все они вернулись. Значит, дали свидетельские показания – тем дело и ограничилось. Ни один к нему

не зашел. Не намекнул хотя бы, о чем допрашивали. Не предостерег, не предупредил по-товарищески... Хотя надеяться на это было бы верхом наивности: ведь с каждого взяли подписку о неразглашении. Самого же его не вызывали. Уже вторая неделя пошла...

С особой торжественностью Лиманский организовал в колонии празднование 20-летия Великого октября. Как никогда ярко, пышно украсили клуб. Кумача и белой масляной краски не пожалели... Выступил с докладом перед сотрудниками и заключенными, вдохновляюще рассказал об успехах СССР, о неизбежной победе социализма во всем мире. Завершил, как положено, здравицами ленинскому ЦК и лично вождю народов товарищу Сталину. Дружно спели «Интернационал»: он запел – все подхватили.

Потом – большой концерт. Замечательно выступили приглашенные артисты. И своя самодетельность не подвела. Потом – танцы.

А из головы не выходила мысль о возможном аресте. Пытался отгонять: ведь вины за ним никакой нет... А если случится худшее? И даже жену арестуют? Логика органов известна: не может жена не знать о замыслах мужа – значит, соучастница. Если его расстреляют – и Анне, скорее всего, лагеря не миновать. Иза в одночасье станет сиротой. Отправят в детдом. Вся жизнь наперекосяк: с клеймом «дочери врага народа» в институт не поступит, в комсомол и партию не примут...

Как-то ночью, убедившись, что Иза заснула, плотно закрыл дверь в «залу». И очень серьезно поговорил с Анной. Строго наказал, что делать и чего не делать, если вдруг его арестуют. Никуда не жаловаться. Не ездить в райотдел или облуправление НКВД. Не добиваться встречи со следователем и прокурором. Не носить в тюрьму передачи. Снять комнату где-нибудь на окраине Балашова. Его брату и сестрам, всем прочим родственникам об аресте не писать и за помощью к ним не обращаться. В школу не устраиваться – искать место дворничихи, уборщицы, посудомойки...

– Хорошо, что фамилия у тебя другая, Аннушка...

– Яшенька, что же будет?

– Может, и плохо все обернется. Допрашивать если станут – показывай одно: муж дома о служебных делах никогда не говорил. И стой на том твердо. Если тебя не арестуют – уезжайте подальше. В Сибирь куда-нибудь. Придет время Изе паспорт получать – фамилию поменяйте...

* * *

...Автофургон, весь заляпанный грязью, въехал наконец во двор Балашовской тюрьмы. В камеру Лиманского не отвели – сразу на допрос. Лицо его посерело, близко посаженные глаза потухли, плотно сомкнулись побелевшие губы.

На Барышеве бессонная ночь не сказалась: энергия была ключом. Фуражку кинул на стол, рядом – тощую картонную папку. Сбросил кожанку, повесил на спинку стула. Усевшись, проворно развязал шнурки, разложил бумаги. Поболтал чернильницу – полная.

– Не мне вам говорить, гражданин Лиманский... – пальцем опробовал стальное перо ученической ручки, – чистосердечное признание облегчит вашу участь.

– По каким статьям я обвиняюсь? – всеми силами Лиманский старался сохранить в голосе уверенность, спокойствие.

– Да вы сами должны знать... в чем ваша вина.

– Никакой вины за собой не знаю.

– Ну да?! Выходит, мы ошиблись...

– Я прошу ознакомить меня с постановлением.

Лиманский знал: по закону его обязаны ознакомить с постановлением об избрании меры пресечения. Под роспись. Но настаивать, требовать повышенным тоном благородно не стал: не нужно «заводить» молодого опера.

– Ознакомлю, конечно. Всему свое время...

Оперуполномоченные сплошь да рядом пренебрегали этой «бюрократией». Не до нее, когда дела идут потоком. По обыкновению, махнул на нее рукой и Барышев.

Достав из бокового кармана куртки пачку папирос, закурил неспешно. Предложил Лиманскому, хотя знал: тот не курит. Отказа не принял.

– Берите-берите. В камере пригодятся. Сами знаете...

– Спасибо.

– Ну, не будем время терять.

Потыкав ручкой в дно чернильницы, придвинул к себе бланк «Анкета арестованного». Маленькую – на спецпропуск – фотографию Лиманского приклеил загодя: из его личного дела предусмотрительно взял одну лишнюю. Вот и пригодилась...

Зачитывал вопросы – Лиманский отвечал ясно, не запинаясь. Барышев записывал с его слов. Убористо, торопливо, но разборчиво. Вопросы самые основные: фамилия, имя, отчество, дата и место рождения, место жительства, профессия... Просто и быстро: вопрос – ответ – скрип пера.

Про место службы и должность спрашивать не стал – сам написал: «Балашовская с/х колония № 1. б. нач. колонии».

– Социальное происхождение какое?

– Из крестьян.

– Социальное положение до революции?

– Сельскохозяйственный рабочий. Батрак.

Нахмурился вопросительно Барышев.

– Разве не собственный надел у вас имелся?

– С десяти лет, после смерти отца, работал по найму. Маленький надел от общины только в пятнадцатом году получил. Перед самой мобилизацией...

«С/х. рабочий», – наскрипело перо.

– А после революции?

– Служащий.

– Образование какое?

– Низшее.

Замерло перо. Снова нахмурился Барышев, поджал губы. Взгляд его ушел в себя. Лиманский с первой встречи приметил: так всегда меняется лицо молодого опера, когда не сразу улавливает что-то.

Барышев действительно задумался. И про Киевскую артшколу, и про совпартшколу в Энгельсе он читал в личном деле Лиманского. Сам он таким образованием похвастаться не мог. Хотел уточнить, но не стал. Ладно, пусть будет низшее...

Перо опять заскрипело: «Нисшее».

Оба они хорошо поняли друг друга. Лиманский хотел выглядеть по анкете «классово близким», «простым советским человеком»: происхождение – пролетарское, образование – низшее. Ведь может так случиться, судьи его, вынося приговор, ничего и не увидят, кроме этой анкеты и обвинительного заключения. Барышев грамматику посрамил. Но не себя: из какого-то сочувствия, неуместного теперь – даже опасного для него, – не стал хватать арестованного за язык.

Механически заполнил пункт «Партийность»: «Б. чл. ВКП(б)». Ничего иного тут и не может быть написано: недопустимо для члена партии оказаться под следствием и судом. Нет в рядах партии преступников, тем более – врагов народа. И всякий подлежащий аресту – уже бывший член партии, ибо органы не ошибаются. Сегодня же Юлов, начальник райотдела УНКВД, спецпочтой, в спецпакете со штампом «Секретно», отправит в Балашовский райком партбилет Лиманского. Приложив уведомление об аресте его как врага народа. И через неделю-другую оттуда придет сообщение об исключении его из рядов ВКП(б).

– Национальность?

– Украинец.

Не стал спрашивать Барышев и о службе в белых армиях, «участии в бандах и восстаниях против Соввласти». Перо легко наскрипело «Нет».

– Репрессиям подвергались каким при Соввласти?

– Нет, не подвергался.

– В Красной армии где служили? И кем?

– В Двадцать пятой Чапаевской дивизии. В Двадцать пятом артдивизионе. Орудийным начальником.

– Когда?

– С восемнадцатого года... по двадцать четвертый.

И опять Барышев предпочел довериться словам Лиманского. Ладно, по 24-й так по 24-й. Написал: «С 1918 по 1924 г.». Не оканчивал арестованный артшколу в Киеве... Ведь образование у него – «нисшее». В конце концов, сам Лиманский анкету подпишет – головой будет отвечать за правдивость сообщенных сведений.

Думал ли Барышев о своей собственной голове в этот момент? Конечно. Рисковал? Конечно.

– Состав семьи перечислите. Кто где проживает?

Ждал Лиманский этого вопроса, готовился. Но никак не мог решиться, что же сказать о младшем брате. Петр и впрямь пошел в гору по линии кооперации: возглавил всю розничную торговую сеть астраханского Рыболовпотребсоюза.

А минувшей весной, совершенно неожиданно, его перебросили на партийную работу – назначили инструктором в политотдел Уральского речного пароходства. Теперь он живет в Уральске, центре соседней области, совсем недалеко от Саратова. Правда, часто в Гурьев ездит, в командировки... Написала обо всем этом Василиса: сам Петр после их встречи в Астрахани письмами не баловал. Последний раз – открытку на Новый год прислал... Конфисковал Барышев то письмо Василисы или нет?..

– Жена Анна Дмитриевна Золотухина... Дочь Елизавета, семи лет. Живут вместе со мной, на центральной усадьбе...

– Не живут уже... – перебил Барышев, не отрывая глаз от бумаги. – До полудня должны уехать в Балашов. Устроятся где-нибудь...

Пока ложилось на бумагу слово «Балашов», Лиманский испытал облегчение. Впервые после ареста. Словно камень с души свалился. Выходит, Барышев не собирается Анну арестовывать. Пока, во всяком случае. А ведь мог бы и смолчать...

– Сын от первого брака... Иван. Служит в Красной армии. В Бобруйске.

Едва дописал Барышев «Служит в РККА», успокоился и за сына. Вряд ли его тронут: давно живет в другой семье, слишком далеко от него. К тому же с оружием в руках служит социалистической Родине. Да не где-нибудь – в приграничном округе.

Дошел до сестер: Мария Подгорная, проживает в селе Старая Полтавка, и Василиса Кривоносова – в Астрахани. И только тут решился... Местом жительства Петра вместо Уральска назвал Гурьев: отвести от брата угрозу... Стукнет Барышеву в голову направить запрос в Уральск – может и тем кончится, что арестуют Петра. Примутся выяснять, какую «связь» имеют они между собой да с какой целью брат врага народа «проник» в партийные органы... Маловероятно, конечно, но попадетса дотошный опер – дотянет «ниточку» и до двоюродного брата: отслужив два года в пехоте, Тимоша вернулся на Астраханский рыбкомбинат... Если установят потом, что скрыл правду о месте жительства Петра, – найдет, чем отговориться. Позабыл, перепутал от волнения... Семь бед – один ответ. Приговорят к расстрелу – пули все спишут. Отстоит свою невиновность – и списывать ничего не придется.

Анкета, подписанная сначала оперуполномоченным, потом арестованным, с легким шелестом легла в папку. Место ее на столе занял чистый бланк «Протокол допроса». Сбив с папиросы пепел, Барышев переспросил:

– Так значит, гражданин Лиманский, не знаете за собой никакой вины?

– Нет.

– Ну да... – Барышев хмыкнул. – Отвечайте, ежели так... Раскулаченные кто есть из ваших родственников?

На миг Лиманский почувствовал, как силы предательски покидают его.

– Дядя... Дядя по матери... Он был раскулачен.

– Фамилия его какая?

– Чумаков... Николай Денисович.

– За что его?

– Я считаю, что...

– Вот не надо мне этих «считаю»! Оставьте при себе. Отвечайте прямо.

– Дядя владел паровой мельницей. Но это было при нэпе. Тогда допускалось владение небольшими предприятиями...

– Да кто спрашивает, что тогда допускалось! Владел или не владел?

– Владел.

– Раскулачен?

– Да, раскулачен.

– Вот так и надо отвечать. Покороче...

В голосе Барышева Лиманскому почудилась нотка сочувствия. А тот вдруг резко посуровел:

– А при вступлении в партию вы сообщили об этом?

– О чем?

– Что дядя – крупный кулак, мельницей владеет...

Лиманский хорошо знал: документы партийных органов – святая святых. Даже для оперов госбезопасности они недоступны. И вопрос этот – ловушка. Ведь в партию кто только ни лез при нэпе. И что только ни скрывал при вступлении и обмене партийных документов. Потому-то обычное дело для следователей – расставлять такую ловушку всем партийным. Чтобы заставить обвиняемого изворачиваться, выкручиваться. Потом легче будет «колоть»... Нет, не выкручиваться ему сейчас нужно, только не выкручиваться – доказывать, что он чист перед партий. Что скрывать ему нечего. И доказывать уверенно, убедительно.

– Я вступил в партию в двадцать четвертом году. При нэпе. О том, что мой дядя владеет мельницей, не заявил...

– А при обмене партийных документов?

– И при обмене партийных документов... в прошлом году, тоже не заявил...

– Значит, вы скрыли это от партии? Так?

– Да, гражданин следователь, я должен признаться... Я скрыл эти обстоятельства.

Барышев мог торжествовать: нюх не подвел его! Настал самый подходящий, решающий момент. Нажать на обвиняемого, навалиться – сломить, выколлотить признательные показания... Вместо этого он принялся записывать вопросы и ответы.

Лиманский успел собраться с мыслями. Дядя Николай, как отобрали у него землю и мельницу, сразу уехал из Старой Полтавки. По слухам – в самую Москву, завербовался метро строить... Кажется, Мария в письме сообщала. Достоверны те слухи или нет, но и себя, и семью свою он спас от выселения, от лагеря...

– Ну, так... И где же теперь ваш раскулаченный дядя? Какую связь имеете с ним?

– Я не знаю, где он находится. Не знаю именно потому, что никакой связи с ним не имею.

Отвечал уверенно: с дядей Николаем никогда не переписывался. Неужели из-за раскулаченного дяди арестовали его? А может, колхоз «Коминтерн» припомнили?

– Почему же вы скрыли эти обстоятельства от партии?

– Я не придавал этому никакого значения. Ибо, повторяю, никакой связи с ним не имею. И никогда не имел.

Барышев подустал-таки. Заныли пальцы, держащие ручку. Да еще волком накинудся голод. Понятное дело: со вчерашнего вечера маковой росинки во рту не было. Совсем некстати вспомнились галушки по-полтавски...

– Потому, значит, и скрыли. Так и запишем...

В голосе его Лиманскому снова почудилось что-то вроде сочувствия. И усталость. Он внимательно следил за пером: уже не так торопливо бежит по тонким черным линиям бланка, оставляя за собой фиолетовые, с легким наклоном, слова. В словах этих, возможно, таится его смерть... Так что же за тучи собрались над его головой? В Саратове разоблачили группу сторонников Бухарина? Кто-то дал показания против него? Или действительно припомнили шестилетней давности обвинение в «правом уклоне», в проведении «кулацкой линии»? Тогда при чем тут его помощники по СХИТК?

Ответов не было. Получить ответы он мог только из вопросов Барышева. Но их не последовало: оперуполномоченный скороговоркой зачитал протокол.

– Распишитесь. На каждой странице...

Камера, куда привели Лиманского, была забита битком. Построили Балашовскую уездную тюрьму перед самой германской войной. В камеры, рассчитанные по тогдашним нормам на 4-х арестантов, теперь набивали до двух десятков человек. Уголовников вперемешку с арестованными по 58-й статье УК, за «контрреволюционные преступления».

Смрадный полумрак скрывал лица, приглушал разговоры и надсадный кашель. Дышать нечем: табачный перегар не мог забить вонь переполненной параша, давно не мытых тел и хлорки. И сырая духота. Кто-то подвинулся, уступил ему пяточок цементного пола. Подстелил под себя шинель. Подчиненных своих бывших даже не стал высматривать: не могли его посадить вместе хотя бы с одним из них. Сажать «подельников» в одну камеру – запрещено категорически. Прикрыл глаза. О еде даже думать не хотелось – только перевести дух, собраться с мыслями...

* * *

Ночью Лиманского снова вызвали на допрос.

В комнате было сильно накурено. Сразу бросилось в глаза: скуластое лицо Барышева посмурнело.

Типографские бланки протоколов закончились. Следователю пришлось самому выводить наверху чистого листа: «Протокол допроса».

– Про Авдонию расскажите. Как вы знаете его? С какого знакомы?

Голос его стал жестче, фразы – отрывистее.

– Впервые я встретил Авдонию в марте. Этого года. Или в апреле... Когда он приехал на работу в колонию.

– Взаимоотношения у вас какие были?

– Чисто производственные.

– Других не было?

– Нет. Только чисто производственного порядка.

– Так...

Перо раздраженно стучало о дно чернильницы, карябало рыхловатую бумагу.

– Политическую характеристику его дайте.

Миг – и интуиция предостерегла Лиманского: ловушка! Неужели Авдонию на болтливый язык подвел?

– На политические темы я с Авдониным никогда не говорил. Поэтому охарактеризовать его с политической стороны не могу.

– А с производственной?

– Как агроном он был слаб. И всей работы не охватывал... Притом он не имел никакой помощи со стороны Отдела мест заключения. Особенно со стороны старшего агронома Епифанова.

Барышев оживился. Пристально глянул в темные глаза Лиманского. – Значит, Епифанов не помогал ему? Так?

– Именно так.

– Ага... А Небасова как вы знаете?

– Небасова я узнал, когда приехал в колонию...

Не вдаваясь в мелочи, Лиманский рассказал о недобросовестной работе Небасова. Привел пару фактов. Решил, хватит пока.

– ...Эти отрицательные моменты в его работе граничили с преступным деянием... Однажды я заявил ему в глаза: «Если вы занимаетесь вредительством, то это вам не пройдет». Считаю, что Небасов – не совсем советский человек.

Ему еще раз пришлось выдержать пристальный взгляд Барышева. Долгий, многозначительный.

– Теперь о Плявине расскажите. О нем что вам известно?

Лиманский не шелохнулся. Будто намертво прирос к дубовой табуретке, привинченной к полу. А мысли металась лихорадочно. Так может, Плявин по глупости ляпнул что антисоветское? Скорее уж он, чем Авдонию.

Пару раз жестом прервав Лиманского, Барышев записал его показания о скверном отношении Плявина к работе, о его нездоровых настроениях, об антисоветских высказываниях его жены... Ничего нового. Все это он давно знал от Каверина.

– О Водянове расскажите.

– Знаю его с момента моего приезда в колонию. С политической стороны он для меня не известен.

Лиманский уже гадал, с каким вопросом теперь, по второму кругу, начнет опер «обходить» его бывших подчиненных. Кто же совершил что-то преступное? Что именно? Кто показал против него? Что именно показал?

А Барышев, торопливо дописав, повел обвиняемого совсем на другой круг.

– А Епифанова вы знаете?

- Да, знаю.
- Давно?
- С тридцать пятого.
- Имели с ним встречи?
- Да.
- Где?

– В колонии, когда он приезжал туда. Еще в Саратове, когда я ездил в облуправление.

- Какой характер носили ваши встречи?
- Только производственный.
- С политической стороны вам что о нем известно?

Мысли Лиманского метнулись в другую сторону. Наконец-то, показалось ему, картина проясняется. Барышева, похоже, больше других Епифанов интересует... Выходит, тот и совершил что-то преступное. Или... А может, главная цель госбезопасности – Отдел мест заключения? Неужели так и есть? Просто начать решили с мелкой сошки – старшего агронома. А ему-то самому какая роль отведена? А помощникам его бывшим? Роль поставщиков уличающих показаний?

– На политические темы разговоров с ним я не имел. А вот о работе его как агронома сказать могу... Он совершенно не вел борьбу с сорняками. И меня ориентировал на то, что бороться с сорняками не нужно. Доказывал мне, что сорняки в условиях Саратовской области – явление нормальное. И все последние годы засорение полей в колонии усугублялось. В наибольшей степени это относится к вине именно Епифанова...

Отвечал спокойно, не частил. Барышев не перебивал, не уточнял. Записывать успевал почти дословно.

– А какие у них были отношения? Между собой? Вот у всех лиц, о которых вы говорили выше... – В голосе его пробилась вкрадчивость.

Интуиция Лиманского опять сработала мгновенно: ловушка! Да не просто – на медведя капкан.

– Отношения были производственные. Были между ними или нет отношения на какой другой почве – я не знаю.

– Не знаете? Тогда расскажите о ваших связях с ними.

– Я уже рассказал.

– О ваших связях со всеми этими лицами, – с нажимом уточнил Барышев, откладывая ручку.

Догадка поразила Лиманского. Оглушила.

– Я был связан с ними только на производственной почве...

– Ложь!

Костлявый кулак Барышева почти без размаха грохнул по столу. Чернильница подпрыгнула. Лиманский вздрогнул.

– Правду говорите!

Барышев сорвался на крик. И тут же оглянулся на дверь. Зачем, Лиманский не понял.

– Я говорю вам чистую правду, гражданин следователь. Связи у меня с ними были исключительно на производственной почве.

Вдавлив дымящий окуроч в пепельницу, Барышев резко поднялся. Широко зашагал по комнате. От стены с зарешеченным окошком к двери и обратно, снова туда и обратно. Замерев возле двери, почти прокричал:

– Не лгите, обвиняемый! Следствию известно все!

Сияясь пронзительным Лиманского суровым взглядом, отчеканил:

– Следствию известно... Ваши связи с этими лицами носили по-ли-ти-че-ский характер. Политический! Я требую правдивых показаний. Слышите?!

Всей кожей Лиманский ощутил: раскалился Барышев, точно ствол орудия после часа беглого огня. Но в раскаленности этой, в гневном крике отчетливо почуял что-то неестественное, наигранное. Как вчера, во время ареста... Главное, удержат себя в руках. Ничем не задеть самолюбия молодого опера. Не протестовать. Не требовать доказательств... Скоро их и так ему предъявят – «доказательства» эти.

– Я говорю чистую правду. Никаких политических связей с этими лицами я не имел.

Барышев, поостыв, вернулся за стол. Взялся за ручку... Писал не торопясь, словно давал обвиняемому возможность найти единственно верный ответ. Дописав, замял пальцами мундштук папиросы, зажег спичку. Пыхнув пару раз дымом, заговорил спокойно:

– Следствие располагает данными... вы являетесь участником антисоветской вредительской группы. В ее состав входили все эти лица. Вот все те, кого вы называли... Будете отрицать?

Кровь хлынула в голову Лиманскому, непроизвольно сжались кулаки. Вот оно что! Неимоверным усилием воли сохранил самообладание.

– Я ка-те-го-ри-че-ски отрицаю это обвинение. Я никогда не являлся участником антисоветской вредительской группы. И я ни-че-го не знаю о ее существовании.

Барышев прекратил допрос. Начал зачитывать протокол... Вслушивался Лиманский, подписывал аккуратно листы, а в голове его пульсировала резкая боль. Вместе с нею билась отчаянно, как попавшая в ловушку птица, страшная догадка: «Обвинения – сразу по трем частям 58-й статьи УК. По 7-й – «подрыв государственной экономики». По 10-й – «антисоветская агитация». По 11-й – «создание контрреволюционной организации». По каждой – расстрел».

* * *

Четверо суток Барышев не вызывал Лиманского: сосредоточился на его «подельниках», на сборе улики. Съездил в Саратов – допросил арестованного Епифанова, бывшего старшего агронома Отдела мест заключения. Но прежде проскочил в СХИТК № 1 – еще сильнее накрутил хвост Каверину.

Выказав усердие не по уму, «кум» расстарался. Одного за другим вызвал агронома, зоотехника и механика, оставшихся за старших. Втолковал: аресто-

ванные начальники бывшие – все занимались вредительством, входили в антисоветскую группу. Организовал ее Лиманский, умело замаскировал. Для ее разоблачения нужны акты и справки о сильной зараженности клещом зерна в хранилищах, о большом количестве павшего скота, о преступном содержании техники... А чтобы те исполнили все, как надо, пригрозил каждому: «Станешь выгораживать врагов народа – будешь арестован как член той же вредительской группы».

Поздним вечером 26 ноября дошла наконец очередь до главного обвиняемого. Допрос этот, прикинул Барышев, станет последним...

Пять тягучих дней и четыре долгие, бессонные ночи в камере измучили, извели Лиманского. Клопы, сырость, смрад параши, баланда тюремная так не истерзали, как неизвестность, ожидание, собственные мысли.

Доносчика вычислил. Какое-то время прикидывал: Небасов или Плявин?.. Скорее – Небасов. Плявин, конечно, механизатор никудышный и человек слабый, но все-таки честный. Да и взгляд Барышева подсказал, когда о Небасове давал показания. Подчеркнуто многозначительный взгляд... Не ясно только, по собственной ли охоте Небасов донес. Или оклеветал, себя выгораживая? Когда приперли его к стенке... Никакой вредительской организации в колонии не было и в помине. Лодыри, неумехи, болтуны, несоветские люди с нездоровыми настроениями – были. Но намеренным вредительством никто не занимался. Получается, он сам где-то допустил ошибку. Где же? В чем-то недоработал? Чего-то не доглядел? Кому-то доверился зря? Может, не следовало что-то говорить. Или какую-то бумагу подписывать... Или все-таки был в колонии замаскировавшийся классовый враг? Тогда виноват в том, что потерял бдительность. Не распознал. Дал обмануть себя... Но кто он, этот враг?

Болезненно обострившаяся память разворошила весь минувший год жизни – год работы в колонии. Воскресила ситуации, сцены, разговоры, слова, интонации, жесты, взгляды... И еще бумаги служебные – планы, отчеты, справки, запросы, телеграммы... Все это крутилось в его пылающей жаром голове, будто калейдоскоп вертели без усталости чьи-то ловкие руки. Прислонился затылком к сырой стене – хоть чуть остудить голову. Что бы привести в порядок мысли, припомнить все как можно точнее, разложить по полочкам. От этого сейчас жизнь его зависит. Судьба Анны и Изы.

Линию защиты выстроил: не дать себя запугать, все обвинения твердо отрицать, ответственность за ошибки и недоработки подчиненных на себя не брать. Тем более – ложных показаний ни на кого не давать. Ни в коем случае. Даже если пообещают прекратить дело в отношении его самого. В ловушки не попадаться. Если была вредительская группа – значит, были акты вредительства, саботажа. Следствие должно вскрыть факты, собрать улики. Предъявят – опровергать аргументировано, ссылаться на документы. Собственные свои недоработки честно признавать – не выкручиваться. На все были свои причины. Объективные причины, от него не зависящие. Чего точно не было – так это намерения навредить хозяйству колонии.

И главное – не ставить следователя в глупое положение. Не провоцировать его на применение физических методов воздействия. Ведь Барышев пока не прибег к крайним мерам. А мог бы... Ему дают спать от отбоя до подъема. Не устраивают «конвейер» – многосуточный допрос несколькими чередующимися следователями. Не ставят на «стойку» – спиной к стене на день-два, пока не упадешь. Не сажают на ножку перевернутой табуретки. В общем, ничего не делают из того, о чем с ужасом шепчутся в камере... А главное, не трогают жену... Ее судьба – тоже в руках Барышева. Постановление об аресте оформит – и все... А что делать, если все-таки арестуют Анну? Не Барышев – так начальство его саратовское прикажет... Тогда что делать?!

Усаживаясь на отполированную до блеска табуретку, Лиманский заметил: дело распухло – тесемки едва завязываются. Густо торчат из него бумажные закладки.

Барышев был сосредоточен, собран. Сурово хмурился. Голоса сразу повышать не стал – цедил сквозь зубы.

– Вы намерены и дальше отрицать свою вину? Или дадите наконец правдивые показания? О том, как являлись участником антисоветской группы. И занимались вредительством...

– Участником антисоветской группы я не являлся. Вредительством не занимался...

– Ну да!.. Это подтверждается показаниями свидетелей. И ваших единомышленников. А также документами... Еще раз предлагаю: говорите правду.

– Я говорю только правду.

Барышев, пыхнув дымом, отложил папиросу. Придвинул дело. Перехватив одну из закладок, открыл нужную страницу.

– Зачитываю вам выдержки из показаний обвиняемого Небасова. От двадцать девятого октября... «В состав антисоветской группы кроме меня входили начальник колонии Лиманский, начальник планово-производственной части Авдонин, механики Плявин и Водянов, и старший агроном Отдела мест заключения Епифанов. Поименованные лица проводили организованную антисоветскую вредительскую деятельность в хозяйстве колонии. Лиманским я был обработан в антисоветском духе и им же был вовлечен в состав вредительской группы». И теперь будете отрицать?

– Буду отрицать то, чего не делал. Антисоветской обработкой и вовлечением во вредительскую группу я не занимался.

– Вот еще из показаний Небасова... Вы дали ему вредительское указание посеять просо на участке, сильно засоренном сорняком. По этой причине погибла часть посева. Будете отрицать?

– Указание такое дал не я, а Епифанов. Я дал согласие на посев, потому что некоторых участков еще не знал. Просто не успел своими глазами увидеть. В результате часть посева действительно погибла.

– Вы дали Небасову приказание снять уборочные агрегаты с косовицы ячменя. Вот его показания... В результате было потеряно много зерна. Скажете, не давали?

– Такое указание я действительно давал. И через Авдонию, и лично Небасову. Сделал я это вот почему... Овсу угрожала опасность осыпания, а ячменя к тому времени уже много потеряли. Исключительно из-за нехватки исправных тракторов и отсутствия горючего на нефтебазе. Больше уже ячмень дать не мог. Поэтому я считаю свое указание не вредительским, а вполне правильным. Оно было оправдано производственной необходимостью

– Так значит... Вот еще из показаний Небасова... Вы дали ему вредительскую установку искусственно перезаразить зерно клещом. Зачитываю...

Услышанное поразило Лиманского: он якобы дал Небасову указание развести зараженное клещом зерно с перевалочного пункта по другим складам. Чтобы заразить все зерно в колонии. Ложь! И чушь несусветная к тому же.

– ...В этом вы признаете себя виновным?

– Нет, не признаю. Показания Небасова – лживые.

И принялся обстоятельно рассказывать, как в сентябре на перевалочном складе сопрело и заразилось клещом 80 тонн ржи. По вине именно Небасова. Барышев слушал внимательно. Прервав жестом, записывал. Старался покороче, самую суть. Опять слушал – опять записывал.

– ...Виновным в умышленном перезаражении ржи клещом я себя не признаю.

Из коридора донесся какой-то шум.

– Это ложь! – взорвался вдруг Барышев.

И грохнул кулаком по столу. Метнул взгляд на дверь. Снова кулак его обрушился на дубовую столешницу. И снова – крик:

– Прекратите заpirationство! Дайте честные показания!

И пошел-поехал допрос по замкнутому кругу.

Барышев задавал вопросы – давил все сильнее. «А с какой целью вы составили вредительский план уборочной кампании? Причем не один. Вам помогали ваши соучастники – Плявин и Водянов...» «А чем вы объясните срыв заблаговременной закупки запчастей к тракторам? Намеренный срыв!...» «А что вы скажете о порче уборочных агрегатов? Как раз в разгар посевной!...» «Были такие случаи, когда вы сдавали зараженное клещом зерно на элеватор в счет госдачи?...» «Насчет присвоения вами зарплаты заключенных что скажете?...» Монотонно зачитывал выдержки из показаний свидетелей и других обвиняемых – «единомышленников» и «соучастников». Более внятно, с расстановкой зачитывал справки и акты.

Лиманский слушал сосредоточенно. Отвечал подробно. Со знанием агрономии и зоотехники пояснял, как было на самом деле. Опровергать неправдоподобные, составленные уже после его ареста, справки и акты оказалось куда легче, чем отрицать голословную клевету. Сам ссылался на документы по памяти. Твердо стоял на своем: «Показания эти ложные, их я отрицаю, виновным себя не признаю».

Услышав это, Барышев выходил из себя, стучал кулаком по столу, срывался на крик. «Во вредительской деятельности вас обвиняют ваши соучастники!» «Прекратите заpirationство!» «Показывайте правду!»

Успокаивался Барышев так же внезапно, как и взрывался. Прикуривал свежую папиросу от окурка. И аккуратно записывал ответы... Курил он сегодня как никогда много. Смятые окурки заполнили пепельницу чуть ни до краев. Обвиняемому папирос не предлагал.

Задавал следующий вопрос – и все повторялось...

Лживостью всех свидетелей и «соучастников» превзошел служащий СХИТК № 1 Фадин: «За время совместной работы с Лиманским в сельхозколонии последний показал себя как человек антисоветского направления. Прикрываясь партийным билетом, Лиманский дискредитировал партию и Советскую власть, преследовал и разгонял коммунистов, зажимал критику и группировал вокруг себя антисоветски настроенный элемент колонии. Вел активную подрывную работу в колонии...» Не многим уступил ему служащий Голобоков: «Антисоветская группа возглавлялась Лиманским. Группа вела широкую вредительскую деятельность в области полеводства и животноводства. Лиманский также вел дезорганизаторскую работу в партийной организации колонии и среди заключенных...»

Судейский опыт помог Лиманскому быстро уловить: показания свидетелей, а их набрали больше десятка, похожи словно близнецы. Одинаковые обвинения, однотипные формулировки. А каждый из четверых обвиняемых показывает и против него, и против всех других своих «соучастников». Почему так вышло – ясно как белый день... И в догадке своей утвердился: обвинения в организации «антисоветской группы» и «вредительстве» строятся на показаниях одного человека – Небасова.

Приступы страха за свою жизнь он еще на германской войне научился перебарывать. Только при одной мысли прошибал озноб, щемило сердце: вот-вот произнесет Барышев роковые слова. Смертельные на сей час: «Ваша жена арестована. Заключена в эту же тюрьму. От вас одного зависит, когда она выйдет на свободу... Хорошо бы ей успеть забрать дочь из приемника-распределителя. Пока не отправили девочку невесть куда...»

Пошел пятый час допроса. Барышев положил перед собой очередной чистый лист – девятый уже.

– Значит, вы намерены и дальше отрицать свою вину? Что являлись участником антисоветской группы. И что вредительством занимались...

– Свою виновность во вредительской деятельности я отрицаю, – севшим уже голосом, но с прежней твердостью ответил Лиманский. – И впредь буду ее отрицать.

– Ну да?... Несмотря на все уличающие вас материалы?

– Независимо от них.

Барышев прекратил допрос. В нарушение порядка дал обвиняемому самому прочесть протокол. Когда тот подписал все листы, протянул еще один.

– Можете ознакомиться с постановлением.

Внизу Лиманский сразу увидел главное: «привлечь в качестве обвиняемого по ст. ст. 58-7-11 УК». Ошибся, выходит. Лишнее себе «нашил». Но и этих двух частей для расстрела хватит.

– Распишитесь, что объявлено вам. Число сегодняшнее поставьте. Двадцать седьмое уже...

Барышев нажал кнопку звонка – вызвал конвой. Лиманского увели. Оставшись один, он устало откинулся на спинку стула. Закурив, незряче смотрел на раскрытую папку... Что чувствовал он в этот момент? О чем думал? Может быть, о том, как странно чья-то воля пересекла их судьбы. Странно и страшно...

В одном он отдавал себе отчет. Как и мы теперь. А именно: окажись на месте Лиманского человек малодушный, нестойкий, уступи он в эту ночь давлению и угрозам, поддайся искушению спасти свою жизнь ценой признания в том, чего не совершал, да еще ценой ложных показаний против «соучастников» – уже через неделю-другую дело было бы закончено. Обвинительное заключение – короткое заседание «тройки» при Саратовском УНКВД – приговор к высшей мере – закрытый спецфургон с расстрельной командой – глубокая яма на «спецполигоне» – остывающие тела, обильно залитые известью и слегка присыпанные землей... Новый год их жены и дети встретили бы вдовами, сиротами...

* * *

4 декабря в Балашовский райотдел НКВД пришло коротенькое письмо за подписью секретаря Балашовского райкома ВКП(б) Панина. «Решением Бюро РК от 29 ноября 1937 года Лиманский Яков Тимофеевич, член партии с 1924 года, исключен из рядов ВКП(б) как арестованный органами НКВД – враг народа».

Как положено, письмо было подшито после анкеты арестованного. Бумага в картонной папке становилось все больше. Но дело забуксовало.

Начальник 3-го отдела, выслушав доклад Барышева, вызванного из Балашова, взгрел молодого опера по первое число. Пока в деле отсутствуют признательные показания главного обвиняемого, Лиманского, – все это туфта. Отдел мест заключения такой туфтой «за яблочки» не возьмешь. И решил так: раз «этот щенок зевластый» не справился – пускай более опытные товарищи помогут ему. Поднатаскают заодно. И приказал этапировать обвиняемых в Саратов.

Целый день везли их железной дорогой. Как положено, в разных отсеках «вагонзака». Глубоким уже вечером в спецфургоне, в разных же отсеках, доставили со станции в тюрьму № 1 УНКВД, что в самом центре города. Ее здания были построены в разные времена. Самое старое – «Тюремный замок» – еще в начале царствования Николая I. Самое новое – Саратовскую губернскую тюрьму – закончили как раз после революции 1905 года. В камеры, рассчитанные на 4–6 человек, теперь втискивали по 30–40 заключенных.

Этапированных из Балашова, как и других только что доставленных, на ночь поместили на карантин. Всех пятерых – в одну камеру. Возможно, по халатности, в спешке нарушили инструкцию, запрещающую сажать «подельников» вместе. А возможно, намеренно устроили им «внутрикамерную проверку», загодя подсадив туда «слухачей». Так или иначе, но это обернулось для них сплотино...

Давно не выдавший своих бывших помощников, Лиманский сразу заметил в них перемену: исхудали, погустела седина, спины согнулись, лица посерели. Глаза ввалились, воспалены. Взгляды затравленные. Движения нервные, неуверенные... Верно, и сам не лучше выглядит. Месяц, считай, в зеркало не заглядывал. Но сейчас поважнее дело есть.

Едва за ними закрылась с лязгом железная дверь, скомандовал тихо:

– Садись, небасовская группа!

Полушутя, но с привычной властью.

Намек его поняли сразу. Вот по чьей милости мы здесь! Как прорвало – заговорили разом. Ума хватило – шепотом. Придавили Небасова к стене. Съежился тот, едва не бухнулся на колени... Хлюпя носом, бегая глазами, принялся оправдываться: насели, дескать, на него Барышев на пару с «кумом»...

– ...Грозил мате́риалом, что я наемную силу эксплуатировал... что от раскулачивания скрылся. А я ж портновским делом занимался-то... И еще будто жандармом служил до революции...

– Да тише ты, черт...

– Христом-богом клянусь, этот материал на меня председатель сельсовета состряпал... Ложь чистой воды! А врачи у меня склероз сердца признали – вот и переехал с Бобылевки своей родной в Балашов этот клятый... У меня ж подписка имеется! Некоторые граждане моего села подписались, что отродясь я жандармом не был. А Барышев с «кумом» еще грозилась жену заарестовать...

Подступил к нему вплотную Лиманский, процедил жестко:

– Правду надо говорить! Всегда! Только правду! Понял меня, Василий Степанович?

Очухался Небасов, собрался с мыслями и силами – пообещал:

– В суде откажусь от своих показаний. Заявлю, что ложные они. Христом-богом клянусь, товарищи...

– Как еще судить нас будут... А то и не представится тебе такая возможность.

Пробыли они вместе до утра. Шептались, отгораживаясь спинами, озираясь на сокамерников. Обсуждали, как быть. Лиманский настоял – все согласились: о признании Небасова на допросах молчать.

* * *

В полдень Лиманского вызвали на допрос.

Барышев был мрачен и зол как никогда. И не один: позади него, у стены с зарешеченным окошком, стоял второй следователь – постарше, интеллигентного вида, в добротном штатском костюме синего шевиота. Манерно держа в пальцах дымящую папиросу, пристально всматривался в лицо обвиняемого.

Начал Барышев с того, чем закончил последний допрос в Балашове:

– Вы создали антисоветскую группу в колонии. Руководили вредительской работой. Материалы следствия вас полностью уличают. Так что предлагаю признаться.

– Свою виновность я отрицаю и считаю...

– Прекрати дурочку валять! – Стоящий у стены резко подался к столу.

Если Бырышев все время держался на «вы» – этот сразу начал «тыкать».

Лиманский глянул на него вопросительно.

– Моя фамилия Петров. Я – следователь Третьего отдела. Сам знаешь, чем Третий отдел занимается, – искоренением контрреволюции. Твоя вина во вредительстве полностью доказана. Не прекратишь заперательство – получишь вышку. А так еще можно посмотреть... Отвечай честно – создал группу?

– Это я отрицаю. И впредь буду отрицать то, чего не было. Сколько раз ни спросите...

– Сколько надо, столько и спросим! – зло усмехнулся Петров. – Пока не признаешься... Встать!

И закрутился «конвейер».

Допрашивали поочередно – Петров с Барышевым. Потом подключились еще двое – Анищенко и Хоменко. Сесть или хотя бы прислониться к стене не давали. Есть-пить не давали. Оправиться не давали... Снова и снова зачитывали «признания» Небасова, показания свидетелей. Кажется, сами уже заучили их наизусть: в бумаги заглядывать перестали. Уговоры «открыться по-доброму» сменялись матерщиной, унижениями, угрозами, сованием кулака под нос. Требовали одного – признаний в «создании антисоветской организации», «контрреволюционной деятельности» и «вредительстве».

Поначалу еще Лиманский пытался что-то объяснить, привести факты и цифры, доказать свою невиновность. Бесполезно. Все это следователей не интересовало. Потому ничего и не записывали. Вот если бы признался!.. Он просил очной ставки со свидетелями, просил приобщить к делу его доклады и заявки в Отдел мест заключения. На все следовал один ответ: «Заявишь на суде. А сейчас признавайся...» Слова эти, как ни странно, помогали ему стоять на своем. Они напоминали о главном: ни в коем случае не проговориться о признании Небасова. Не выдержит если, сошлется на Небасова – все кишки из человека повывогают. А их всех – вдобавок еще и в сговоре обвинят...

Пошли пятые сутки терзаний. Лиманский устал смертно. Ноги распухли, стали подобны бревнам. Лица следователей расплывались, голоса их гудели как в бочке. Пересохший, воспаленный язык еле ворочался... А на него продолжали насаждать, давить. Все те же: Барышев, Петров, Анищенко, Хоменко. Те же вопросы – те же ответы: «Это я отрицаю», «Виновным себя не признаю», «Мои показания правдивые»... Про себя же твердил иступленно: «О признании Небасова – молчать, молчать, молчать...»

Следователи и сами едва успевали передохнуть. Уже с ног валились. Осипли. Глаза покраснели.

Выдохлись наконец. «Конвейер» встал. Итог его пятисуточной напролет работы: ни слова признания, ни листа протокола.

Два дюжих надзирателя доволокли Лиманского до камеры, бросили на пол. Сокамерники переглянулись удивленно: вот уж кого не думали еще раз живым

увидеть. Кто-то разжалобился – его перетащили на нары, смочили водой рас-трескавшиеся губы...

* * *

Вьюжную ночь на 20 декабря, с воскресенья на понедельник, Барышев провел в тюрьме № 1. Спешил до утра оформить последние документы по делу № 12777 – обвинительное заключение и протоколы предъявления материалов.

Минувшие три ночи напролет проводил аресты и обыски. Прилечь, забыться на полчаса удавалось лишь урывками, днем, в своем кабинете в «Сером доме». Так саратовцы окрестили серое трехэтажное здание УНКВД.

Доносы граждан и сообщения агентов сыпались гуще листьев осенних в Балашове. Горы бумаг написал Барышев, извел флаконы чернил. Устал, как кляча. По новым делам начальство уже в шею подгоняет. А дело по обвинению группы работников СХИТК № 1 и подавно бородой обросло. До двух томов «размножилось». Не ожидал он такого. Все по милости главного обвиняемого: заперся Лиманский наглухо. Поглубже бы копнуть, добраться все-таки до материалов об исключении его из партии. Наверняка, там что-то есть... А вот чего точно нет – так это времени. Да и правы старшие товарищи: «Не копай глубоко – докопаешься до себя».

Зевал до хруста в челюстях. Неодолимый сон гнул к столу. Фиолетовые строчки ложились на неразлинованный лист с заметным перекосом. Но с обычной своей одержимостью вызывал и вызывал обвиняемых. Последним – Лиманского.

«Рассмотрев следственный материал по делу № 12777 по обвинению Лиманского Якова Тимофеевича по ст. 58 п. 7–11 УК и найдя, что виновность Лиманского вполне доказана и дальнейшего следствия по делу вести не требуется, а поэтому – руководствуясь ст. 206 УПК, объявил Лиманскому, что дело следствием в отношении его закончено и направляется на судебное разбирательство...»

Перо замерло на миг.

«...в военный трибунал по подсудности...»

Барышеву припомнился позавчерашний, субботний, разговор в кабинете начальника 3-го отдела. Трудный разговор, скользкий. И очень неожиданно, как-то странно обернувшийся... Вызвал его начальник совсем по другому делу. Одобрив проведенные мероприятия. Дал указания. Готов был уже отпустить. И в этот момент – удачный будто бы – Барышев подsunул на утверждение обвинительное заключение по делу № 12777. «Закончил наконец с этим Лиманским?» – «Так точно. Направляю в суд». Сердце замерло, пока тот читал. «Значит, по подсудности решил?» – «Так точно». Одутловатое лицо начальника было непроницаемо. Ярko поблескивали стекла очков, отражая свет настольной лампы, – прятали глаза... Едва уловимая пауза – и синий карандаш размашисто наложил роспись под «Утверждаю». Вышел Барышев из кабинета – вздохнул полной грудью. Будто в детстве, на Волге, когда раков ловил, со dna вынырнул...

Привели наконец Лиманского.

Как положено, Барышев объявил ему об окончании предварительного следствия и направлении дела в суд.

– Желаете чем-нибудь дополнить следствие?

Не далее как пару часов назад Небасов, Плявин и Водянов ответили на этот вопрос отрицательно. После них Авдонин и Епифанов попросили познакомиться их с материалами дела, приобщить некоторые новые документы о работе колонии. Прикрикнул на вредителей – заткнулись. Надавил – заставил подписать протокол. Подпись обвиняемого обязательна: без нее трибунал дело к рассмотрению не примет.

От Лиманского просьб ждал, склонялся даже записать какие-то... Однако услышанное стало для него крайне неприятным сюрпризом. Сон как рукой сняло.

– Я считаю необходимым сообщить следующее... В Саратовской тюрьме я содержался на карантине вместе с Небасовым... И он заявил мне, что от показаний, которые он дал на предварительном следствии, откажется как от ложных.

– Что значит ложных?!

– Так он заявил.

– Кто еще был с вами?

– Нас всех посадили в одну камеру.

Заерзал Барышев. Мрачная задумчивость сковала его потемневшее лицо. Смутное, муторное предчувствие беды прокралось в душу.

– Так есть у вас, чем желаете дополнить следствие?

Ни кричать, ни затыкать рот Лиманскому не стал. Просьбы его записал все, почти дословно. Провести очную ставку с Небасовым, а также свидетелями Голобоковым и Фадиным. В качестве свидетелей допросить бригадиров-заключенных Клюева и Злобина – о борьбе его с потерями урожая, об отношении его к заключенным. Допросить заключенных Алешина и Сосина о питании заключенных и выдаче им зарплаты. Приобщить к делу все хранящиеся в Отделе мест заключения его докладные записки, заявки и телеграммы. Запросить из Балашовской СХИТК и приобщить к делу объяснительные записки к планам посевной и уборочной, справки о намолоте зерна, табели ремонта техники, справки о срывах работ из-за отсутствия горючего на нефтебазе.

– Все у вас? Распишитесь... Ниже пишите: «Об окончании дела следствием мне объявлено...» Дату поставьте. Двадцатое декабря сегодня... Еще раз распишитесь.

Вошел конвоир.

Только теперь, поднимаясь с табуретки, Лиманский заметил: на коверкотовой гимнастерке Барышева – новые петлицы. Серебристые «кубики», облитые красной эмалью. Как в РККА. По два на петлице. А самому ему – суждено ли еще когда надеть гимнастерку со знаками различия?

В зарешеченное окошко заглянуло позднее декабрьское солнце.

* * *

В то утро, 20 декабря 1937-го, Барышев и Лиманский, следователь и главный обвиняемый по делу № 12777, видели друг друга в последний раз.

По тогдашним правилам, если бы Лиманский принадлежал к числу сотрудников НКВД со спецзваниями госбезопасности, то его, а с ним и его «соучастников», судил бы не суд, а внесудебный орган – «тройка» при Саратовском УНКВД. И тогда шансов на то, чтобы вырваться из подстроенной ему смертельной ловушки, у него не было бы никаких. Или почти никаких. Однако как начальник колонии он относился к административному составу войск НКВД, и судить его должен был военный трибунал Приволжского округа внутренних войск. Конкретно, на тот момент, – его Отдел по Саратовской области.

Но все решали не правила, а руководители Саратовского УНКВД.

У Барышева, пока он вел следствие, было стойкое ощущение какого-то особого интереса начальства к этому делу. Не сомневался и ждал: вот-вот вызовут и прикажут поскорее дело Лиманского закончить и направить в «тройку». Не дождался. На свой страх и риск не стал предварительно спрашивать у начальника, как ему поступить, – оформил по подсудности, в трибунал внутренних войск. Раз уж выдержал бывший чапаевец «конвейер» – пускай на суде за жизнь поборется. Там куда больше шансов, что в яму не скинут... А самому ему пора уж получить «младшего лейтенанта госбезопасности», по третьему «кубику» на петлицы. Такое дело размотал!..

Лиманского увели, а Барышев все никак не мог собраться с силами и встать. Надо бы освободить комнату для допросов: другой следователь ждет очереди...

Снова и снова припоминал он разговор в кабинете своего начальника... С чего это вдруг тот потерял интерес к этому делу? Или передумали «на самом верху» – в кабинете Стромина?... Почему? А ежели Отдел мест заключения вмешался? Вернее – начальник его новый, старший майор госбезопасности Генкин. Видно, что хитер, как две лисы... Старый чекист, чуть ни вместе с товарищем Дзержинским начинал. Ногу на фронтах потерял. В Москве, в центральном аппарате, очень высоко сидел. И очень долго сидел. С полгода всего, как в Саратов к ним спущен... Так, может, Генкин еще и поддержкой друзей-товарищей своих московских заручился?

Сам-то он рассчитывал, что трибунал учтет смягчающие обстоятельства. Они есть. Все обвиняемые – рабоче-крестьянского происхождения, образование у всех низшее, воевали за Советскую власть, создавали первые колхозы и МТС... В час трибунал уложится – и поедут они себе спокойно в лагерь. Служили в ГУЛАГе, и наказание отбудут в нем же... А тут эта нелепая «очная ставка» в карантине! Все перепутала... Что, ежели теперь трибунал прислушается к Лиманскому? Поверит этой бабе – Небасову? Тогда ведь может перетряхнуть все дело, проверить на «вшивость» всю «доказательную базу». Не повернется ли тогда все против него – следователя?..

Нечаянно смятая папироса обожгла пальцы – встряхнула Барышева, подняла на ноги, вернула мысли к текучке. Давно уж в «Сером доме» нужно быть...

Вряд ли Барышев нашел тогда, в декабре 1937-го, ответы на свои вопросы. Скорее, даже не пытался искать: инстинкт самосохранения удержал его. Но главное он сообразил: попал в переplet, между Генкиным и своим начальством, и что ни случись теперь – он крайний. И самое время ему – позавидовать раскаленной железяке, оказавшейся между молотом и наковальней.

Мы тоже не знаем точных ответов.

Похоже, действительно к делу № 12777, уже в момент принятия решения о передаче его в суд, закулисно, осторожно, умело приложил руку Яков Генкин.

Лиманскому он приходился только тезкой.

Сын учителя еврейской школы, выросший в ортодоксальной семье, он писал в анкетах, что до революции работал слесарем-водопроводчиком в родном Екатеринославе, Одессе и Херсоне. В разгар Гражданской войны пошел в ЧК. Авторитет заработал на расстрелах заложников и «белогвардейских гадов». В 1922-м из-за осложнения после тифа ему ампутировали ногу. Без малого два десятка лет прослужил в центральном аппарате ВЧК–ОГПУ–ГУГБ НКВД СССР. Под началом Дзержинского, Менжинского и Ягоды. Овладел всеми приемами и тонкостями аппаратных игр. Но это не убергло его от опалы при Ежове. Едва учуял, что «запахло паленым», – исхитрился ускользнуть от ареста в Саратов, начальником Отдела госсъёмки и картографии.

Освоившись в Саратове, похлопотал за себя у Стромина: попросил перевести на освободившуюся должность начальника Отдела мест заключения. «Ну что я понимаю, Альберт, в этой картографии? Она ж пресная, как та маца. Ты ж меня знаешь... Ты ж мне дай живое дело. Дай, куда опыт приложить...»

Стромин действительно хорошо знал Генкина, даже считал себя его земляком. Коренной немец, родившийся в Лейпциге, он несколько лет прожил в Екатеринославе: учился в коммерческом училище. В 1920-м пришел в ЧК. С врагами революции боролся в тех же краях, что и Генкин, – в Новороссии. Отличился беспощадностью к «шпионам Врангеля» и «махновским бандитам». Не раз потом пересекались они по службе. Не раз Генкин помог Стромину, поддержал на крутых изгибах чекистской карьерной лестницы... И возрастом – аж на полтора десятка лет – Генкин был старше Стромина, и спецзванием: два «ромба» в петлицах, а не один. В общем, не отказал Стромин старшему товарищу по оружию: в ноябре перекинул с «пресной» картографии на «живое дело».

И все бы хорошо, да только арест начальника СХИТК № 1 Лиманского оказался подобен мине. Заложеной точно под креслом, так удачно, показалось Генкину, ему подвернувшемуся. И мина эта вот-вот могла рвануть... Он прекрасно понял: разоблачение «вредительской группы Лиманского» – только начало. 3-й отдел на этом не остановится: спит и видит «сострять» громкое дело против саратовских сотрудников ГУЛАГа, против всего Отдела мест заключения. Здешним контрразведчикам «разоблачение» группы «разложившихся бюрократов», «позорящих славное имя чекистов», даст не только новые «ромбы» и «шпалы». Но и самое дорогое даст – возможность отчитаться перед московским начальством в успешной чистке собственных рядов, избежать обвинений в «по-

тере большевистской остроты и бдительности». А вот его недруги в Москве получат возможность дотянуться до него, схватить за горло... А ведь не за годами 50-летие. Так хочется юбилейных благодарностей, наград... Да хотя бы жить остаться!

А чем для Генкина был Лиманский? Ничем и никем. Только подведомственной штатной единицей. Бывшей. Но от того, закопает госбезопасность эту единицу или даст ей еще подышать, – стала вдруг зависеть его собственная судьба. Единица эта запросто, тремя росчерками пера членов «тройки», могла превратиться в гвоздь, забитый в крышку его гроба. Хотя какой уж там гроб – была бы яма сухой. И на том спасибо, товарищи дорогие...

Так развилка судьбы нового начальника Отдела мест заключения Саратовского УНКВД совпала с развилкой судьбы бывшего начальника Балашовской СХИТК № 1: встретишь смерть или разминешься...

Вероятнее всего, Генкин попытался убедить Стромина не направлять дело № 12777 в «тройку». Дескать, сложное-то какое оказалось дело по «этой схитке»: организация труда заключенных, севооборот, урожайность, поломки тракторов, чума у свиноголовья, загнивание картошки, сорняки, мешкотара дырявая, клещ будь он неладен... «Во всем, Альберт, разобраться нужно обстоятельно. С холодной головой, как учил нас Феликс Эдмундович».

И начальник УНКВД снова не смог отказать старшему товарищу.

Так или, может, как-то иначе все было. Но Генкин, спасая себя, облегчил положение Лиманского и его «соучастников». Увеличил их шансы разминуться со смертью.

* * *

Новый год, 1938-й, пришел в положенный срок. Но обвиняемые по делу № 12777, ожидавшие суда в камерах Саратовской тюрьмы № 1, его прихода не заметили. И ничего доброго от него не ждали.

Тем временем председатель Отдела окружного трибунала внутренних войск, военный юрист 2-го ранга Короткин внимательно изучил «дело по обвинению группы работников системы ОМЗ Саратовского облуправления НКВД». И решил рассмотреть в открытом судебном заседании. Не в Саратове, а в самой СХИТК № 1. Ведь именно там – все свидетели и документы, без коих доказательность обвинений надлежащим образом не проверить. Никаких секретных сведений материалы дела не содержат. Сотрудники колонии и могут, и должны присутствовать на слушании. Ибо дело это – показательное, исключительной общественной важности. Тех, кто перековывает преступников, тоже надо воспитывать, учить на их же ошибках.

5 января он обратился к начальнику Саратовской тюрьмы № 1:

«Прошу с первым отходящим этапом этапировать в Балашовскую тюрьму к 21 января 1938 г. заключенных, содержащихся во вверенной Вам тюрьме:

1. Небасова Василия Степановича,

2. Плявина Генриха Гертовича,
3. Водянова Илью Андреевича,
4. Лиманского Якова Тимофеевича,
5. Авдонина Тимофея Георгиевича и
6. Епифанова Ивана Марковича».

Одновременно попросил начальника Балашовского горотдела милиции распорядиться о доставке из Балашовской тюрьмы шестерых заключенных на заседание военного трибунала к 12 часам 21 января в помещение СХИТК № 1. Особо отметил: указанные лица обвиняются по 7-й, 10-й и 11-й частям 58-й статьи УК, ввиду чего «конвой должен быть усиленный».

То ли в колонию их этапировали с задержкой, то ли еще какие обстоятельства вмешались, но заседание трибунала состоялось только 31 января, в понедельник.

Председательствовал Короткин. Членами трибунала были младший лейтенант милиции Немов и сержант госбезопасности Максимов. Секретарем – Вертохвостов. Он прекрасно владел стенографией, и по возвращении в Саратов машинистка напечатала под его диктовку 100-страничный протокол. Полный и почти дословный.

Государственным обвинителем выступал помощник военного прокурора военный юрист 3-го ранга Мицкевич.

Защищали обвиняемых Фурсаев и Клименко, члены саратовской коллегии защитников.

Небольшой зал клуба натопили загодя. Людью он заполнился не густо: приказано было явиться на суд всем специалистам и служащим, но не все смогли оставить работу. Над головами висела напряженная тишина. Вызванные свидетели выходили на сцену чуть ни на цыпочках, так же возвращались на место.

Подсудимые тесно сидели на короткой скамье, поставленной наискосок в углу сцены. Позади них переминались с ноги на ногу балашовские милиционеры в синих мундирах.

Глаз от сидящих в зале Лиманский не прятал. Он невиновен. Перед партией, перед всем советским народом. И перед ними, бывшими подчиненными... Все они привыкли видеть его здесь полновластным начальником. С этой сцены выступал перед ними с речами, докладами. Танцевал с сотрудницами... А теперь наверняка многие сидят и думают: «Раз арестовали – значит, было за что. Просто так у нас не арестовывают». На душе стало совсем гадко... Но с незаслуженным позором он справится. Не самое страшное... Главное – появилась надежда на справедливость. Все-таки принародно судят, защитников допустили... Одолев тягостные раздумья, сосредоточился на судебном заседании. Как в собственную бытность судьей. Постоянно ставил себя на место председателя трибунала. Быстро почувствовал его настроение, начал улавливать ход его мысли, угадывать вопросы...

Короткин судебное следствие не торопил, защитникам рта не затыкал. Обвиняемых допрашивали обстоятельно, копались во всех деталях, вникали в до-

кументы. Выясняли, почему затягивались посевные и уборочные работы, так часто простаивали трактора и комбайны, так много зерна терялось и гибло скота... Лиманский и Авдонин толково опровергали все обвинения, по памяти ссылались на сводки, справки, отчеты. Все свидетели сидели в зале. Производственные документы тоже были под рукой – в канцелярии колонии.

Шаг за шагом члены трибунала убеждались: обвинения в организации контрреволюционной группы, в антисоветской агитации и вредительстве – бездоказательны.

Из свидетелей Короткин и защитники душу вынули.

Голобоков, после зачтения его показаний, выкручивался как мог.

– На предварительном следствии я утверждал о вредительстве со стороны Лиманского и Авдонина вот почему... С момента приезда Авдонина в СХИТК он с Лиманским находился в недружелюбном отношении. То есть все предложения Авдонина... производственного порядка... Лиманский отвергал. Но потом они сработались... И видя, что с их стороны есть неверные установки в работе, я заявил, что это делалось с вредительской целью... А о том, что Лиманский является руководителем контрреволюционной группы, я потому заявил, что подумал... ну... раз Лиманский является начальником колонии, то он руководитель и есть.

– Свидетель Голобоков, приведите конкретно факты вредительства.

– Как факт вредительства со стороны Лиманского, Авдонина и Плявина я считаю... Вот – переброску людей, скота и сельхозмашин с участка на участок в весенне-посевную кампанию. И еще в осенне-уборочную.

– Поясните, свидетель, в чем, по-вашему, заключается тут вредительство?

– Этого я пояснить не могу...

Фадин и другие свидетели выкручивались так же неумело и жалко.

Небасов, как и пообещал бывшим сослуживцам, от своих показаний на предварительном следствии отказался. Собравшись с духом, заявил: они ложные и выбиты из него следователем Барышевым под давлением и угрозами.

– ...А что товарищ Лиманский задерживает зарплату заключенных... И еще деньги их присваивает... так того я даже не показывал. Вот истинный... – Небасов, красный как рак, от волнения чуть не перекрестился. – Это все он сам записал... Следователь Барышев. Лично он. А мне даже не дал прочитать... А только подписать заставил.

И Авдонин, отвергнув все обвинения, пожаловался:

– ...И еще хочу заявить. Следователь Барышев нарушил мои права. А именно: при окончании следствия он ознакомил меня с материалами дела очень мало. И вообще не дал мне возможность сосредоточиться и заявить некоторые ходатайства. Например, о включении дополнительных материалов. Тех, которые опровергают некоторые предъявленные мне обвинения.

Плявин, Водянов и Епифанов тоже попеняли на Барышева: и грубил, и угрожал, и не разрешил дополнить материалы дела...

За окнами посинело. Включили свет.

В пятом часу – уже стухли сумерки – Короткин объявил перерыв.

Судей и секретаря трибунала с помощником прокурора новый начальник колонии пригласил к себе – в служебный домик, где до него жил подсудимый Лиманский. Угостил щедро, как самых дорогих гостей.

Защитников, милиционеров и шофера крытого грузовика, на котором привезли подсудимых, покормили в столовой для служащих.

Подсудимых препроводили в одну из комнат клуба. С кухни, где готовят заключенным, принесли обед. Он оказался куда вкуснее и сытнее тюремного. Кто-то на кухне и подогрел как следует, и, миски накладывая, не поскупился.

В шесть вечера судебное заседание возобновилось. Спустя два часа помощник прокурора Мицкевич сам ходатайствовал об отложении дела и направлении его на следствие.

Заслушав мнение защиты и оправдательные речи обвиняемых, трибунал принял во внимание очевидное: «все пункты предъявленного всем обвиняемым обвинения основаны на показаниях обвиняемого Небасова, данных им на предварительном следствии», «Небасов от всех этих показаний отказался, заявив, что они ложны и даны под воздействием и угрозами лица, производившего следствие», дело «расследовано предварительным следствием исключительно неполно и небрежно». И определил: слушание дело отложить и направить в военную прокуратуру на следствие. Сформулировал конкретные вопросы, на которые следствию надлежит дать четкие ответы, подтвержденные документами. Подсудимых постановил и дальше содержать в Саратовской тюрьме № 1.

На колонию давно опустилась ясная морозная ночь. Как и было обговорено заранее, всех прибывших на судебное заседание устроили ночевать в центральной усадьбе.

Короткину, двум членам и секретарю трибунала, помощнику прокурора отвели пустой домик, где до ареста жил подсудимый Авдонин. Жарко натопили печь. Поставили самовар. Накрыли стол. Нашлось и спиртное по такому случаю.

Для защитников, милиционеров и шофера приготовили койки в одноэтажном деревянном общежитии служащих. Ужином накормили до отвала.

Подсудимых отконвоировали в «зону», в усиленно охраняемый штрафной изолятор – «шизо». В нем было всего две камеры. В одну посадили Лиманского, остальных – в другую. Скоро принесли чай с большими ломтями серого хлеба.

Лиманский согрелся, зажав кружку в ладонях, когда тихо стукнул засов. Тяжелая железная дверь – без ручки с внутренней стороны – отворилась неслышно. Порог нерешительно переступил оперуполномоченный Каверин.

Напрягся Лиманский. Пытался отыскать его в зале – не нашел. А тут вот он – собственной персоной. С чем же это пожаловал «кум», интересно? Дверь чуть приоткрытой оставил. Значит, караульного за ней нет. Что, с глазу на глаз побеседовать захотелось?

Каверин молча, глядя куда-то в искорябанную надписями стену, сунул ему в руки промасленный газетный кулек. Оттуда выглядывали чуть подгорелые пирожки. Горячие и пахучие.

Сунул и сразу развернулся обратно. Уже берясь за дверь, проговорил глухо: – Адрес вашей семьи запомните: Балашов, улица Базарная, дом пять... Засов стукнул еще тише. Начальник караула скомандовал «отбой».

* * *

...Снова камера. Снова теснотища, вонь, сырость. Снова лишь кусочек неба через зарешеченное окошко. Но духом Лиманский воспрянул: военный трибунал камня на камне не оставил от ложных обвинений. И жизнь ему сохранил, и возможность дальше защищать свое честное имя, будущее жены и дочери. Но до победы, предостерегало предчувствие, еще ох как далеко. Может статься, дальше, чем до Варшавы в 1920-м...

Военная прокуратура внутренних войск НКВД Саратовской области вернула дело в Управление госбезопасности УНКВД. Начальник 3-го отдела приказал провести следствие другому своему подчиненному – младшему лейтенанту госбезопасности Неронову. Помимо звучной фамилии тот имел репутацию мастера «убеждать» обвиняемых дать «правдивые показания».

Лиманский впервые увидел Неронова на допросе 19 марта.

Тот был постарше Барышева. И полной его противоположностью: низкий, тучный, с круглой обритой головой и колючим, цепким взглядом выпуклых бледно-голубых глаз. Не курил. Зато много пил, без конца подливая в граненый стакан из большого графина.

Вальяжно развалившись, насколько ему позволил простой канцелярский стул, Неронов взялся за ручку. Небрежно потыкал пером в чернильницу, так же небрежно написал «шапку» протокола допроса. Обильно источая высокомерие и презрение к обвиняемому, приступил к делу. И с ходу стал «тыкать», грубить, угрожать.

– Сказку про колобка помнишь? Так вот. От меня не уйдешь, паскуда...

Вода тонкой струей полилась из горла графина в стакан.

– Два месяца ты водил следствие за нос. Путем сговора со своими сообщниками заморочил головы судьям. Больше такой номер у тебя не пройдет. Понял, паскуда?

Лиманский понял еще раньше: от этого типа можно ждать чего угодно. Главное – не дать себя запугать.

– Разрешите спросить, на чем основано обвинение в сговоре?

– Молчать! – Опорожненный стакан грохнул дном о столешницу. – Здесь я вопросы задаю!

В отличие от Барышева, кулаки свои, белые и пухлые, Неронов берег – стучал о стол дном пустого стакана. Лиманскому казалось, крепкий граненый стакан вот-вот разлетится вдребезги.

– Мне известно все. Уже доказано! Вместе с другими арестованными ты сговорился отказать от предварительных показаний. С целью ввести суд в заблуждение...

Из-за двери донеслись приглушенные крики. Воюющие, отчаянные. Неронова они привели в неистовство – заорал исступленно:

– И тебя вот так же подвесим за яйца! Понял?! Сразу признаешься! Ну?! Что?!

Лиманский стойко выдержал этот истеричный наскок.

– Никакого сговора не было.

– Как это не было? А ты вспомни-ка, о чем говорили, когда сидели на карантине. Вспомнил?

– Когда мы прибыли из Балашова в Саратовскую тюрьму, вначале мы все вместе были помещены на карантин. Там мы просидели часов около десяти.

– Говорили о чем?

– О том, как ведется следствие.

– С чего возник этот разговор? Кто именно его начал?

– Не помню точно, с чего...

– Не вилай, паскуда! Что значит «не помню»?!

– Но я хорошо помню, что сказал: «Садись, небасовская группа».

– Что ты имел в виду?

– Что мы все арестованы по вине Небасова. Ведь это он дал показания о существовании контрреволюционной группы. И во время разговора Небасов заявил всем нам, что он откажется от своих показаний. Потому что они ложные...

– Потом кто что говорил? И именно ты что сказал?

– Я сказал Небасову, что надо говорить правду. Кто еще и что именно говорил Небасову – не помню уже. Я не придавал этому значения.

Неронов чуть остыл, и Лиманский попытался призвать его к элементарной логике:

– Когда меня следователь вызвал на допрос в связи с окончанием следствия, я ему заявил, что Небасов сделал заявление о ложности своих показаний. Это было двадцатого декабря... Из этого вы сами можете сделать вывод... Если бы у нас был сговор ввести в заблуждение суд, то зачем мне было говорить об этом следователю? До суда.

Но усердного добытчика признательных показаний общепонятной логикой пронять не удалось. Упиваясь властью над беззащитным человеком, он гнул свое:

– Ты, паскуда, и сейчас пытаешься скрыть ваш сговор. Твоя цель – законспирировать деятельность контрреволюционной группы. Группы, которую именно ты и создал. Бесполезно! Все уже сознались! Прекрати заpiresательство!

– Никакого заpiresательства с моей стороны нет. Повторяю, что детали разговора между Небасовым и другими обвиняемыми в карантине я не помню. Если бы я помнил, кто что говорил, я бы все рассказал. Ничего бы не скрыл. Потому как я желаю говорить следствию одну только истинную правду.

– Прекрати вилять, паскуда! – снова распалился Неронов. – В сговоре признавайся!..

Тут же стакан грохнул о стол.

– Следующий раз по башке получишь!

– Никакого сговора не было. А что до Небасова, так я считаю, что он проводил линию классового врага. Раз он дал показания о контрреволюционной группе, которой не было... Я себя считаю честным человеком. И считаю, что я попал в число обвиняемых исключительно из-за ложных показаний Небасова...

Неронов вяло отмахнулся пустым стаканом.

– Оставь всю эту антимионию при себе.

– Никакая это не антимиония. Это мой правдивый ответ на ваш вопрос. А что касается моей работы как начальника сельхозколонии, то я со всей ответственностью заявляю... Работал я честно, никаким вредительством не занимался. Ошибки у меня были. И на суде я о них говорил. Но никаких контрреволюционных целей они не преследовали.

Глотнув воды больше обычного, Неронов взялся за ручку. С бумагой в Саратовском УНКВД, видимо, стало хуже: писал на обеих сторонах листа.

Протянув Лиманскому протокол, указал особо:

– Каждый ответ свой подпишите... Не только постранично.

Неронов и сам не заметил, как перестал «тыкать» обвиняемому.

Первый допрос стал последним: на Лиманского Неронов решил попусту время не тратить.

Но репутацию свою не подмочил.

Вчитался в материалы дела – нашел, кого и чем «расколоть». 12 апреля поставил Плявина на «конвейер». Двое суток напролет, чередуясь с тремя другими следователями, допрашивал его. Довел до полного изнеможения, до обморока. Пришлось даже плескать «этой паскуде» в лицо из графина – воду кипяченую переводить... И тогда самое верное средство пустил в ход: матерясь, стал грозить арестом жены. А в соседней комнате завопила что есть мочи, зарыдала взхлеб сотрудница тюремной канцелярии. Голосистая, с опытом... «И с твоей женой то же самое делать будем! – распалился Неронов. – Понял, паскуда?! Понял меня?!»... Не выдержал Плявин этих жутких воплей – «признался». Подсказанное сам промямлил и дрожащей рукой подписал. Дескать, во вредительскую группу он был вовлечен в период уборочной кампании 1937 года бывшим начальником колонии Лиманским. А потом выполнял контрреволюционные задания, получаемые от него же...

И Лиманский времени не терял. После открытого суда и возвращения дела на доследование решил изменить линию защиты: теперь он будет жаловаться инстанциям. Попросил бумагу, ручку, чернила. Не отказали. Написал три заявления о грубейших нарушениях закона и его прав в ходе следствия. Одно – военному прокурору внутренних войск НКВД. Два – в Комиссию партийного контроля. Пустыми надеждами не обольщался: конечно, адресатам их не отправят. Хорошо, если подошьют в дело. Они и там пригодятся. Для судей военного трибунала. И даже если не подошьют – тоже пригодятся: виновный в инстанции писать не станет. Сам на судейском месте так рассуждал...

29 мая Неронов вызывал одного за другим обвиняемых по делу № 12777 – объявлял им постановление об окончании дополнительного следствия. Крови

они ему в тот день попортили. Каждый просил приложить к делу новые справки о работе СХИТК № 1 и продлить следствие. Лиманский потребовал подробно ознакомить его с новыми материалами. Иначе, заявил, не подпишет протокол. Неронов вынужден был уступить хоть в чем-то: бегло зачитал материал экспертизы, проведенной специалистами по сельскому хозяйству. И Авдониному заключение экспертов пришлось показать.

А Плявин, набравшись смелости, заявил: данные им показания о вовлечении его Лиманским во вредительскую группу – неверные. Вышел из себя Неронов, наорал на механика, разбил-таки стакан... Но пришлось ему и эту пилюлю проглотить. Запугивать Плявина не стал. Записал в протокол.

Что же произошло? Возможно, Неронову «по-товарищески» посоветовали умерить пыл. Если так – что стояло за этой «переменной ветра»?

Скорее всего, вот что. Генкин добился от Стромина невероятного: дело № 12777 передали из 3-го отдела в Отдел мест заключения, под его личный контроль. С тем же успехом Стромин мог бы командировать лису в хорошо знакомый ей курятник – расследовать, куда куры пропадают.

Возможно, именно по настоянию Генкина и была проведена экспертиза. Заключение авторитетных специалистов по сельскому хозяйству опровергло обвинение во вредительстве. Особенно такой их вывод: в 1937 году в Балашовской СХИТК № 1 урожайность была выше, чем в соседних колхозах, а почва и климатические условия – одинаковы.

В начале июня при «сопроводилровке», подписанной Генкиным, двухтомное дело направили в Военную прокуратуру внутренних войск НКВД Саратовской области.

2 июля дело вернулось с письмом за подписью военного юриста 3-го ранга Соловьева, временно исполняющего должность военного прокурора. «Врид» своего недовольства скрывать не стал. Потребовал провести следствие в соответствии с законом и согласно его указаниям. Первое. Следователь должен рассмотреть ходатайства обвиняемых о приложении к делу новых документов. И если решит отказать им, то должен сделать это мотивированно, согласно 114-й статьи УПК. Второе. В связи с «резким противоречием» в показаниях обвиняемого Плявина, следователь должен дополнительно его допросить и установить, какие из них правдивы: вовлек его Лиманский в «контрреволюционную вредительскую организацию» или нет, давал ему Лиманский «контрреволюционные задания» или нет. Письмо заканчивалось выразительным канцеляризмом: «Исполнение моих указаний поспешите».

«Поспешание» растянулось до конца 1938-го...

Между тем обстановка в органах госбезопасности и в стране стала меняться.

В августе 1938-го Сталин назначил Берия 1-м заместителем Ежова, а в сентябре – начальником ГУГБ. Берия сразу начал арестовывать ближайших сподвижников Ежова и собирать «компромат» на самого наркома.

В середине ноября, в двух опубликованных постановлениях, ЦК ВКП(б) резко раскритиковал НКВД и прокуратуру. Как прежде аварии и срывы произ-

водственных планов списывались на «вредительство», на «сопротивление врагов народа», так и теперь массовые репрессии одним махом были списаны на «врагов народа, которые пробрались в органы НКВД и прокуратуры». Это они нарушали социалистическую законность – совершали подлоги, фальсифицировали следственные документы. Это они погубили столько невинных людей – настоящих большевиков, преданных делу социализма.

Сбитый с ног, Ежов 23 ноября написал покаянное письмо в Политбюро. Попросил освободить его от обязанностей наркома внутренних дел СССР. Но и оправдаться попытался. Дескать, промашку дал, товарищи. Проморгал, как иностранные разведки завербовали не только «верхушку ЧК», а еще и многих сотрудников среднего и низшего звеньев НКВД. Но все же так он «погромил врагов здорово».

Не помогло. Просьбу удовлетворили на следующий день. «Мавру, сделавшему свое дело», оставалось ждать собственного ареста.

Наркомом внутренних дел СССР был назначен Берия. Размахивая флагом борьбы с «нарушениями социалистической законности», он придержал маховик репрессий. Были отменены внесудебные «тройки». Прекращены следствия по некоторым делам, арестованные выпущены. Иных расстрелянных помиловали посмертно.

Началась чистка центрального аппарата НКВД от приверженцев и выдвиженцев Ежова. Скоро чистка дошла до краевых и областных УНКВД. Полетели головы начсостава и оперуполномоченных госбезопасности. Тех, кто бездумно и торопливо выполнял приказы, конвейерно фабриковал улики против «иностраных шпионов» и «вредителей», физическими и моральными пытками выбивал «признания», арестовывал и строчил обвинительные заключения, не успевая даже дела оформлять как следует. Но не только. Под новую «головосилку» попали и те, кто пытался добросовестно проверить правдивость доносов, проявил человечность при допросах, позволил себе милосердие к семьям арестованных...

В Саратовском УНКВД были арестованы и расстреляны многие оперуполномоченные Управления госбезопасности.

Все эти перемены не могли не повлиять на судьбу обвиняемых по делу № 12777. Рассмотрев следственные материалы, Военная прокуратура внутренних войск НКВД Саратовской области сняла с Лиманского и его «соучастников» обвинения по 58-й статье УК. Переквалифицировала в 193-ю статью, часть 17-я, пункт а) – «преступно-халатное отношение к служебным обязанностям». Тут же изменила меру пресечения: до слушания дела в суде освободила под подписку о невыезде.

Тем временем саратовский «Серый дом» в очередной раз остался без начальника: 14 декабря в своем кабинете был арестован Стромин. Его сразу же этапировали в Москву.

Пять дней спустя из Москвы в Саратов выехал поездом 26-летний лейтенант госбезопасности Николай Киселев. Его только что назначили временно исполняющим должность начальника Саратовского УНКВД. Уроженец Воронежс-

кой губернии, сын крестьянина-бедняка, он за десять лет от продавца сельпо поднялся по комсомольской лестнице до секретаря райкома комсомола. В июне 1937-го, в разгар массовых репрессий, его взяли в центральный аппарат НКВД.

* * *

20 декабря – в тот самый день, когда Киселев впервые вошел в «Серый дом», – Лиманский вышел из ворот Саратовской тюрьмы № 1.

Ему выдали справку об освобождении под подписку о невыезде. И еще проездное предписание: в один конец, до места жительства – Балашов.

Голову кружило от ощущения свободы, а еще больше – от свежего зимнего воздуха. Глаза, привыкшие к полумраку, щурились, и он долго ничего не мог с этим поделать. Ему не терпелось быстрее добраться до вокзала. Телеграмму бы отбить: встречайте! Но денег ни копейки.

Не заметил, как оказался на углу Астраханской и Ленинской. Вот и трамвайная остановка... Трамвая долго ждать не пришлось: еще издали тот возвестил о себе резким звоном. Оба вагона были полны народу, но он сумел уже на ходу ухватиться за поручень прицепа и вскочить на подножку.

К военному коменданту была очередь: и командиры Красной армии, и рядовые красноармейцы, и освобожденные – в пальто или ватниках. Все куда-то ехали за казенный счет. Пришлось ему подождать. По справке и предписанию получил плацкарту без места: войти в вагон, а там уж где приткнешься.

В справочном бюро вокзала ему объяснили охотно: балашовский поезд будет нескоро, так что лучше поехать московским, а в Ртищеве пересесть на любой проходящий. Так и решил поступить.

Проводник плацкартного вагона московского поезда, глянув на замызганную шинель, и без документов сообразил, что за пассажира принесла нелегкая. И пустить внутрь отказался наотрез – только в тамбур. Чуть не околел от холода. Даже есть расхотелось... В Ртищеве с проводницей повезло: сердобольная, пустила в общий вагон. Присел на скамью, отогрелся.

Поезд прибыл в Балашов незадолго до полудня.

Спросил у прохожих, где улица Базарная.

– Это в Еременихе. Вам вон в ту сторону...

Быстро пошагал, куда показали.

Накануне навалило рыхлого, влажного снега. Сани и редкие автомобили еще не укатали дорогу.

Нашел улицу. Нашел дом под номером 5. Дошатая развалюха в три окна. Тронул перекосившуюся калитку – не заперта. Воров в этом доме не бояться... Подошел к низкому крыльечку и... увидел замок на двери. Растерялся даже. Выходит, никого. И хозяев тоже. А вообще живет тут кто?

Задрал голову, глянул на трубу: не дымится. Но стекла разрисованы серебристыми узорами инея – значит, ночью топили. Что делать? И здесь ли они живут? У кого бы спросить?

Тропинка, заметил, к калитке не утоптана. А тропинку вокруг дома почти занесло – никаких свежих следов. Что-то потянуло обойти, глянуть, что там, на заднем дворе. Завернул – санки детские стоят, прислоненные полозьями к подгнившим доскам стены. Вгляделся – обомлел. Санки Изы! Крайняя планка сиденья – шире и светлее других. Сам, своими руками позапрошлой зимой заменил поломанную. Взялся рукой за веревку заиндевевшую, потянул слегка – потеплело на душе. Непрошено навернулись слезы. Жаркие, обжигающие... Вырвался всхлип. До боли сцепил зубы. Вот уж чего не помнит – когда плакал последний раз. И сейчас не станет: не мужское это занятие...

И только тут сообразил: младшие классы в первую смену учатся. В школе Иза! И Анна встречать ее должна, первоклассницу. Придут скоро!

В нетерпении походил взад-вперед по тропинке. Ветерок быстро осушил глаза, бесследно стер слезинки с впалых щек. Сорвался было – кинулся идти навстречу. Но куда? А если разминется? Да и узнают ли они его? Одернул себя. Нет, он подождет. Ничего страшного. И час подождет, и два. Дольше ждал...

* * *

В день приезда, по темноте уже, сходил в горотдел милиции – встал на учет. Потом являлся туда, как было велено, отмечаться. Через два дня на третий. Стоял на улице в толпе таких же, как он: ждал очереди. Случалось, кто-то и не выходил – звали следующего... Анну каждый раз предупреждал: могу не вернуться.

Новый год, 1939-й, встретили всей семьей. С надеждой.

Купили елку на базаре. Украсили конфетами в разноцветных обертках.

Веселилась одна Иза. Больше года мама твердила ей: «Наш папа уехал в командировку. Если спросит кто, где твой папа, – так и говори». Больше года она так и отвечала на вопросы старухи хозяйки и любопытных соседок. А теперь скакала по комнате и без конца припевала: «Папочка приехал! Папочка вернулся!..»

Празднику Лиманский выкроил всего лишь полдня. Все время отдал подготовке к суду.

Но первым делом решил просмотреть не конфискованные письма. Зря беспокоился: Анна, оглушенная арестом мужа, опасаясь нового обыска, сразу после переезда порвала и сожгла в печи все до единого. И много фотографий. От групповых снимков, оставив мужа, торопливо и неровно отхватила ножницами половину, а то и больше.

Взял у дочери чистую школьную тетрадь. Записал все о работе СХИТК № 1 – все, что вспомнилось в тюрьме, чем защищался на следствии и суде... Вторая тетрадь понадобилась: еще какие-то факты и цифры всплыли в памяти.

Штудировал – усерднее, чем в совпартшколе, – свои потрепанные учебники по сельскому хозяйству, по политэкономии.

8 января, с раннего утра, пошел отметить. Протянул дежурному справку. Молоденький милиционер оживился:

– А-а, Лиманский! Ты-то нам и нужен...

Не успели пугающие мысли пронестись в голове, как в руках оказался большой коричневый конверт. Штамп военного трибунала.

– Повестка тебе. Распишись в получении.

Дома вскрыл аккуратно. Внутри – копия обвинительного заключения и повестка на заседание 20-го числа. Адрес трибунала он знал и без повестки: Саратов, Ленинская, дом 154.

* * *

20 января военный трибунал Приволжского округа внутренних войск НКВД по Саратовской области приступил к рассмотрению дела № 12777.

Работал трибунал почти в том же составе: председатель – военный юрист 2-го ранга Короткин, члены – старший лейтенант милиции Костюнин и лейтенант милиции Немов, секретарь – Вертохвостов.

Государственным обвинителем выступал сам прокурор внутренних войск НКВД по Саратовской области военный юрист 3-го ранга Благосмыслов.

Защитали обвиняемых Матюшинский и Головина, члены саратовской коллегии защитников.

Осмотревшись, Лиманский сразу заметил: портрет Ежова исчез. На его месте – портрет Берии, нового наркома внутренних дел.

Заседания шли только до обеда, по два-три часа. Поэтому слушания растянулись на четыре дня. Судьи скрупулезно рассмотрели каждый факт, каждую цифру, каждую строку обвинительного заключения, заслушали приглашенных экспертов. Еще обстоятельнее, чем на первом суде, вникали в подлинные причины низких урожаев, болезней скота, затягивания посевных и уборочных работ, простоев техники, потерь зерна... Лиманский и Авдонин показали себя грамотными специалистами, хорошо знающими сельскохозяйственное производство. Они опровергли все обвинения фактами и цифрами из документов колонии. Лиманский – так даже на учебники по полеводству и зоотехнике ссылался.

На этот раз он заявил суду о нарушениях Уголовно-процессуального кодекса, допущенных следователями по отношению к нему. О непрерывном, без отдыха, пятисуточном допросе, который устроили ему Барышев, Петров, Анищенко и Хоменко. О том, что его показания по существу дела никто из них в протокол не записал. Что протокол вообще не велся. От него только требовали признаний в контрреволюционной деятельности и вредительстве. Отклонили все его ходатайства. А еще – о грубости Неронова, который к тому же не дал ему как следует ознакомиться с делом. Наконец, о трех заявлениях, которые он написал по поводу всех этих нарушений. И ответов на которые так и не получил.

Благосмыслов считал предъявленные по 193-й статье УК обвинения доказанными. Свои аргументы он свел к формуле, на редкость «благосмысленной»: «Несмотря на ряд тяжелых условий работы, они должны были лучше работать, чем работали». Гражданские защитники твердо возражали военному прокурору:

ру: материалами судебного следствия не добыто ни одного конкретного факта преступно-халатного отношения обвиняемых к своим служебным обязанностям, то есть обвинения не доказаны.

Выслушав их, Короткин предоставил обвиняемым возможность выступить с защитительной речью.

Авдонин заявил:

– Я не признаю своей вины, так как в колонии работал честно и добросовестно. Если судить по результатам уборки урожая, то колония сняла урожай выше, чем соседние колхозы. А почва и климатические условия, о чем говорил суду эксперт Великанов, одинаковы. Как начальник производства я старался изыскать рабочую силу. Для этого произвел сокращение некоторых единиц на производстве в центральной усадьбе. Но этого все-таки было недостаточно. А вышестоящий Отдел мест заключения не только не помогал, а, наоборот, срывал работу по прополке, отозвав часть рабочей силы. Зерно на элеватор я старался сдавать исключительно доброкачественное. И за каждый центнер колония получила премию по три рубля...

Лиманский прибег к экономическим расчетам:

– Удорожание себестоимости продукции объясняется целым рядом непредвиденных работ, которые планом учтены не были. Например, ручная косьба гороха на площади 150 гектаров, а также сгребание потерь, где применялась не только рабочая сила, но и конная тяга. Прибавьте сюда перевевание зерна для борьбы с клещом. А во что обошлись семена! Планом предусматривалась централизованная поставка их по цене от 6 рублей 50 копеек до 7 рублей, а фактически семена приобретались по 74 рубля. Но мы компенсировали убытки за счет интенсивности труда. В результате колония дала прибыль более 100 тысяч рублей. При наличии такой разваленности колонии, какую я принял, я физически не мог дать таких высоких показателей, которые хотели иметь Отдел мест заключения и ГУЛАГ. Да и работал я всего-то один год. И еще надо добавить, что за исключением того, что работники Отдела мест заключения приедут, посмотрят и обратно уедут, – колония решительно никакой поддержки от них не получила. Наоборот, неверными действиями работников Отдела мест заключения положение колонии только ухудшалось. К примеру, чтобы выполнять одни только полевые работы, колонии ежедневно требовалось 1 300 заключенных, а в наличии было меньше 800. Вдобавок у нас изъяли 80 тысяч рублей. А еще, несмотря на все мои протесты, отозвали 120 заключенных в самый разгар уборки картофеля. После моих неоднократных просьб в колонию прислали 200 заключенных. Но большинство их оказались инвалиды. А время было упущено...

23 января в 11 часов 15 минут, после недолгого перерыва, Короткин объявил об окончании судебного следствия и предоставил подсудимым последнее слово. Поднимаясь со скамьи один за другим, они виновными себя не признали. Просили вынести оправдательный приговор.

В 11 часов 45 минут суд удалился на совещание. Оно затянулось.

Наконец в 15 часов 25 минут Короткин огласил приговор.

Я.Т. Лиманский после освобождения
Балашов, январь 1939 г.

«...Судебным следствием установлено, что ни один из пунктов обвинения, предъявленных поименованным лицам в преступно-халатном отношении к работе, не подтвердился и ничего уголовно наказуемого по данному делу не устанавливается.

На основании изложенного... военный трибунал приговорил:

Епифанова Ивана Марковича, Лиманского Якова Тимофеевича, Авдонина Тимофея Георгиевича, Небасова Василия Степановича, Плявина Генриха Гертовича и Водянова Илью Андреевича признать по данному делу невиновными и по суду их всех оправдать...»

Огласил председатель трибунала и определения.

Одно из них – о работе Отдела мест заключения Саратовского УНКВД.

«...Принимая во внимание, что из судебного следствия устанавливается

наличие невнимательного отношения руководящих работников Отдела мест заключения Саратовского обл. управления НКВД Людмирского, Генкина, Аменицкого к запросам и нуждам Балашовской ИТК № 1, выразившегося в том, что:

а) зная о тяжелых условиях работы в колонии, не только не оказывали должной помощи, а наоборот – ухудшали положение несвоевременным финансированием, несвоевременным обеспечением семенами, необеспечением колонии в должной мере ветеринарным и зоотехническим персоналом и соответствующими производственными постройками как для зерна, так и для скота;

б) зная о трудном финансовом положении колонии, в самый разгар уборочной 1937 года не только не приняли необходимых мер к своевременному снабжению колонии запчастями для сельхозмашин, а наоборот – изъяли из колонии 80 000 рублей, что еще больше осложнило работу в колонии;

в) несмотря на возражения, отдел в самый ответственный момент уборки изъял из колонии часть рабочих-заключенных, чем ухудшил положение;

г) зная о наличии в колонии в течение ряда лет бруцеллезного стада, не оказывал колонии никакой реальной помощи в устройстве действительного карантинного пункта;

военный трибунал, руководствуясь ст. 315 УПК, определил: возбудить против всех указанных выше лиц дисциплинарное преследование и копию настоящего определения направить начальнику ГУЛАГа НКВД СССР для наложения на них соответствующего дисциплинарного взыскания».

В другом определении говорилось о грубых нарушениях социалистической законности при проведении предварительного следствия и при дознании, о незаконных методах следователя Барышева.

Тут-то Лиманский и услышал: Барышев уже арестован и расстрелян.

Миг – и он почувствовал жалость к этому несчастному крестьянскому парню. Не слишком развитому, плохо образованному. Тоже ведь в светлое будущее верил... Конечно, крови на его руках немало. Но к нему именно, сравнить если с другими арестованными по делу, он все же относился как-то по-людски. Когда это от него одного зависело... Остался ли хоть кто у него? Все о Чапаеве расспрашивал, а о стариках своих, о семье ни словом не обмолвился...

С этими тяжкими мыслями Яков Лиманский вышел из здания трибунала. Оправданным и свободным. Горьким оказался привкус у этой свободы...

А что же тезка его Генкин?

Арест Стромина вверх Генкина в самые мрачные предчувствия. Определение трибунала обратило эти предчувствия в уверенность: пора собирать вещи. Чемодан выбрал, какой побольше и похуже. Уложил теплое белье, шерстные носки, самую толстую вязаную кофту, зубной порошок, мыло, эмалированную кружку, алюминиевую ложку, вторые очки.

29 января молодой «врид» Киселев недогнувшей рукой уволил его из НКВД. Вдогодку его еще и из партии исключили.

Много месяцев не мог потом Генкин заснуть ночами: ждал стука в дверь. Страх и бессонница возродили нестерпимую боль в ампутированной ноге – фантомную... Не дождался прихода опергруппы. Не то чтобы Киселев не счел для себя честью поставить к стенке старого чекиста-инвалида – из Москвы такая команда не поступила. Видимо, все столичные недруги Генкина лишились своих постов – а с ними и жизнью – как «подручные Ежова».

И на этот раз Генкину удалось выкрутиться.

Его не тронут. Он сумеет вернуться в Москву. Переживет войну, Сталина, Берию. Переживет почти всех своих сослуживцев-чекистов. Правдами и неправдами восстановится в партии... Смерть-старуха вспомнит о нем, когда ему перевалит за восьмой десяток...

* * *

Тринадцать месяцев невыносимых унижений и изуверского попрания человеческого достоинства для независимой, гордой природы Лиманского не прошли бесследно. Накопившаяся смертельная усталость отпускала с трудом. Мало того, что осунулся, поседел, – еще и замкнулся. Трудно теперь было узнать в нем прежнего – волевого, уверенного в себе человека, покорявшего и твердостью своей, и обаянием, и вспышками веселости. О чем он думал постоянно, сосредоточенно, а порой и мрачно, – знал только он. «Светлого будущего» для себя, вероятно, уже не видел. Одно утешение – есть у него два самых близких и любимых человека: жена Анна и дочка Иза. Ради них он будет жить, работать.

Бюро Балашовского райкома ВКП(б) восстановило его в партии. И сразу же предложило возглавить коммунально-эксплуатационную часть в городе. Должность хлопотная, беспокойная. Но полная соблазнов, для человека морально нестойкого, использовать ее в корыстных целях. Поэтому, решили в райкоме, товарищ Лиманский подходит как никто другой: и порядок наведет, и рук не замазает.

Получив первую зарплату, снял жилье получше – две комнаты в крепком бревенчатом доме. Сухие, просторные, светлые.

Анну в августе назначили заведующей и учителем в начальную школу № 9.

Едва успел Лиманский освоиться в КЭЧе и наладить там дело, его перекинули на новый участок – директором кирпичного завода. И снова задача – вытаскивать из «прорыва», перевыполнять план... Раз надо – сделает. И снова весь в работе.

Редкие выходные проводил в зависимости от погоды. Дождь хлещет или валит снегопад – гитару в руки, а нет – пластинку на патефон. Новые кинофильмы, как и раньше, не пропускали. Выбирали дневные сеансы, чтобы брать с собой Изу. Опять смотрели «Чапаева». Глаз от экрана не отрывал, но слышались ему порой не командирские поучения начдива погибшего, не шутки его, не победные его кличи – крики и ругань следователей, команды конвоиров, язг засовов...

Когда на выходной выпадал погожий день – запрягал лошадь и в прихоперские леса. Охотником давно стал заядлым. Охотился в одиночку. Одиночество это вольное он теперь особенно любил. С царской армии стрелял хорошо и без трофея редко возвращался. Купил новое ружье: старое, конфискованное, после освобождения ему вернули, но оно стало давать осечку.

Однажды – это было в последнюю предвоенную зиму – за собирался он на охоту, а Иза пристала: возьми да возьми с собой, тоже хочу на охоту! Ну и взял он ее... Ехали на санях. Дочери дал старое ружье... Вдруг из перелеска выскочила лисица. И замерла. На белом снегу, огненно-рыжая, выделялась, словно мишень в тире. Лиманский придержал лошадь и скомандовал дочери: «Стреляй!» Иза направила ствол в сторону лисицы и, зажмурившись, нажала на спусковой крючок. Выстрел загрохотал оглуши-

Иза Лиманская
Балашов, 1939 г.

тельно. Открыла глаза: лисица лежит недвижимо на искрящемся снегу... Так и осталось на всю жизнь загадкой для нее: сама она убила лисицу или отец выстрелил одновременно с ней.

С братом Петром и сестрами Лиманский переписывался. Но больше не встречался: как-то все со временем не получалось, все на следующий год откладывал... И каким праздником было, когда летом 1940-го приехал из Астрахани Тимоша! Да не один, а с невестой – представить ее старшему двоюродному брату, которого давно почитал за отца. Будто получить благословение, хотя слово это не произносилось. А был Тимоша – и внешне, и характером – куда больше похож на Якова, чем родной брат Петр, слишком «цыганистый»...

Однажды за ужином заговорил вдруг о Новосибирске. Мол, хороший, большой город. Может, туда переехать?.. Потом он еще пару раз начинал этот разговор... Анна не возражала: отчего ж не переехать, учителя начальных классов везде нужны. Виду не подавала, какая тревога поднималась в ее душе.

Почему Новосибирск? О чем он думал, за что переживал? Аресты, уже при Берии, снова участились. И могло так случиться, что опять постучат в дверь среди ночи. И новый опер начнет допрос: «Год ты водил следствие за нос. Дважды заморочил головы судьям. Больше такой номер у тебя не пройдет. Органы не ошибаются. Понял?»

Разговоры о Новосибирске так разговорами и остались.

* * *

Воскресным июньским днем 1941-го Лиманский переезжал с семьей на новую квартиру.

Переезд начался с того, что он купил корову. Хотелось каждый день иметь на столе свежее молоко и свой творог – не из магазина, не с базара. Изе никак нельзя без них: девочка быстро растет. Но хозяин, у которого снимали хорошую квартиру, буренке почему-то воспротивился. Или, заявил раздраженно, уведите ее к такой-то матери со двора, или съезжайте сами. Пытался урезонить его, уговорить – тот уперся, как вол малороссийский. Пришлось искать другое жилье. Нашел быстро.

С утра пораньше погрузили вещи на подводку, привязали к ней корову. За полчаса добрались до нового дома. Открыли ворота, въехали во двор, стали разгружать.

И в этот момент в соседнем доме распахнулось окно, выходящее к ним во двор. Высунулся из него мужчина в майке, громко позвал:

– Слышь, сосед, поди-ка сюда.

– Что такое? – насторожился Лиманский.

– Война началась.

– С чего вы взяли?

– По радио сказали. Вон опять... – новоявленный сосед кивнул за спину. Из глубины комнаты зазвучал суровый голос диктора. Отчетливо слышались его страшные слова.

Лиманский на миг замер, уперев взгляд в истоптанную землю. Потом решительно поставил вещи обратно на подводку, бросил своим:

– Подождите меня здесь. Я скоро.

И пошагал в военкомат.

Ждать жене и дочери около подводы с вещами и в самом деле пришлось недолго. Вернувшись, глава семьи, сосредоточенный и молчаливый, перетаскал все в дом. Корову отвел в сарай. Пожить ему на новой квартире довелось всего два дня...

24 июня Анна с дочерью провожали его на фронт. Людей на железнодорожной станции почти не было. Военный эшелон, сформированный где-то в другом месте, в Балашове остановился на пару минут. Уже одетый в форму, он запрыгнул в широкий проем теплушки – и все...

Так ушел Яков Лиманский на свою третью войну.

Никто не знает, каким был его разговор с военкомом. По всему, он заявил о своем решении пойти на фронт добровольцем. И настоял, чтобы ему не препятствовали. Он – военный, артиллерист, командир. А главное – коммунист. Его долг – защищать социалистическую Родину. Под мобилизацию он не подпадал: по изданному в первый день войны указу Президиума Верховного Совета СССР мобилизации подлежали военнообязанные 1905–1918 годов рождения (те, что моложе, уже находились на действительной военной службе), то есть не старше 36-ти лет. А Лиманскому шел 45-й, и на воинском учете он состоял по 5-й категории запаса. К тому же руководители предприятий так просто не срывали с работы.

22 июня по всей стране в военкоматы выстраивались длинные очереди.

Лиманский стал одним из 3-х тысяч добровольцев, подавших в тот день в военкоматы Саратовской области заявления с просьбой об отправке в действующую армию. 23-го таких заявлений было уже 10 тысяч. В военкоматы Республики немцев Поволжья подали заявления сотни немцев...

* * *

Уже через два дня после проводов Лиманский был в расположении своей части – в 61-м запасном артполку. Стоял полк в военном лагере «Селикса», в Пензенской области.

На черно-красные («дым и пламень») артиллерийские петлицы привинтил по одному красно-серебристому «кубику» – младший лейтенант. Офицер военного времени. Под команду ему дали взвод тяги. Учил новобранцев. И сам учился: в артиллерии Красной армии появились новые орудия, новые боеприпасы, грузовики и трактора.

Несколько раз подавал рапорт о направлении в действующую армию. Наконец, в апреле 1942-го его перевели на Северо-Западный фронт, в 382-й гаубичный артполк, входивший в 27-ю артиллерийскую дивизию Резерва Главного командования. Назначили командиром взвода боепитания 2-го дивизиона. В июле присвоили звание «лейтенант». В рядах полка он участвовал в боях на рубеже реки Ловать, в районе гиблого Сучанского болота.

Только теперь, в адском грохоте канонады и взрывов, перестали звучать в его ушах крики и ругань следователей...

Домой писал часто. В каждом письме старался, как мог, успокоить жену и дочь, уберечь от лишних волнений: «стреляем по немцам издали». Мы, мол, не на самом переднем крае.

Воевал, как всегда, исправно.

2 апреля 1943-го приказом по 27-й артиллерийской дивизии РГК от имени Президиума Верховного Совета СССР «за образцовое выполнение боевых заданий командования на фронте борьбы с немецкими захватчиками и проявленные при этом доблесть и мужество» он был награжден медалью «За боевые заслуги».

«Краткое конкретное изложение личного боевого подвига» гласит:

«Т. Лиманский организовал обеспечение дивизиона боеприпасами во время боев под д. Ольховка и Вязовка в январе 1943 г., в результате чего дивизион был своевременно обеспечен нужным ему количеством снарядов.

26.02.43 г. т. Лиманским была организована доставка на огневые позиции

снарядов, выгруженных с машины около д. Случина. Своевременная доставка этих снарядов обеспечила участие дивизиона в бою. Кроме того, т. Лиманский был одним из активных участников вытаскивания орудий из болота Сучан в мае 1942 г. Выполняя задание на своем участке, работал под огнем противника...»

В июле 1943-го его перевели в 43-й учебный полк Резерва офицерского состава артиллерии. С декабря полк стоял в Брянске. Сюда полевая почта и принесла из дома черную весть: погиб Тимоша. Как погиб, где – узнать ему было не суждено... Сержант Тимофей Федорович Лиманский в рядах 1132-го стрелкового полка 336-й стрелковой дивизии участвовал в Московской битве, освобождал Можайск и Рузу, погиб в боях за Вязьму 9 марта 1943-го...

За войну адреса у Анны Дмитриевны с дочерью менялись четыре раза.

В конце 1941-го их из Балашова эвакуировали в немецкую колонию Гримм (ныне – поселок Каменский Красноармейского района Саратовской области), откуда выселили в Сибирь немецкие семьи. Определили в дом, добротный, как и

Лейтенант Я.Т. Лиманский
23 мая 1944 г.

все другие в колонии: из огнеупорного кирпича, просторная открытая веранда, три комнаты, большая печь с двумя котлами, прочная дубовая мебель. Удивила и чистота: покидая дом, бывшие хозяева все вымыли.

Зиму 1943/44-го прожили в поселке Анисовка: Анну Дмитриевну направили в школу, что находилась рядом со станцией Покровск Рязано-Уральской железной дороги. Комнату им дали в доме у самого моста через Волгу.

Днем и ночью один за другим грохотали составы: с Урала и из Сибири везли на фронт технику, оружие, боеприпасы, пополнения. Каждую ночь налетали немецкие бомбардировщики. Сброшенные бомбы рвались вокруг моста, в поселке, на станции, где угодно – но в мост ни одна не попала: мешал плотный огонь зенитных батарей.

Случаются в жизни удивительные совпадения. Именно в то время рядом с мостом занимал позиции 1865-й зенитно-артиллерийский полк, в котором служил будущий муж Изы – сержант Владимир Карпенко. Уроженец Сальской степи, переживший оккупацию, он окончил полковую «учебку» в Сталинграде и теперь, командир орудия, защищал от вражеской авиации мост исключительно-го стратегического значения.

Летом 1944-го Анна Дмитриевна решила по вербовке переехать на Украину. Для восстановления народного хозяйства там требовались люди самых разных профессий. Сразу написала Якову Тимофеевичу – он одобрил решение жены. Везли завербовавшихся в теплушках, оборудованных двумя сплошными ярусами дощатых лежаков.

Ее направили работать учителем в колонию имени Ф.Э. Дзержинского, в пригороде Харькова. В этой знаменитой колонии было далеко не так спокойно, как в Балашовской СХИТК: малолетние преступники постоянно бузили, пытались бежать. Однажды, прямо на глазах у Изы, бушующая толпа в серых робах вырвалась за ворота – разъярившиеся овчарки, спущенные охранниками, загнали ее обратно. Беспokoясь за дочь, Анна Дмитриевна начала хлопотать и добилась перевода в Чугуев...

9 августа 1944-го командир 43-го учебного полка представил лейтенанта Лиманского к очередной награде. В «Аттестации» дали характеристику:

«Предан партии Ленина–Сталина и Социалистической Родине. Активно участвует в партийной жизни подразделения. Дисциплинирован. Энергичен. Хорошо подготовлен по специальности. Требователен к себе. Исполнительный. Морально устойчив. Политически грамотный.

Достоин награждения медалью “За боевые заслуги”».

Уже проставленный на наградном листе штамп «Медалью “За боевые заслуги”» был перечеркнут. Вместо него крупно, жирным синим карандашом выведено: «Красн. Звезда».

Указ Президиума Верховного Совета СССР о награждении лейтенанта Лиманского Якова Тимофеевича за долголетнюю и безупречную службу в Красной армии орденом Красной Звезды был издан 8 ноября 1944-го.

К тому времени он уже третий месяц находился на передовой – на 1-м Белорусском фронте, в рядах 224-го стрелкового полка 162-й стрелковой дивизии. Командовал взводом боепитания дивизиона 76-мм пушек.

Орден ему вручить не успели...

Вместе с выпиской из указа Анна Дмитриевна получила из штаба полка записку:

«Дорогие т. Лиманского. Высылаю копию о награждении т. Лиманского. Его знает Москва но он погиб. Пишите нам по адресу пол почта 08923-ш Орокину».

Написана наспех, коряво. Вероятно, под огнем...

Анна Дмитриевна предчувствовала беду. В последних письмах-«треугольниках» муж рассказывал, как гонят фашистов все дальше на запад, и уже недалек день окончательной победы. Враг ожесточенно сопротивляется, но участь его решена. «Бьем прямой наводкой» – эта неосторожная фраза в одном из писем задержала ее внимание. И поселила в душе напряженное ожидание недоброй вести. Прежде писал, что стреляют «издали», а теперь... Вот уже и «треугольники» перестали приходить. Они с Изой пишут, в ответ – молчание. На него не похоже. И тут эта записка от неизвестного Орокина. Может, какая ошибка?

Занялась было в сердце искорка надежды, да скоро погасла: из Чугуевского военкомата пришло извещение, на почтовой карточке с портретом Кутузова.

«Ваш муж лейтенант Лиманский Яков Тимофеевич в бою за Социалистическую Родину, верный воинской присяге, проявив героизм и мужество, погиб 15 января 1945 г.

Похоронен с отданием воинских почестей. Дер. Лорцин Варшавского повята, Польша...»

14 января 1945-го Сталин, не дожидаясь завершения подготовки войск к операции, бросил 1-й Белорусский фронт Жукова в наступление – на Варшаву и Познань. Помочь союзникам-американцам, терпящим поражение в Арденнах.

Бои в районе селений Лорцин и Нуна Варшавского воеводства 14–15 января были жаркими. По донесению штаба 162-й стрелковой дивизии, противник оказывал упорное огневое сопротивление, огонь вели батареи 105-мм орудий и минометов. Батальоны 224-го стрелкового полка, неся большие потери, продвигались вперед. Их поддерживал дивизион 76-мм пушек... Тогда-то и сложил голову лейтенант Лиманский...

Получив похоронку, Анна Дмитриевна держалась. Не переносила она жалости к себе, сочувствия, утешений. Гордая. А как вынуть боль из сердца... Терпела. Молча.

Иза при ней тоже крепилась. Когда же было совсем немого, пряталась в сарае и редела, редела... Ей, 14-летней девчужке, представлялось невыносимым, невероятным, противоестественным, что больше на увидит отца: она же так любит его...

* * *

Война наконец закончилась.

Остаться в Чугуеве Анна Дмитриевна не хотела: далеко от родного Поволжья, от родственников. Да к тому же, чтобы работать учителем в школе, требовалось говорить и писать по-украински. И восьмикласснице Изе отцовская «ридна мова» никак не давалась. На уроках украинского языка и литературы

Иза Лиманская
Астрахань, 1954 г.

старалась как могла – все без толку. Класс хохотал до слез.

В июне 1946-го Анна Дмитриевна написала невестке Василисе: не переехать ли им с Изой в Астрахань? Та обратилась к старшему брату Петру.

Мобилизованный 24 августа 1941-го – только накануне справил 43-летие – лейтенант Петр Тимофеевич Лиманский сначала командовал взводом в запасном полку, потом – ротой в строительном батальоне. С ноября 1942-го служил в 174-м отдельном зенитно-артиллерийском дивизионе, который входил в Куйбышевский район противовоздушной обороны, а с осени 1943-го – в Юго-Западный фронт ПВО, прикрывавший тыловые коммуникации Украинских фронтов. Зрение его становилось все хуже, артиллерийскому делу он обучен не был, зато порядок учета и отчетности знал хорошо – вот и использовали его по продовольственному и прочему снабжению. Войну закончил на юге Польши... Домой привез чемоданы всякого добра, красочные ковры австрийские. Сразу устроился директором базы Астраханского треста столовых.

«Да напиши ей, пусть приезжают. Уж по табуретке-то для них соберем...» – расщедрился Петр...

От Харькова до Сталинграда долго тряслись в общем вагоне.

Сталинград поразил в самое сердце: от города остались груды кирпичей, лишь торчали печные трубы да несколько обломанных стен. На Украине ничего подобного не видели.

Люди жили в землянках. Куда ни помотришь – одни землянки. Над ними курились сизые дымки, сливаясь в мглистую наволочь, относимую жарким ветерком из заволжской степи. От землянки к землянке тянулись провода, подвешенные на невысоких палках. На веревках, подпираемых палками повыше, раскачивалось белье.

Идущий вниз, до Астрахани, колесный пароход ожидала огромная толпа. Билеты продавали только IV класса. С трудом протиснувшись, нашли местечко на нижней палубе, в кормовом пролете...

Приехать на новое место в дождь – добрая примета.

Над Астраханью отгремела гроза. Еще капало часто, когда пароход тихо подошел к 17-й пристани. Встречала Анну Дмитриевну с Изой одна Василиса. Голову и спину она укрыла сложенным мешком на манер волжских грузчиков и рыбаков.

Война сюда не дошла. Никаких разрушений, следов пожарищ. Благоухали акации. На набережной торговали живой рыбой.

Василиса с мужем Василием много не обещали – просто приютили у себя. Так почти полгода и прожили они впятером в одной комнате. В когда-то богатом двухэтажном особняке какого-то рыбопромышленника, а теперь «многокомнатном» доме на улице Ленина.

Петр Лиманский семьи погибшего брата сторонился. Его только-только взяли старшим товароведом в областной «Спецторг» – управление торговых предприятий, обслуживающих органы МВД и госбезопасности. Немало порогов пришлось пооббит. Издергался весь, пока шла проверка, пока ждал допуска к работе... Яков-то, оказывается, был арестован в 1937-м. Как это некстати! Хоть и выпустили его, да мало ли что: просто так у нас не арестовывают...

Замуж Иза вышла в 1954-м, после окончания Астраханского пединститута. Фамилию не сменила – осталась Лиманской. Мужу Владимиру, не сдержавшему обиды, объяснила: «В память об отце».

Анна Дмитриевна умерла в 1962-м, когда внуку уже исполнилось 7 лет.

* * *

Долго переживала Иза Лиманская: годы идут, а она так и не знает, где похоронен отец, не побывала на могиле.

Запрос, направленный в 1993-м в Польский Красный Крест, ничего не дал: не нашлось такой фамилии в списках советских воинов, покоящихся на кладбищах Польши. Только в начале 1994-го благодаря помощи сотрудников Центрального архива Министерства обороны удалось точно установить место его гибели и первоначального захоронения – восточная окраина деревни Лорцин. Эти сведения помогли Польскому Красному Кресту. Выяснилось: останки всех погибших в районе Лорцина после войны перенесли на воинское кладбище у города Пултуска, при этом тех, чьи могилы по каким-то причинам утратили надписи, перезахоронили в братской могиле № 281.

Летом 1994-го Иза Яковлевна Лиманская с сыном побывала и на месте гибели отца, и в Пултуске. Кладбище воинов Советской армии выглядело заброшенным, почти заросло. Кое-где на безымянных могилах виднелись таблички, установленные родственниками.

На могиле № 281, где захоронены десятки неизвестных советских солдат и офицеров, появилась первая табличка.

Лейтенант Лиманский Яков Тимофеевич 6.X.1896 – 15.I.1945

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

Шацлло М.К. Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции. 1917 – начало 1920-х годов. М.: Наука, 2008. – 342 с.

НОВЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКИХ ВЛАСТЕЙ В НАЧАЛЕ XX в.

Недавно вышедшая в свет монография М.К. Шацлло о российской буржуазии в период Гражданской войны и в эмиграции дает повод к оценке целой группы новых исследований экономической политики российских властей, включая большевиков, в период 1910-х – 1920 гг.

В 1990-х гг. в отечественной историографии наметился очевидный пересмотр взглядов на специфику экономического развития России в этот переломный период. Он объяснялся, в первую очередь, изменением курса развития страны в сторону возрождения рыночно-капиталистических производственных отношений. Разумеется, сторонники такой политической трансформации из среды историков и специалистов в области других социально-гуманитарных наук занялись, как это происходило в отечественной исследовательской практике и раньше, поиском примеров успешного развития капитализма в российской истории и, одновременно с этим, причин незавершенности этого развития.

В результате на смену утвердившемуся в советской историографии тезису большевистской идеологии об открытии в результате Октябрьской революции 1917 г. перспектив построения более прогрессивного социалистического общества пришло утверждение о том, что в период после начала Первой мировой войны Россия погрузилась в состояние тяжелого цивилизационного кризиса, сбившись с оказавшегося естественным для многих других стран пути модернизации. Этот общий вывод стал аргументироваться примерами из различных сфер общественного развития, включая экономическую.

Вполне естественным итогом пересмотра отношения к событиям 1914–1922 гг. стало усиленное внимание специалистов к событиям, являвшимся непосредственным отражением констатировавшихся разрушительных тенденций. Одним из этих событий закономерно стала Гражданская война. Как известно, в большевистской историографии она романтизировалась подобно другим ранее происходившим восстаниям рабочих, крестьян и солдат против представителей старой, разрушенной в ходе революционных событий 1917 г. социально-политической системы. Было принято считать, что победа в этой войне Красной армии была исторически закономерной, справедливой и отражавшей надежды основной массы населения страны. Сама по себе логика боевых действий, особенности обуславливавших ход этих действий экономических и психологических

явлений воспринимались как второстепенные сюжеты для научных исследований. Представляется очевидным, что происходившая в течение нескольких десятилетий романтизация Гражданской войны, интерес исключительно к ее причинам и связанным с будущим переустройством страны последствиям увелили многих ученых от глубокого осмысления многих значимых фактов.

Большой глубиной отличалось изучение этих же фактов представителями эмигрантской историографии, что во многом объяснялось их естественным желанием понять причины неудачи «белой» альтернативы сформировавшемуся и до определенного периода выглядевшему устойчивым советскому режиму. Складывавшаяся на фоне решения данной историографической проблемы концепция базировалась, по нашему мнению, на трех основаниях.

Первым из них являлась констатация недостаточного уровня социально-экономического развития России к 1917–1918 гг. Очевидно, что в данном случае происходило сравнение российской хозяйственной системы с западноевропейскими образцами. Большая рассеянность торгово-промышленных центров по территории страны, трудности в достижении стабильно высокого уровня сельскохозяйственного производства, недостаточно сформированная система транспортных коммуникаций создавали те стартовые условия, в которых антибольшевистские правительства и их вооруженные силы должны были организовывать наступление против начавшего формироваться советского государства.

Второе основание складывавшейся в эмигрантской историографии концепции заключалось в том, что между самими организаторами и активистами Белого движения так и не было достигнуто согласия по ключевым для развития России 1910 – начала 1920-х гг. вопросам о распределении власти и организации системы управления в обществе, а также о формировании новой, более справедливой для крестьянского большинства населения страны системы землевладения и землепользования. Хорошо известно, что согласия по данной актуальной проблематике между представителями либеральных и консервативных политических кругов не существовало и до этих полутора десятилетий. Откладывание решения вопросов о власти и о земле до начала работы Учредительного собрания явно не проясняло никаких исторических перспектив для Белого движения.

Наконец, третье основание, имевшее под собой очевидную эмоциональную платформу, заключалось в том, что весь ход Гражданской войны и ставший его результатом политический успех большевиков стал для развития России драматическим или даже трагическим явлением. Он не принес рабочим и крестьянам моментального улучшения жизни, а для организаторов и участников Белого движения, оставшихся живыми, оказался путем к новой трагедии – к исходу из России.

Не вызывает сомнений тот факт, что базировавшаяся на трех обозначенных основаниях эмигрантская концепция экономического развития России в канун и в период Гражданской войны была более убедительной по сравнению с романтико-идеологическим подходом, доминировавшим в советской историографии. Более того, ее применение имело достаточно очевидные профессиональные перспективы при условии увеличения числа изучаемых источников и фактов. Именно поэтому в новейшей российской историографии появились иссле-

дования, в которых обозначенные выводы, характерные для эмигрантской концепции, получили фундаментальное эмпирическое обоснование.

Одним из первых исследований такого рода, представившим общекультурное и при этом связанное с привлечением основательного фактического материала понимание событий Гражданской войны, стала монография В.Д. Зиминой ««Белое дело» взбунтовавшейся России: политические режимы Гражданской войны, 1917–1920 гг.» (М., 2006). Одной из центральных проблем в ней стало соотношение идеологической платформы и практической деятельности белогвардейских правительств, оптимальный выбор которого мог дать противникам большевистского руководства страны шанс на получение социальной поддержки и достижение политического успеха. В монографии В.Д. Зиминой отмечается, что поиск эффективного решения имевшихся в России к моменту начала Гражданской войны проблем и противоречий велся и в политической, и в экономической сфере.

На политическом уровне шел процесс, направленный на консолидацию всех административных усилий для воссоздания «Великой и Единой» России. При этом в качестве временной формы управления, через которую мог быть пройден путь к административной централизации, рассматривалась диктатура. В экономической сфере, по наблюдениям автора, первоочередная ставка делалась на ужесточение контроля над деятельностью предприятий и повышение производительности труда. Естественно, что при решении этих задач в качестве основной управляющей силы мог выступать только бюрократический аппарат, подерживаемый в случае необходимости репрессивными структурами.

Анализируя этот круг задач, ставившихся всеми без исключения белогвардейскими правительствами, В.Д. Зиминой приходит к разносторонне обоснованному выводу о том, что в соответствии с ним не выдвигалось никаких прогрессивных предложений. Объяснение такой ситуации она видит в отсутствии образцов успешного, не шедшего по пути бюрократического принуждения, реформаторства. Создатели и подвижники «белой идеи» были, согласно авторской точке зрения, убеждены в том, что именно институты государственной власти способны в условиях российской действительности решать наиболее сложные политические задачи.

Исторический опыт развития России в различные периоды подтверждал теоретическую правильность данного тезиса, но для достижения условий укрепления центрального аппарата власти и последующей социальной модернизации было необходимо добиться единства в среде белогвардейской элиты, выдвинув из ее среды кандидатуру общенационального лидера. Как показала подробно проанализированная в монографии В.Д. Зиминой практика административной деятельности, эта цель так и не была достигнута, что сделало шансы на успешную конкуренцию с большевистским политическим руководством призрачными. Еще более существенным и драматичным обстоятельством было то, что соперничество «белых» сил за первенство по мере развертывания и развития Гражданской войны не только не ослабевало, а, напротив, оставалось достаточно сильным и ожесточенным.

Уделяя большое внимание анализу намерений различных белогвардейских правительств в области экономической политики и проводя подробный анализ различных документов (в том числе, программных предложений правительства А.В. Колчака) по данному вопросу, автор исследования сделала вывод об их преимущественно консервативной сущности. Но если в условиях наличия самодержавной системы правления и стремления сгладить последствия русской революции 1905–1907 гг. лозунг о возможности первоочередного успокоения страны и затем вероятного перехода к осуществлению реформ еще был в какой-то мере оправданным и своевременным, то в условиях борьбы за народные симпатии в годы Гражданской войны он уже выглядел неуместным.

В.Д. Зиминой убедительно показывает, что по существу ни одна волновавшая население страны реформа не была проведена организаторами и вождями Белого движения в жизнь. Вопросы об уменьшении рабочего дня, разрешении создавать профсоюзные объединения, распределении между крестьянами ранее принадлежавших помещикам земельных угодий, в том числе за вознаграждение, не были решены. В качестве предлога для откладывания решений выступали как глобальность этих вопросов, дававшая возможность их продуктивного обсуждения Учредительным собранием, так и несвоевременность их рассмотрения в условиях боевых действий Гражданской войны. По существу ссылки на эти причины были признаком того, что у белогвардейских правительств в принципе не было решимости для кардинальных действий по рабочему и земельному вопросам.

Еще один важный фактор неудачи «белого дела» в России, подчеркиваемый в монографии В.Д. Зиминой, – это вызванная сделанной ставкой на тотальный контроль социально-производственных отношений бюрократизация системы управления. Сила этого фактора, несомненно, заключалась не только в его свойственности для истории Гражданской войны, но и в том, что его воздействие на реализацию реформаторских проектов оказывалось негативным и в другие периоды отечественной истории, включая постсоветский. Неблагоприятные последствия бюрократизации определялись и в 1917–1922 гг., и в иные эпохи, прежде всего, ее несовместимостью с утверждением системы рыночного хозяйства как наиболее эффективного и проверенного средства стимулирования различных участников производственных отношений и созидательной деятельности.

Именно эта ключевая проблема – проблема сочетания интересов мощного и имевшего в условиях Гражданской войны тенденцию к разрастанию управленческого аппарата с интересами и потребностями организаторов промышленного производства и сбыта товарной продукции заняла центральное место в монографии М.К. Шацилло «Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции».

Особенность данного исследования заключается в том, что в нем рассмотрение особенностей взаимодействия представителей российской буржуазии с белогвардейской управленческой элитой было осуществлено на материале не только российской действительности, но и применительно к условиям эмигрантской среды первой половины 1920-х гг. Такой подход, потребовавший от авто-

ра монографии привлечения большого числа часто разрозненных архивных источников, позволил дать ответ на важный вопрос о том, извлекли ли силы, потерпевшие поражение в ходе Гражданской войны, какие-либо уроки из произошедших драматических событий, сохранили ли они способность находить между собой ресурсы для взаимодействия уже в условиях вынужденного изгнания.

Для исследования М.К. Шацилло характерно обращение не только к документам, представленным в российских хранилищах, но и к ценным материалам, представленным в зарубежных архивах (прежде всего, Национальном архиве Франции). Большое внимание автор уделит вопросам историографии изученной им темы, показав поступательность ее развития. Примечательным выглядит его вывод о том, что во все периоды развития отечественной исторической науки и, в том числе, в советский период исследователи вносили ощутимый вклад в изучение развития российского предпринимательства, хотя именно эпоха эмиграции оказывалась за рамками внимания специалистов.

Наблюдения М.К. Шацилло, относящиеся к специфике функционирования торгово-промышленных кругов в России до и после Февральской революции 1917 г., отличаются высокой степенью преемственности по отношению к оценкам, сложившимся в советской, постсоветской и зарубежной историографии, по существу подтверждая их правильность.

Во-первых, в его монографии указывается на то, что в сфере российского предпринимательства всегда наблюдались существенные проблемы развития конкурентной среды для низшего и среднего секторов бизнеса. Изначально предприниматели, вступающие в ту или иную отрасль, сталкивались с очевидной ситуацией неравенства стартовых материальных возможностей организаторов производства, что в итоге порождало малочисленность представителей торгово-промышленного слоя.

Во-вторых, в исследовании М.К. Шацилло получает новое дополнительное подтверждение сформировавшийся в рамках отечественной историографической традиции тезис о постоянном соперничестве крупных хозяйственных структур в России, действовавших прежде всего в Москве и Петербурге. Уровень их конфронтации в отношении друг друга был, по наблюдениям автора, настолько велик, что даже в условиях революционной ситуации, грозившей материальными лишениями всему предпринимательскому сектору, организаторы отечественного бизнеса не смогли найти почву для консолидации.

В-третьих, в монографии отмечается, что сами по себе события Февральской и Октябрьской революций 1917 г. не вызвали существенной тревоги в торгово-промышленных кругах. Более того, февральские события были восприняты даже с воодушевлением, так как давали надежду на устранение типичного для периода второй половины XIX – начала XX вв. патернализма экономической политики государства и, следовательно, на освобождение частной предпринимательской инициативы. Только потом, в условиях тотальной большевистской национализации предприятий различной отраслевой принадлежности для всех стала очевидна ситуация крушения подавляющего большинства бизнес-проектов.

Потери ресурсов капитала оказались настолько значительными, что их не удалось восполнить и после перемещения частных предпринимательских струк-

тур в Западную Европу. Поддержку этим структурам в необходимом для их сохранения объеме не смог оказать даже созданный в начале 1920-х гг. Российский финансовый, торговый и промышленный союз («Торгпром»), изучению деятельности которого в монографии М.К. Шацилло уделено особое место. Эта структура, ставшая воплощением не реализовавшихся в дореволюционной и революционной России надежд на объединение предпринимательских организаций, просуществовала непродолжительное время до наступления «полосы признаний» СССР западными государствами.

Исследователем подтверждается вывод о том, что организаторы торгово-промышленных предприятий в России практически не уделяли внимания давно назревшей к периоду 1910–1920-х гг. проблеме социальной поддержки трудящихся. В отношении к этой проблеме они были в полной мере консолидированы с руководителями белогвардейских правительств и придерживались мнения о несвоевременности и даже неприемлемости уступок в решении рабочего вопроса в ситуации Гражданской войны.

Многие выводы, сделанные в обобщающих по своему предметному и территориальному охвату исследованиях В.Д. Зиминной и М.К. Шацилло, получили подтверждение и на региональном материале периода Гражданской войны. Эта научная тенденция заметна в монографии В.М. Рынкова «Финансовая политика антибольшевистских правительств востока России (вторая половина 1918 – осень 1920 г.)» (Новосибирск, 2006) и книге С.В. Карпенко «Белые генералы и красная смута» (Москва, 2009).

Исследование В.М. Рынкова характеризуется критическим отношением автора к имеющемуся историографическому наследию, которое, по мнению ученого, содержит большое число мифов и стереотипов, особенно по отношению к финансово-экономической проблематике. Автор полемизирует со сложившимися в советской исторической литературе представлениями о развале системы денежного обращения, коррупции бюрократического аппарата, сверхприбылях промышленников и банкиров, тяжелом экономическом положении рабочих в России периода 1918–1920 гг. Ученый обнаруживает существенные недостатки и в тех исследованиях, которые были написаны в постсоветский период. Он обнаруживает их в недостаточном внимании к региональной проблематике и отражающим эту проблематику источникам, тем самым подчеркивая новаторские свойства своего исследования, имеющего два очевидных достоинства. К ним относятся комплексно изучение экономической политики на всей территории значительного и своеобразного восточного региона России и привлечение большого корпуса неопубликованных источников. Также необходимо отметить, что монография В.М. Рынкова основывается на мощном экономико-теоретическом фундаменте, относящемся к развитию кредитно-финансовой сферы хозяйства.

Тем более парадоксальным в этой связи выглядит то обстоятельство, что основные выводы исследования по существу повторяют уже сложившиеся в историографии научные наблюдения.

Во-первых, исследователь констатирует факт нерешенности антибольшевистскими правительствами востока России проблемы стабилизации денежно-

го обращения и укрепления финансовой системы. В то же время им отмечается, что эта проблема возникла еще до наступления революционных событий 1917 г., что, впрочем, не свидетельствует об эффективности экономической политики белогвардейского руководства. В.М. Рынков указывает на то, что Гражданская война стала кульминационным событием в рамках развития финансового кризиса. Не является концептуально новым и вывод автора о том, что антибольшевистские правительства широко использовали неналоговые механизмы привлечения средств для обеспечения своего политического существования, прибегая тем самым к натурализации экономических взаимоотношений с населением.

При этом, стремясь оправдать подобные административные действия, исследователь пишет об их вынужденном характере и об их значительно меньшей масштабности по сравнению с финансовой и хозяйственной политикой советского руководства. Примечательным в данной связи выглядит тезис о том, что большевикам в отличие от «белых» было легче отказаться от использования рыночных механизмов и, в том числе, от применения денег в качестве рычага для регулирования экономических процессов. Однако теоретические наблюдения В.М. Рынкova в целом не выглядят последовательными, что позволяет говорить, главным образом, об эмпирической – источниковедческой – ценности его монографии.

Книга С.В. Карпенко представляется более объективной и целостной с точки зрения связанности фактического и теоретического материала. В ней внимание автора сконцентрировано на военных и сопутствовавших им политических и экономических событиях, происходивших в годы Гражданской войны на юге России. Монография содержит объективный анализ информационной значимости имеющихся источников по теме, отличающийся даже большей глубиной по сравнению с ценными в этом отношении исследованиями М.К. Шацилло и В.М. Рынкova. Важным представляется то, что особое внимание С.В. Карпенко уделил оценке мемуарной литературы, которая, с одной стороны, часто использовалась в постсоветской историографии и, с другой стороны, не подвергалась при этом взвешенной научной оценке. Историк также приходит к выводу о том, что целостная картина событий Гражданской войны вряд ли когда-либо сможет быть сформирована по причине недоступности многих и, как можно предположить, достаточно ценных материалов.

Концептуальная часть исследования С.В. Карпенко начинается с не вызывающего сомнений тезиса о том, что в определении хода и результатов происходивших в начале XX в. войн едва ли не решающее значение имел экономический фактор. Об этом, как известно, свидетельствовали и многие предыдущие исследования отечественных авторов, указывавших на большую и, как выяснилось, непосильную для России этого периода затратность участия в «империалистическом» противостоянии.

Исследователь, как и его предшественники, скептически оценивает способность руководивших белыми армиями и правительствами генералов осуществлять эффективные административные мероприятия. По существу, подчеркивает он, им не удалось предпринять каких-либо новых продуктивных мер для

сохранения экономической стабильности. Формулировавшиеся предложения в области повышения темпов и качества производства имели отчетливо мобилизационный характер, ослабляя тыловые ресурсы и бросая все возможные резервы на поддержку армии.

В книге С.В. Карпенко на примере значительного фактического материала подчеркивается, что связь белогвардейских правительств юга России с интересами основной массы населения (в том числе, с интересами казачества) не только не укреплялась, а, наоборот, ослабевала. Причинами такой тенденции были, с одной стороны, непрочность административных структур, в правящих кругах которых наблюдалось постоянно е противоборство, и, с другой стороны, не преодолевавшаяся никакими средствами коррупция, проникавшая в различных формах практически на все уровни военного и бюрократического аппарата.

Итогом наблюдений С.В. Карпенко, представленных в научной и притом увлекательной форме, является вывод о закономерно возникшей обреченности белогвардейских правительств юга России на провал, объяснявшийся неспособностью преодолеть не оправдавшие себя административные стереотипы и в силу этого найти своевременные и адекватные решения существовавших в стране социально-экономических проблем.

Подытоживая обзор появившихся в рамках новейшей российской историографии исследований об особенностях экономической политики в России 1910-х – 1920 гг., следует отметить, что все четыре проанализированные монографии успешно и гармонично дополняют друг друга с содержательной и источниковедческой точек зрения. Картина событий, происходивших в канун и в период Гражданской войны, выглядит вполне законченной и в плане теоретических обобщений, и в области изучения региональных особенностей хозяйственного развития на юге и востоке России, а также в местах «рассеяния» российской эмиграции.

Нельзя не обратить внимания на то, что содержащиеся в проанализированных монографиях выводы часто не только совпадают между собой, но и оказываются созвучными уже сформировавшемуся историографическому наследию. Однако в данном случае такая ситуация свидетельствует не о концептуальной вторичности новейших исследований по рассматриваемой проблематике, а об объективности сложившихся обобщений и оценок. При этом все без исключения авторы придерживаются однозначного мнения о том, что события Гражданской войны и поражение в ней Белого движения ознаменовали собой одно из ярких проявлений постигшей Россию во второй половине 1910 – начале 1920-х гг. цивилизационной катастрофы.

Г.Н. Ланской

СОДЕРЖАНИЕ, АВТОРЫ, АННОТАЦИИ

Статьи

Мазин К.А. «Окно в Европу» и начало российского «академического зарубежья» 5

Мазин Константин Анатольевич – канд. ист. наук, доцент кафедры общественных наук Института туризма и гостеприимства Российского государственного университета туризма и сервиса
info@itig.ru

В статье впервые в российской историографии исследуется зарождение российского «академического зарубежья» в петровскую эпоху, когда проведение реформ вызвало острую потребность в отечественных специалистах с европейским образованием в самых разных отраслях государственного управления. В статье освещаются различные варианты направления в Европу русских юношей, в основном из дворянской среды, условия их жизни и учебы, быт и нравы русских студентов, результаты их обучения. Рассказывается о случаях их невозвращения на родину.

Петр I, реформы, образование, «академическое зарубежье»

Симонов А.А. Мятёж полков Николаевской дивизии на Восточном фронте (январь 1919 г.) 15

Симонов Анатолий Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
simonoffsgu@mail.ru

В статье на основе не известных ранее архивных документов впервые рассказывается о трагической странице истории Красной армии – мятеже полков Николаевской дивизии в январе 1919 г. Причинами его стали укоренение «партизанщины» и других пережитков добровольчества в дивизии, неоднородная социальная среда поволжских сел, где формировались полки дивизии, долговременная самостоятельность ведения боевых действий на «окраине» Восточного фронта – в Саратовском Заволжье и, наконец, подпольная работа партии эсеров.

Гражданская война, Восточный фронт, Саратовская губерния, Самарская губерния, Новоузенский уезд, Николаевская пехотная дивизия, партизанщина, Партия социалистов-революционеров.

Мельниченко М.А. Ленин и Троцкий в советском политическом анекдоте 1920-х гг. 28

Мельниченко Михаил Анатольевич – аспирант кафедры источниковедения Государственного университета гуманитарных наук (Москва)
misha.melnichenko@gmail.com

Статья посвящена отражению в советском политическом анекдоте 1920-х гг. представлений населения о В.И. Ленине и Л.Д. Троцком. Опираясь на записи из дневников современников и эмигрантских собраний советских анекдотов, автор раскрывает основные черты образов большевистских вождей в фольклорной традиции, их эволюцию и связь этих изменений с конкретными историческими событиями.

В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, политические стереотипы, политический анекдот, советский фольклор, общественные настроения

Ерохина О.В. Германская сельскохозяйственная концессия «Маньчжур» в Советской России (1922–1934 гг.) 34

Ерохина Ольга Викторовна – канд. ист. наук, доцент кафедры истории и теории общественного развития Урюпинского филиала Волгоградского государственного университета
erohinal@mail.ru

На основе ранее не известных архивных материалов в статье анализируется опыт деятельности германской сельскохозяйственной концессии «Маньчжур», существовавшей в Донской области с 1922 по 1934 гг. Рассматриваются хозяйственные и политические условия, в которых она работала, отношение советского правительства и местных властей к концессионным предприятиям, причины, по которым концессия «Маньчжур» прекратила свое существование.

Концессия, акционерное общество, инвестиции, Государственный концессионный комитет, Народный комиссариат земледелия

Богданов С.В. Спекуляция в СССР в 1945–1953 гг.: причины, масштабы, особенности 41

Богданов Сергей Викторович – канд. ист. наук, доцент кафедры философии Губкинского института (филиала) Московского государственного открытого университета (Белгородская обл.)
sv-bogdanov@mail.ru

Статья посвящена спекуляции – одному из самых распространенных хозяйственных преступлений в СССР в первые послевоенные годы. Автор анализирует основные причины устойчивого воспроизводства спекуляции в советском обществе на разных этапах его истории, особенности спекуляции в 1945–1953 гг., ее динамику, социальный состав спекулянтов, а также карательные меры Советского государства против спекуляции и степень эффективности этих мер.

Советская экономика, товарный дефицит, государственная торговля, карточная система, спекуляция, хищения, экономическая преступность

Ерегина Н.Т. Сталинские идеологические кампании и высшая медицинская школа (1946–1953 гг.) 48

Ерегина Наталья Тимофеевна – канд. ист. наук, доцент, зав. кафедрой истории и философии Ярославской государственной медицинской академии
ereginant@mail.ru

Статья посвящена истории высшей медицинской школы в послевоенные годы. На основе широкого круга архивных документов рассказывается о сталинских идеологических кампаниях 1946–1953 гг. и их пагубном влиянии на содержание учебного процесса в медицинских вузах, этику профессиональных отношений, кадровую политику и научно-практическую деятельность медицинских вузов.

Медицинское образование, сталинизм, идеологические кампании, космополитизм, сессия ВАСХНИЛ, «павловская» сессия, «дело врачей»

Самарин А.В. Проекты переброски северных рек: ученые Коми против советской гигантомании ... 58

Самарин Алексей Викторович – канд. ист. наук, научный сотрудник Отдела «Научный архив и энциклопедия» Коми научного центра Уральского отделения РАН
samarin@presidium.komisc.ru

В статье, на основе ранее не известных архивных документов, впервые освещается разработка проектов переброски северных рек в бассейн Каспийского моря в 1950–1980-х гг., деятельность Коми филиала АН СССР, направленная на уменьшение негативных последствий переброски, а затем – на полное прекращение реализации проекта. Показано, что научная добросовестность и принципиальность ученых Коми помогли спасти Россию от экологической трагедии.

Республика Коми, Коми филиал АН СССР, переброска северных рек, «Гидропроект», экология, защита окружающей среды

Сообщения

Борисов В.Е. «Чтобы перестали матерною бранью бранитца»: видения в слободах Верхотурского уезда 1688 г. 67

Борисов Виктор Евгеньевич – аспирант кафедры истории России средневековья и раннего нового времени Историко-архивного института РГГУ
vborisove@gmail.com

В статье рассматривается всплеск богородичных видений, содержащих требование прекратить использование матерную брань, произошедший в 1688 г., в Верхотурском уезде. Оспаривается утвердившееся мнение, что видения были инсценированы приказчиками слобод с целью получить право взимать штраф за матерную брань. Высказывается предположение, что одновременность и сходство содержания видений 1688 г. объясняются скорее распространением посланий к пастве тобольского митрополита Павла.

Видения, народная культура, Русская православная церковь, матерная брань

Каиль М.В. Управление Смоленской епархией во время Гражданской войны 71

Каиль Максим Владимирович – аспирант кафедры истории России Смоленского государственного университета
mvkail@mail.ru

В статье исследуются особенности управления Смоленской епархией и епархиальной жизни на территории Смоленской губернии в годы Гражданской войны. Изучаются взаимоотношения епархиального управления с органами Советской власти, материально-бытовые и финансовые условия его работы, его взаимоотношения с Синодом и патриархом, репрессивная политика смоленских властей по отношению к Русской православной церкви.

Смоленская губерния, Смоленская епархия, Смоленский епархиальный совет, Русская православная церковь

Свидзинская М.С. Великорусский оркестр заключенных Таганской тюрьмы (1919–1921 гг.) 78

Свидзинская Мария Сергеевна – аспирантка кафедры истории России нового времени Историко-архивного института РГГУ
m.svidzinskaya@gmail.com

В статье на основе архивных документов впервые в историографии освещается история великорусского оркестра народных инструментов, организованного в Таганской тюрьме заключенными – князем А.С. Чагадаевым, бывшим помощником «реформатора русской балалайки» В.В. Андреева, и С.М. Сухотиным, одним из участников убийства Г. Распутина. Автор впервые раскрывает причины и обстоятельства создания оркестра, анализирует его состав, рассказывает о судьбах многих музыкантов оркестра, заключенных Таганской тюрьмы

С.М. Сухотин, А.С. Чагадаев, Гражданская война, Наркомат юстиции, Таганская тюрьма, великорусский оркестр

Антибольшевистская Россия

Иоффе Г. (Канада) Революционер: Жизнь и смерть Бориса Савинкова 86

Иоффе Генрих Зиновьевич – докт. ист. наук, член редколлегии «Нового Журнала» (Нью-Йорк)
ioffe@videotron.ca

Новая работа известного историка посвящена легендарному русскому революционеру Б.В. Савинкову, его взглядам, роли в организации революционного террора

партии эсеров против самодержавия, участия в строительстве демократической России в 1917 г., борьбе против большевистского режима на территории России и в эмиграции.

Б.В. Савинков, Ю. Пилсудский, Русский политический комитет, Народный союз защиты Родины и Свободы

События и судьбы

Симонов А., Симонов А., Карпенко С. Дело Якова Лиманского 93

Симонов Александр Иванович – член Союза журналистов России
simonoffsgu@mail.ru

Симонов Анатолий Александрович – канд. ист. наук, доцент кафедры отечественной истории в новейшее время Института истории и международных отношений Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
simonoffsgu@mail.ru

Карпенко Сергей Владимирович – канд. ист. наук, доцент кафедры истории России новейшего времени Историко-архивного института РГГУ
skarpenk@mtu-net.ru

Очерк о судьбе Якова Тимофеевича Лиманского. В 1937 г. он, начальник Балашовской сельскохозяйственной исправительно-трудовой колонии № 1, был арестован органами госбезопасности Саратовского управления НКВД. Обвиненный в «организации контрреволюционной группы» и «вредительстве», он переборол безжалостную машину сталинского террора. Он не только сохранил свою жизнь и вернул себе свободу, но спас от расстрела и своих «соучастников».

Я.Т. Лиманский, Автономная Республика Немцев Поволжья, Саратов, Энгельс, Балашов, НКВД СССР, сельскохозяйственная исправительно-трудовая колония, Большой террор

У книжной полки

Ланской Г.Н. Новые исследования экономической политики российских властей в начале XX в. 168

Ланской Григорий Николаевич – канд. ист. наук, доцент кафедры аудиовизуальных документов и архивов Историко-архивного института РГГУ
gri_lanskoj@list.ru

В статье в контексте современной практики изучения экономической политики российских властей в начале XX в. анализируется монография **М.К. Шацлло «Российская буржуазия в период Гражданской войны и первые годы эмиграции, 1917 – начало 1920-х годов» (М., 2008)**. На основе широкого круга российских и зарубежных источников в книге содержится новаторский по содержанию комплексный анализ организационных, политических и экономических аспектов деятельности представителей российской буржуазии в первые годы после Октябрьской революции.

Российская буржуазия, предпринимательство, Гражданская война, Белое движение, эмиграция

CONTENTS, AUTHORS, SUMMARIES

Articles

- K. Mazin** “Window to Europe” and Genesis of Russian “Academic Expatriate Community” 5

Konstantin A. Mazin – candidate of History, senior lecturer of the Department of social sciences of Institute of tourism and hospitality of Russian state university of tourism and service
info@itig.ru

The article is the first in historiography to look on the genesis of the Russian “academic expatriate community” in the period of Peter the Great, the time when implementing reforms led to the compelling need in European educated domestic specialists for wide-ranging spheres of state service. The author dwells on various ways of sending Russian youths mostly from aristocracy to Europe, their lives and studies conditions, routine and morals, academic results. The article tells the reader about some stories of their non-return to their motherland.

Peter I, reforms, education, “Academic expatriate community”

- A. Simonov** A Rebellion of the Troops of Nikolaevskaya Division at the Eastern Front (January 1919) ... 15

Anatoly A. Simonov – candidate of History, senior lecturer of the Department of Russian Contemporary history at the Institute of History and International Relations of Saratov State University
simonoffsgu@mail.ru

The articles focused on the tragic events in the History of Red Army – rebel movement in the Nikolaevskaya division on January 1919. Using previously unknown archival documents, the author describes the reasons of the rebellion among the Red Army soldiers. Author examines the sources of the movement, such as “Guerrilla spirit”, heterogeneous social environment in the country of Volga Region, “independent” character of waging the Civil War in the isolated districts of Easter Front at Saratov Trans-Volga Regions as well as propaganda activity of the representatives of Socialist Revolutionary Party.

Civil War, Eastern Front, Saratov Region, Samara Region, Novouzensk County, Nikolaevskaya Infantry Division, Guerrilla, Socialist-Revolutionary Party

- M. Melnichenko** Lenin and Trotsky in the Soviet political jokes of 1920th 28

Michael A. Melnichenko – post-graduate student of Source History Department of the State Academic University of Humanities (Moscow)
misha.melnichenko @ gmail.com

Article investigates the reflection of public perceptions about V. Lenin and L. Trotsky in soviet political jokes of 1920th. It’s based on jokes from the diaries of contemporaries and collections of jokes, published in Russian emigration. Author reveals the main features of the images of the Bolshevik leaders in the folk tradition, their evolution and the relationship of these changes with historical process.

V. Lenin, L. Trotsky, political attitudes, political jokes, Soviet folklore, the public mood

- O. Erohina** Germany agricultural concession “Manych” in Soviet Russia (1922–1934) 34

Olga V. Erohina – candidate of History, senior lecturer of the department of history and theory of social development of Urjupinsk branch of Volgograd state university
erohinal@mail.ru

The article examines the experience of Germany agricultural concessions “Manych”, which existed in the Don region from 1922 to 1934. On the basis of previously unknown archival documents the article describes the economic and political conditions in which it

worked, the attitude of the Soviet government and local authorities to concession companies, the reasons for which the concession “Manych” ceased to exist

Concession, joint-stock company, investment, State concession committee, People’s commissariat of agriculture

- S. Bogdanov** Soviet Speculation in 1945–1953s: Reasons, Scales, Peculiarities 41

Sergei V. Bogdanov – candidate of History, senior lecturer of department of philosophy of Gubkin institute (Belgorod’s branch) of Moscow State Open University.
sv-bogdanov@mail.ru

The article is devoted to speculation as one of the most widespread economic crimes in the USSR during the first post-war years. The author draws the reader’s attention to the main reasons for stable speculation in the Soviet society in the different periods of Soviet history, its peculiarities in 1945–1953s, dynamics, speculators social composition as well as Soviet punitive measures against speculation and the degree of their efficiency.

Soviet economy, commodity shortage, public trading, card system, speculation, embezzlement, economic crime

- N. Eregina** Stalin ideological campaigns and Higher medical school (1946–1953) 48

Natalia T. Eregina – candidate of History, the senior lecturer, head of history and philosophy department of the Yaroslavl state medical academy
ereginant@mail.ru

The article is devoted to the post war history of the Soviet Higher medical school. The author describes Stalin ideological campaigns of 1946–1953. The author reveals their damage influence of educational processes and staff policy, research and practical activity of the higher medical institutions on the wide basis of archive documents.

Medical education, Stalinism, cosmopolitanism, session of Lenin Academy of Agricultural Sciences of the USSR, Scientific session on the Physiological Teaching of Academician Pavlov, “case of doctors”

- A. Samarin** Northern rivers transfer projects: scientific of Komi republic against the Soviet gigantomania 58

Aleksei V. Samarin – candidate of History, research fellow of the Department «Scientific Archive and the Encyclopaedia» of the Komi Science Centre of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences
samarin@presidium.komisc.ru

In the article, on the basis previously unknown archival documents, working out of projects of a transfer of northern rivers in to the pool of the Caspian sea in 1950–1980’s, the activity of scientists of the Komi Branch of the Academy of Sciences, aimed at reduction of negative consequences of transfer, and then – at the complete termination of realization of this project. It is shown, that scientific conscientiousness and adherence to principles of the scientists into Komi republic has helped to rescue Russia from an ecological tragedy.

Komi Republic, Komi branch Academy of Sciences of the USSR, transfer of northern rivers, “Hydroproject”, ecology, environment protection

Comments

- V. Borisov** «To stop using obscene language»: visions in Verkhoturskii uезд, 1688 67

Victor E. Borisov – postgraduate student of the Department of Russian Medieval and Early Modern History of Institute for History and Archives of RSUH
vborisove@gmail.com

Landmarks in Human History

A. Simonov, A. Simonov, S. Karpenko Jacob Limansky's Case 93

Aleksandr I. Simonov – the member of Journalist's Union of Russia
simonoffsgu@mail.ru

Anatoly A. Simonov – candidate of History, senior lecturer of the department of Russian Contemporary history at the Institute of History and International Relations of Saratov State University
simonoffsgu@mail.ru

Sergei V. Karpenko – candidate of History, senior lecturer of the department of Contemporary history of Russia of Institute for History and Archives of RSUH
skarpenk@mtu-net.ru

The article is devoted to the fate of Jacob T. Limansky. While being the the director of Balashov's agriculture reformatory No 1 he was blamed in conspiracy, sabotage and arrested by NKVD. In spite of that Jacob Limansky could not only keep his own life, but save his colleagues.

Jacob T. Limansky, the Autonomous German Republic of Volga Region, Saratov, Engels, Balashov, NKVD USSR, agriculture reformatory, Great Purge

Book Reviews

G. Lanskoj New research of economic policy of Russian power structures in the beginning of XX c. ... 168

Grigori N. Lanskoj – candidate of History, senior lecturer of the department of audiovisual documents and archives of Institute for History and Archives of RSUH
gri_lanskoj@list.ru

The article in the context of contemporary practice of research of economic policy of Russian power structures in the beginning of XX century analyses the monograph of **M.K. Shatsillo "Russian bourgeoisie in the period of Civil war and the first years of emigration, 1917 – beginning of the 1920th years" (Moscow, 2008)**. On the base of large volume of domestic and foreign sources in the book there is original complex analysis of organizational, political and economical aspects of activity of the representatives of Russian bourgeoisie in the first years after the October revolution.

Russian bourgeoisie, entrepreneurship, Civil War, White movement, emigration

The article investigates the outburst of visions of Virgin Mary that took place in Verkhoturskii uезд in 1688 and contained a strong requirement to stop using obscene language. It is argued, that these visions were not a trick of the local officials in order to get opportunity to fine the peasants for using obscene language (as it was considered before). It is more likely that simultaneity and similarity of the visions is a result of spreading epistles by Paul, metropolitan of Tobolsk.

Visions, popular culture, Russian Orthodox Church, obscene language (Russian mat)

M. Kail' Administering the Smolensk Diocese During the Civil War 71

Maxim V. Kail' – post-graduate student of the Department of Russian History, Smolensk State University
mvkail@mail.ru

The article considers peculiarities of administering of the Smolensk diocese and those of diocesan life in the period of the Civil war. The article demonstrates interrelations of the diocesan administration with the bodies of Soviet power, material and other every-day conditions of its work, as well financial aspects, relations with the Synod and the Patriarch. Attention is also paid to the repressive policy of the Smolensk authorities against the Russian Orthodox Church.

Smolensk province, Smolensk diocese, Smolensk diocesan council, Russian Orthodox Church

M. Svidzinskaya Great Russian orchestra of the prisoners of Moscow Taganskaya prison (1919–1921) ... 78

Maria S. Svidzinskaya – post-graduate student of the Department of Russian Modern history of Institute for History and Archives of RSUH
m.svidzinskaya@gmail.com

For the first time in a historiography the article, based on archive documents, takes up a history of the Great Russian orchestra, organized in the Moscow Taganskaya prison by its prisoners – prince A. Chagadaev, a former assistant of "the reformer of Russian balalaika" V. Andreev, and S. Soukhotin, one of the murderers of the monk G. Raspoutin. For the first time author opens the reasons and circumstances of the foundation of the orchestra, analyzes its membership, tells about the fates of many musicians of the orchestra, prisoners of the Moscow Taganskaya prison.

S. Soukhotin, A. Chagadaev, Civil war, People's Commissariat of Justice, Taganskaya prison, Great Russian orchestra

The Anti-Bolshevik Russia

G. Ioffe (Canada) The Revolutionary: Life and death of Boris Savinkov 86

Genrikh Z. Ioffe – doctor of History, the associate editor of "Novyi Zhurnal" (New York)
ioffe@videotron.ca

The new work of the famous historian covers the life of legendary Russian revolutionary Boris Savinkov, his political views, his role in organization of socialist-revolutionary party's terror against Russian autocracy, his participation in constructing of democratic Russia in 1917, his struggle against Bolshevik regime during the Civil War in Russia and in emigration period.

B. Savinkov, Ju. Pilsudskii, Russian political committee, Peoples' Union for Defense of Motherland and Freedom

Научное издание

**НОВЫЙ
ИСТОРИЧЕСКИЙ ВЪСТНИКЪ**

Компьютерная верстка В.В. Машко

Лицензия ИД № 00843 от 25.01.2000
Свидетельство о регистрации СМИ № 77-7347
от 19 февраля 2001 г.
Гигиенический сертификат № 515204 от 28.06.2002
Подписано в печать 18.12.2009
Формат 60х90/16
Гарнитура Times New Roman
Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,5
Тираж 1500 экз.

Издательство Инполитова
117513, Москва, Ленинский пр-т, д. 135, корп. 2
Телефон: (495) 970-72-63
E-mail: nivestnik@yandex.ru
Сайт: www.nivestnik.ru
Отпечатано в Издательском центре РГГУ
125993, Москва, Миусская пл., 6
Тел.: (495) 973-42-00